

How
Lon
12

Н О Й

**АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ
ВЕСТНИК**

ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Вардван Варжапетян

**МОСКВА
1995**

© «НОЙ»

ISBN 5-7270-0012-2

СПАСИБО, ВЫ ОЧЕНЬ ПОМОГЛИ ВЕСТНИКУ "НОЙ" !

Юрий АВАКЯН
Александр АЛАВЕРДЯН
Лора БЕЛАЯ
Яша БЛЕЙМАН
Аркадий ВАРТАНЯН
Владимир ГИРШОВИЧ
Борух ГОРИН
Даниил ДОМБРОВСКИЙ
Ирина ДУРНОВО
Алена ЗАЙЦЕВА
Ирина ИСАГУЛИЕВА
Татьяна КАЛЕЦКАЯ
Юрий КОНОНЕНКО
Владимир ЛЕТУЧИЙ
Сергей ЛЁЗОВ
Самуил МИРИМСКИЙ
Людмила МОЛДАВСКАЯ
Зульфо ОГАНЯН
Лилия ПОПОВА
Лев ПСАХИС
Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ
Михаил ТЮТЮННИКОВ
Анатолий ФРИДМАН
Ефим ФАВЕЛЮКИС
Левон ХАЧАТРЯН
Борис ШАПИРО
Игорь ШАХНАЗАРОВ

А также:

Издательство Зуркамп

ТИО "Центрполиграф"

Частная образовательная фирма "Новая школа"

Королевское Посольство Норвегии

Издательство "Физкультура и спорт"

Журнал "Лехаим"

**ЭТОТ НОМЕР ВЕСТНИКА
ПОСВЯЩЕН**

НЕЛЛИ ЗАКС

(1891-1970)

Нелли ЗАКС (1891 - 1970)

* * *

Вы, созерцающие,
у кого на глазах убивали.
Как чувствуешь взгляд спиной,
так чувствуете вы всем вашим телом
взгляды мертвых.

Сколько ломких глаз взглянет на вас,
когда вы из ваших убежищ сорвете фиалку?
Сколько молящих рук
в мученической судороге веток
на старых дубах?
Сколько воспоминания произрастает в цветку
вечернего солнца?

О неспетые колыбельные
в ночном крике горлицы!
Иной принес бы на землю звезды,
а теперь за него это сделает старый колодец.

Вы, созерцающие,
вы не подняли убийственную руку,
но праха с вашей тоски
не стряхнуть вам,
вы, стоящие там, где прах в свет
превращается.

Перевод В.Микушевича

ПОЧЕМУ ВОЙНА!

Под заголовком "Почему война" это письмо Альберта Эйнштейна вместе с ответом Зигмунда Фрейда было опубликовано в 1933 году Международным институтом культурного сотрудничества в начатой по инициативе Института международной серии открытых писем, в которых ведущие представители мировой культуры высказывали свои мысли по важнейшим вопросам современности, в частности по самой острой проблеме — угрозе войны.

Канут, район Потсдама, 30 июля 1932 г.

Уважаемый профессор Фрейд!

Я очень рад, что, приглашая меня к свободному обмену мнениями с человеком по моему выбору, по интересующему меня вопросу, Лига Наций и ее Международный институт интеллектуального сотрудничества в Париже дали мне возможность вступить с вами в диалог по вопросу, который, при сегодняшнем положении дел, представляется мне наиболее важным для мировой цивилизации.

Можно ли спасти человечество от угрозы войны? Всем нам хорошо известно, что этот вопрос с развитием современной науки стал вопросом жизни и смерти цивилизации, наследниками которой мы являемся; и тем не менее, несмотря на все наши усилия, попытки найти решение этой проблемы оканчивались неудачей.

Более того, я думаю, что те, кто по роду своих занятий обязан заниматься этим, начинают на практике все больше осознавать свою беспомощность и потому стремятся узнать точку зрения ученых, которым углубленные занятия наукой позволяют увидеть перспективы развития окружающего нас мира.

Что касается меня, то обычные мои изыскания ведутся в иной области и не дают возможности проникнуть в сущность темных сторон человеческой воли и чувств. Поэтому я могу лишь попытаться осветить некоторые аспекты поставленного вопроса и, подготовив тем самым почву для более точных выводов, дать Вам возможность на основе Вашего глубокого знания человека пролить свет на эту проблему.

Я убежден, что вы укажете просветительские средства, способные в определенной мере неполитическим путем устранить

психологические препятствия, которые человек непосвященный может предполагать, но чьи связи и разновидности он не способен оценить.

Как человек, лишенный каких-либо националистических предрассудков, лично я вижу довольно простой внешний (то есть административный) путь: учреждение с международного согласия законодательного и юридического органа для урегулирования конфликтов, возникающих между государствами. При этом каждое государство берет на себя обязательство следовать указаниям этого законодательного органа, апеллировать к нему в каждом спорном вопросе, безоговорочно признавать его решения и выполнять все, что этот форум сочтет нужным для проведения в жизнь его решений. Однако здесь с самого начала передо мной встает следующая трудность: такой форум, как всякое человеческое установление, в тем большей мере подвержен внеправовому давлению, чем меньше у него возможностей обеспечить принудительное исполнение своих решений.

Это факт, с которым мы не можем не считаться: право и сила неизбежно идут рука об руку, и правовые решения тем ближе к идеалу справедливости данного общества (от имени и в интересах которого они выносятся), чем большей властью обладает это общество для того, чтобы заставить уважать свой правовой идеал. Однако в настоящее время мы весьма далеки от создания достаточно компетентной международной организации, которая могла бы выносить не подлежащие обжалованию решения и добиваться беспрекословного их выполнения. Таким образом, я подхожу к своей первой аксиоме: интересы обеспечения международной безопасности требуют, чтобы каждое государство в известной степени поступилось неограниченной свободой своих действий во имя общего блага; для меня ясно, что другого пути для достижения такой безопасности, вне всяких сомнений, не существует.

Неудачи, которыми кончались в последнее десятилетие все попытки достичь этой цели, не оставляют никаких сомнений в том, что им противодействуют мощные психологические факторы. Некоторые из них буквально бросаются в глаза. Жажда власти, присущая правящему классу наших государств, не позволяет им примириться с каким-либо ограничением их суверенитета. Это стремление к политической власти, как правило, бывает на

руку другой социальной группе, чьи устремления носят чисто корыстный, экономический характер. Здесь я прежде всего имею в виду ту небольшую, но весьма активную группу, которая, нимало не заботясь о благе общества, не считаясь ни с какими ограничениями, рассматривает войну, производство и продажу оружия лишь как средство личного обогащения и упрочения своего влияния.

Однако признание этого очевидного факта — лишь первый шаг к пониманию действительного положения дел. Здесь возникает другой вопрос: каким образом небольшой клике, ставящей свои амбиции превыше всего, удастся подчинить себе волю большинства, которому война несет лишь страдания и гибель? (Говоря о большинстве, я включаю в него также тех военнослужащих, которые избрали войну своей профессией, слепо веря, что стоят на страже высших интересов своей нации и что наилучший способ защиты — нападение.) Дело, по-видимому, в том, что меньшинство, в чьих руках находится сегодня власть, контролирует школы, прессу и церковь. Это позволяет ему направлять эмоции масс в нужное русло, используя их в своих целях.

И все-таки даже этот ответ не является исчерпывающим, так как возникает еще один вопрос: каким образом этой клике удастся довести людей до такого исступления, что они готовы жертвовать своими жизнями? Здесь возможен лишь один ответ: по-видимому, в самой природе человека, живущего в наших условиях, скрыта склонность к ненависти и разрушению. В мирные времена она таится под спудом и обнаруживает себя лишь в чрезвычайных обстоятельствах; однако разжечь ее и довести до психоза сравнительно нетрудно. Здесь, по видимому, и кроется разгадка всего хитросплетения рассматриваемых нами факторов, но ключ к ней может подобрать лишь специалист в этой области.

Итак, мы подходим к нашему последнему вопросу. Существует ли возможность направлять развитие человека таким образом, чтобы выработать у него иммунитет к психозам ненависти и разрушения? Здесь я никоим образом не хочу свести разговор к одним так называемым некультурным массам. Опыт показывает, что наиболее подверженной этим пагубным внушениям часто оказывается у нас та часть интеллигенции, которая оторвана от реальной жизни и сталкивается лишь с ее облегченным, синтетическим отражением — печатным словом.

До сих пор я говорил только о войнах между государствами, которые определяются как международные конфликты. Однако я хорошо понимаю, что агрессивность может принимать иные формы и проявляться в иных обстоятельствах. (Например, братоубийственные войны, в былые времена возникавшие на почве религиозного фанатизма, а в наши дни — в результате действия социальных факторов или преследования национальных меньшинств.) И все же я намеренно обращаюсь к наиболее типичной, наиболее жестокой и разрушительной форме конфликтов между людьми, поскольку, анализируя ее, мы можем выявить пути и средства для искоренения любых вооруженных конфликтов в будущем.

Я знаю, что в своих работах вы, отчасти прямо, отчасти косвенно, ответили на все вопросы по интересующей нас проблеме.

Но было бы очень полезно, если бы вы развили проблему пацификации мира в свете ваших новых открытий, так как подобная работа могла бы стать источником плодотворных усилий.

Искренне Ваш А.Эйнштейн.

Дорогой г-н Эйнштейн!

Когда я услышал, что Вы намерены пригласить меня обменяться мыслями по поводу темы, которая вызывает интерес у Вас и, кажется, заслуживает интереса других, я охотно согласился. Я ожидал, что Вы выберете проблему, стоящую на границе познанного нами к настоящему времени, к которой у каждого из нас, будь он физиком или психологом, может быть собственный подход, так что, продвигаясь с разных сторон, мы можем встретиться в одной точке. Однако Вы удивили меня, поставив вопрос: что можно сделать, чтобы защитить человечество от проклятия войны. Поначалу я испугался под впечатлением моей — я чуть было не сказал: нашей — некомпетентности. Ведь это казалось мне практической задачей, выпавшей на долю государственных мужей. Но затем я понял, что Вы ставите этот вопрос не как естествоиспытатель и физик, но как

филантроп, следующий инициативе Лиги Наций, подобно тому, как полярник Фритъоф Нансен занялся оказанием помощи голодающим и бездомным жертвам мировой войны. Я подумал также, что практические предложения от меня не потребуются, зато я должен показать, что представляет собой проблема избежания войны с психологической точки зрения.

Но и в данном случае Вы сами уже почти все сказали по этому поводу. Вы отняли ветер у моих парусов, но я охотно последую в кильватере за Вами и удовлетворюсь подтверждением уже высказанного Вами, расширив его, насколько возможно, в меру моих познаний — или предположений.

Вы начинаете с отношения права и власти. Это, несомненно, верный исходный пункт для нашего исследования. Но нельзя ли мне заменить слово "власть" более резким, жестким словом "насилие"? Сегодня право и насилие являются для нас противоположностями. Легко показать, однако, что одно развилось из другого, и если мы вернемся к самому началу и посмотрим, как это впервые происходило, то без труда придем к решению проблемы. Извините меня за то, что говорить мне придется об общеизвестном и признанном как о чем-то новом — меня принуждает к этому логика изложения.

Конфликт интересов между людьми в принципе разрешается посредством насилия. Так происходит во всем животном царстве, человек не должен составлять здесь исключения. Вдобавок у людей появились конфликты по поводу мнений, каковые могут достигать наивысших вершин абстрактности и, кажется, требуют иной техники для разрешения. Это, однако, позднейшее усложнение. Первоначально в небольшой человеческой орде решающее значение имела большая сила мускулов — она определяла, кому что принадлежит и чьей воле следует подчиняться. Вскоре сила мускулов была подкреплена и заменена орудиями; побеждал тот, у кого было лучше оружие или тот, кто более умело его использовал.

С введением оружия духовное превосходство уже начинает становиться на место грубой силы мускулов; но конечная цель борьбы остается той же самой: одна из сторон принуждалась отказаться от своих требований или притязаний. Она терпела ущерб, происходила парализация ее сил. Самым основательным образом это достигалось устранением сопротивления противника навсегда, то есть путем его убийства. Это имело два преимущества: и то, что противник уже не мог появиться снова, и то, что его судьба отпугивала своим примером других. Кроме того, убийство врага удовлетворяло инстинктивную склонность, о которой речь пойдет далее. Намерению уби-

вать может противостоять соображение, что врага можно с пользой употребить для работы, если ему сохранить жизнь. Тем самым насилие вместо убийства стало довольствоваться порабощением. Так было положено начало пощады к врагу, но с тех пор победитель должен был считаться и с подстерегающей его жаждой мести побежденного — он пожертвовал и частью своей собственной безопасности.

Таково первоначальное состояние: господство наделенного властью, грубого или опирающегося на интеллект насилия. Мы знаем, что этот режим изменился по ходу развития, он прошел путь от насилия к праву — но каков этот путь? Мне кажется, единственный. Он вел к такому положению дел, что большую силу одного смогли возместить объединением нескольких слабейших.

Насилие можно сокрушить единством, власть объединившихся предстает теперь как право против насилия одного. Мы видим, что право есть власть сообщества. Это по-прежнему насилие, применяемое к каждому одиночке, который ему себя противопоставит; оно работает теми же средствами, преследует те же самые цели. Различие только в том, что насилие осуществляется уже не одним, но общиной. Однако для того, чтобы совершился этот переход от насилия к новому праву, должно быть выполнено одно психологическое условие. Объединение большинства должно быть устойчивым и долговечным. Если оно устанавливается только с целью борьбы с господством одного и распадается после его крушения, то ничего не будет достигнуто. Следующий, считающий себя сильнейшим, начнет стремиться вновь к насильственному господству, и будет вечно повторяться одна и та же игра. Сообщество должно постоянно себя поддерживать, организовываться, создавать предписания, предупреждающие риск восстания, устанавливать органы, которые наблюдали бы за соблюдением предписаний-законов и заботились бы об исполнении законных актов насилия. Признание подобной общности интересов ведет к установлению эмоциональных связей между членами группы — чувству общности, которое и дает группе ее подлинную силу.

Тем самым, как мне кажется, нам уже дано все существенное: преодоление насилия передачей власти более широкой общности, которая скрепляется эмоциональными связями своих членов. Все остальное — просто расширение и повторение того же самого. Ситуация несложна, пока сообщество состоит из какого-то числа индивидов равной силы. Законы такого союза определяют тогда, в какой мере должен отказываться индивид от личной свободы, прибегать к насилию, чтобы сделать возможной совместную жизнь. Но

подобное состояние покоя мыслимо только теоретически. В действительности положение усложняется тем, что сообщество включает с самого начала неравные по силе элементы: мужчин и женщин, взрослых и детей — а вскоре, вследствие войн и завоеваний, также победителей и побежденных, превращающихся в господ и рабов. Право в обществе становится выражением неравенства людей в отношениях власти: законы создаются правящими и для правящих, тогда как у подчиненных остается немного прав. С тех времен в обществе существуют два источника беспокойства по поводу права, являющихся одновременно и источниками его развития. Во-первых, попытки отдельных господ встать выше общих для всех ограничений, вернувшись тем самым от господства по закону к господству насилия. Во-вторых, постоянные стремления поработанных добыть себе большую власть и добиться признания этих изменений в виде закона, продвигаясь тем самым от неравноправия к равному для всех праву. Последнее направление становится особенно значимым, когда в обществе происходит действительное перемещение власти, совершающееся в силу многообразных исторических обстоятельств. Право может тогда мало-помалу приспособиться к новому разделению власти — либо, что происходило чаще, господствующий класс не готов признать произошедшие изменения, что приводит к восстанию, гражданской войне с временным приостановлением действия права и новыми попытками решения с помощью насилия, результатом которых оказывается установление нового правопорядка. Имеется еще один источник изменения права, проявляющийся исключительно мирным образом — культурные трансформации членов общества. Но они принадлежат иной области, о которой речь пойдет далее.

Мы видим, таким образом, что и в обществе не избежать насильственного разрешения конфликта интересов. Но повседневные нужды и общие заботы, проистекающие из совместной жизни, способствуют быстрому окончанию такой борьбы, и вероятность мирного решения в этих условиях постепенно возрастает. Однако достаточно одного взгляда на историю человеческого рода, чтобы увидеть бесконечный ряд конфликтов одного общества с другим (или с многими другими), между большими и малыми ассоциациями — городами, провинциями, племенами, народами, империями — которые почти всегда решались пробой сил в войне. Такие войны завершались либо грабежом, либо полным поработением, завоеванием одной из сторон. Трудно дать общую оценку завоевательным войнам. Одни из них (например завоевания монголов и турок) не приносили ничего, кроме бедствий. Другие, напротив, приводили к превра-

щению насилия в право — с установлением более широких объединений, в пределах которых исключалась возможность обращения к насилию, а новый правопорядок сглаживал конфликты. Так завоевания римлян дали средиземноморским землям бесценный *рэх романа*. Жажда власти французских королей создала цветущее французское королевство. Как бы парадоксально это ни звучало, необходимо признать, что война была не самым негодным средством для установления желанного "вечного" мира, так как она создавала более обширные объединения, в пределах которых единое централизованное насилие делало невозможными войны. Но война все же не годилась для этой цели: успехи завоеваний были, как правило, недолговременными, новообразованные объединения скоро вновь распадались — чаще всего из-за недостаточной сплоченности соединенных насилием частей. Кроме того, завоевания до сих пор приводили лишь к частичным объединениям, будь они даже значительными, и конфликты между этими объединениями по-прежнему требовали насильственного разрешения. Следствием всех военных усилий было, кажется, лишь то, что человечество поменяло бесчисленные, беспрестанные малые войны на более редкие, но тем более опустошительные великие войны.

Обратившись к современности, мы получаем тот же результат, к которому Вы пришли более коротким путем. Надежное предотвращение войны возможно лишь в том случае, если люди будут объединены установлением одного центрального правительства, которому было бы передано разбирательство всех конфликтов интересов. Здесь очевидно объединяются два требования: создания такой высшей инстанции и наделения ее необходимой властью. Одно без другого бесполезно. Лига Наций была задумана как инстанция такого рода, но второе условие не было выполнено: у Лиги Наций нет собственной власти, и она смогла бы приобрести ее лишь в том случае, если бы члены нового союза — отдельные государства — уступили бы ее. К настоящему моменту перспективы такого рода весьма незначительны. Образование Лиги Наций было бы совершенно непонятным актом, если бы не знание того, что оно представляет собой попытку, на которую редко — а в таком масштабе, наверное, никогда — отваживались в истории человечества. Это попытка рассчитывать на власть, то есть принудительное воздействие, покоившееся ранее на обладании силой, путем призыва неких идеальных представлений. Мы говорили, что воедино общество связуют две вещи: насильственное принуждение и эмоциональные связи между членами общества — технически именуемые *идентификациями*. При отсутствии одного момента, быть может, другой спосо-

бен скрепить общество. Естественно, идеи обретают значимость только в том случае, если они выражают общие заботы членов общества. Вопрос в том, насколько они сильны. История учит нас, что они действительно обладали известным влиянием. Например, идея панэллинизма, то есть сознание, что эллины чем-то лучше окружавших их варваров — идея, получившая столь заметное выражение в амфикиониях, оракулах, играх, — была достаточно сильна, чтобы смягчать войны между греками. Но она была, само собой разумеется, не в состоянии предотвращать военные столкновения между различными частями греческого народа либо помешать тому или иному городу или союзу городов объединяться с врагом-персом во вред своему сопернику. Столь же мало препятствовало большим и малым христианским государствам эпохи Ренессанса общее чувство принадлежности к христианскому миру, которое было тогда достаточно сильным, — добиваться помощи султана в войнах друг с другом. Такого рода идея, наделенная способностью объединять под одной властью, отсутствует и в наше время. Слишком очевидно, что национальные идеалы, господствующие у разных народов, влекут их в прямо противоположные стороны. Есть лица, предсказывающие, что только с всеобщим осуществлением большевистского способа мышления придет конец войнам, но и от этой цели мы сегодня в любом случае весьма далеки, да и достигнуть ее можно только с помощью ужасающих гражданских войн. Так что попытка заменить реальную власть на власть идей кажется сегодня обреченной на провал. Было бы ошибкой не принимать во внимание тот факт, что право изначально было грубым насильем и до сего дня оно не может обойтись без помощи насилия.

Теперь я могу добавить глоссу и к другому Вашему рассуждению. Вы удивляетесь тому обстоятельству, что людей так легко вдохновить на войну, и предполагаете, что за этим стоит что-то реальное, инстинкт ненависти и уничтожения, который совпадает с усилиями подстрекателей. Вновь я могу полностью с Вами согласиться. Мы верим в существование такого инстинкта и в последние годы прилагали усилия для изучения его проявлений. Позвольте ли Вы мне в связи с этим представить некоторые стороны учения об инстинктах, к которому мы пришли в психоанализе после многих проб и колебаний? Мы полагаем, что человеческие влечения бывают только двух родов. Либо те, что направлены на сохранение и объединение; мы называем их *эротическими* — в том смысле, в каком Эрос понимается в платоновском "Пире", — или *сексуальными влечениями*, сознательно расширяя широко известное понятие "сексуальность". Либо те, что направлены на разрушение и убий-

ство: мы сводим их к *инстинкту агрессии* или *инстинкту деструктивности*. Как Вы видите, это, собственно говоря, теоретическое разъяснение хорошо всем известной противоположности *любви и ненависти*, которая, возможно, находится в каком-то фундаментальном соотношении с притяжением и отталкиванием, играющими свою роль в Вашей области знания. Нам не следует торопиться с введением таких оценочных категорий, как "добро" и "зло". Один инстинкт столь же необходим, как и другой; все проявления жизни происходят из позитивно или негативно направленного взаимодействия обоих. Кажется, влечение одного рода почти никогда не действует изолированно, оно всегда определенным образом связано (мы бы сказали — сплавлено) с другой стороной, которая модифицирует его цель, либо, как в некоторых случаях, делает возможным достижение цели. Например, инстинкт самосохранения обладает несомненно эротической природой, но уже он нуждается в известной агрессивности для реализации своей цели. Точно так же направленный на объект любовный инстинкт требует дополнения инстинктом обладания, если он вообще улавливает свой объект. Трудность изоляции одного инстинкта от другого в их внешних проявлениях до сих пор скрывала их от познания.

Если Вы последуете за мною чуть дальше, то услышите, что в человеческих действиях мы сталкиваемся с еще одной сложностью иного рода. Действие достаточно редко является результатом работы одного инстинктивного побуждения, состоящего из *Эроса* либо *деструктивности*. Как правило, действие становится возможным благодаря комбинации множества подобных составных мотивов. Один из Ваших коллег по профессии уже знал это — профессор Г.Х. Лихтенберг, который преподавал физику в Геттингене в классический век. Он изобрел "компас мотивов", говоря: "Побудительные причины наших действий можно было бы расположить подобно тридцати двум направлениям ветров на компасе и назвать их сходным образом: хлеб-хлеб-слава или слава-слава-хлеб. Когда людей призывают на войну, у них это может вызвать в ответ целое множество мотивов для согласия — подлых и благородных, тех, о которых громко говорится вслух, и тех, что замалчиваются. У нас нет повода говорить о всех мотивах. Наслаждение от агрессии и разрушения несомненно входит в их число: бесчисленные жестокости истории и повседневной жизни свидетельствуют об их существовании и силе. Естественно, слияние деструктивных стремлений с другими, эротическими и идеальными, облегчает их удовлетворение. Читая о жестокостях в истории, у нас иногда возникает впечатление, что идеальные мотивы служили лишь прикрытием для деструктивных влечений; иногда, как, например, в случае жестокостей святой инкви-

зиции, кажется, что идеальные мотивы теснились в сознании, получая бессознательное подкрепление от деструктивных. Возможны оба случая.

Я опасаясь, что злоупотребляю Вашим вниманием, так как оно обращено все же на предотвращение войны, а не на наши теории. Тем не менее я хотел бы бросить еще один взгляд на наше учение об инстинкте деструктивности. Позволив себе некоторую спекуляцию, мы подошли как раз к тому предположению, что этот инстинкт работает в каждом живом существе и стремится привести его к распаду, вернуть жизнь в состояние неживой материи. Со всею серьезностью он заслуживает названия "инстинкт смерти", в то время как эротические влечения представляют собой стремление к жизни. Инстинкт смерти становится инстинктом деструктивности, когда он направлен вовне, на объекты — с помощью специальных органов. Живое существо, так сказать, сохраняет свою собственную жизнь, разрушая чужую. Но часть инстинкта смерти остается деятельной внутри живого существа, и нами прослежено достаточно большое число нормальных и патологических проявлений направленного вовнутрь инстинкта деструктивности. Мы даже впали в такую ересь, что стали объяснять происхождение нашей совести подобным внутренним направлением агрессивности. Как Вы понимаете, если этот процесс заходит слишком далеко, это не так уж безопасно — это прямо вредит здоровью, тогда как направление инстинктивных сил деструктивности на внешний мир разгружает живое существо и должно быть для него благотворным. Это служит биологическим оправданием всех тех безобразных и опасных стремлений, которые нам приходится перебарывать. Нужно признать, что они стоят ближе к природе, чем наше им сопротивление, для которого нам еще необходимо найти объяснение. Возможно, у Вас возникнет впечатление, что наши теории представляют собой своего рода мифологию, причем в данном случае не слишком отрадную. Но не приходит ли в конечном счете к подобной мифологии всякая естественная наука? Разве у вас в физике все обстоит иначе?

Для наших ближайших целей на основании всего сказанного выше мы заключаем, что у нас нет никаких шансов ликвидировать агрессивные склонности человека. Счастливы, должно быть, те края Земли, где природа щедро предоставляет все то, в чем нуждается человек, где в кротости течет жизнь племен, незнакомых с принуждением и агрессией. Я едва ли могу в это поверить и хотел бы побольше знать об этих счастливых. Большевики также надеются на то, что им удастся уничтожить человеческую агрессивность путем удовлетворения материальных нужд и установления равенства среди членов общества. Я считаю это иллюзией. Пока что они сами старательно вооружаются и, что не

менее важно, объединяют своих сторонников ненавистью ко внешнему миру. Кроме того, как Вы сами это заметили, речь идет не о том, чтобы полностью устранить человеческую склонность к агрессии; можно попытаться так изменить ее направление, чтобы она не обязательно находила свое выражение в форме войны.

В нашем мифологическом учении об инстинктах легко найти формулу косвенных методов борьбы с войной. Если готовность к войне проистекает из инстинкта деструктивности, то ближайшим средством будет призывание противоположного ему инстинкта, *Эроса*. Все, что устанавливает эмоциональные связи между людьми, должно противостоять войне. Такие связи могут быть двоякого рода. Прежде всего это отношения, подобные отношению к объекту любви — даже при отсутствии сексуальной цели. Психоанализ не нуждается в том, чтобы стыдиться, говоря о любви — ведь религия говорит то же самое: "Возлюби ближнего своего как самого себя". Только это легко предписать, но трудно исполнить. Другого рода эмоциональная связь возникает через идентификацию. Все, что представляет собой для людей общезначимый интерес, возбуждает подобную общность чувств, идентификаций. На них в значительной мере покоится здание человеческого общества.

Ваше сетование относительно злоупотребления властью подводит меня ко второму моменту косвенной борьбы с войной. Одной из сторон врожденного и непреодолимого неравенства людей является их разделение на вождей и подчиненных. Последние представляют собой подавляющее большинство. Они нуждаются во власти, которая принимала бы за них решения и которой они по большей части всецело подчиняются. Из этого следует, что требуется обратить большее, чем раньше это делалось, внимание на воспитание высшего слоя самостоятельно мыслящих, не поддающихся запугиванию, стремящихся к истине людей, которые давали бы направление несамостоятельным массам. Злоупотребляющие государственной властью правительства и налагающая запрет на мысль церковь явно не годятся для такого взращивания — это не требует доказательств. Идеальным было бы, конечно, сообщество людей, подчинивших жизнь инстинктов диктатуре разума. Ничто иное не дало бы столь совершенного и прочного единства людей, даже при условии отказа от эмоциональных связей между ними. Но эта надежда является в высшей степени утопической. Другие средства косвенного предотвращения войны, конечно, тоже должны идти в ход, но они не обещают быстрого успеха. На ум приходит не слишком радостный образ мельницы, которая так долго мелет, что можно умереть с голоду, не дождавись муки.

Как Вы видите, мало толку привлекать для совета по настоятель-

ным практическим проблемам далекого от мирских дел теоретика.

Лучше всего было бы, если бы в каждом конкретном случае опасность встречали имеющимися под рукой средствами. Однако мне хотелось бы обсудить еще один вопрос, который не поднимался в Вашем письме и который меня особенно интересует. Почему нас так возмущает война — и Вас, и меня, и многих других? Почему мы не смиряемся с нею так же, как со многими другими бедствиями жизни? Ведь она кажется соответствующей природе, биологически обоснованной и практически неизбежной. Не ужасайтесь моему вопросу. В целях исследования следует избрать маску отстраненности — даже если ею не располагаешь в действительности. Ответ будет звучать так: потому, что каждый человек имеет право на свою собственную жизнь, в то время как война уничтожает исполненную надежд жизнь человеческую, ставит человека в унижительное положение, принуждает его убивать других, чего он вовсе не хочет, разрушает дорогостоящие материальные ценности, плоды человеческого труда и т.д. В своем современном обличье война более не предоставляет возможности для осуществления древних героических идеалов, вследствие усовершенствования средств уничтожения. Грядущая война будет означать истребление одного, а возможно, и обоих противников. Все это верно и кажется настолько бесспорным, что можно только удивляться тому, что военные действия еще не отменены общечеловеческими соглашениями. Конечно, можно дискутировать по каждому из пунктов. Можно спрашивать — не должно ли общество обладать правом на жизнь индивида; можно в равной мере осуждать различного рода войны; пока есть государства и нации, готовые к беспощадному уничтожению других, эти другие также должны быть готовы к войне. Но все эти вопросы мне хотелось бы опустить, поскольку они выходят за пределы предложенной Вами темы обсуждения. Я имею в виду нечто другое: я полагаю, что главная причина нашего возмущения войной состоит в том, что мы больше ничего и не можем. Мы являемся пацифистами потому, что должны быть таковыми по органическим причинам. А потому нам нетрудно найти аргументы для оправдания нашей позиции.

Без объяснения это не слишком понятно. Я имею в виду следующее: с незапамятных времен длится процесс культурного развития человечества (как мне известно, другие называют его цивилизацией). Этому процессу мы обязаны всем лучшим в плане того, какими мы стали, и значительной частью того, от чего мы страдаем. Причины и начала его темны, его исход неизвестен, очевидны лишь некоторые его характеристики. Возможно, он ведет к угасанию человеческого рода, ибо наносит ущерб сексуальной функции — уже сегодня некультурные расы и отсталые слои населения размножаются быстрее, чем развитые и высоко-

культурные. Вероятно, этот процесс сравним с приручением некоторых видов животных. Без сомнения, он ведет и к телесным изменениям. Характеристики культурного развития как органического процесса остаются пока что неизвестными. Сопровождающие культурный процесс изменения психики, однако, бросаются в глаза и не вызывают сомнений. Они заключаются в прогрессирующем смещении инстинктивных целей и ограничении инстинктивных импульсов. Ощущения, доставлявшие наслаждение нашим далеким предкам, стали для нас безразличными или даже невыносимыми; имеются органические причины для изменения наших этических и эстетических идеалов. Из психологических характеристик культуры важнейшими кажутся: усиление интеллекта, начинающего господствовать над жизнью влечений, интернализация агрессивной склонности со всеми ее выгодными и опасными последствиями. Война самым резким образом противоречит тем психическим установкам, к которым нас принуждает культурный процесс; поэтому мы должны возмущаться войной, мы ее попросту не выносим. Это уже не просто интеллектуальный или аффективный отказ — для нас, пацифистов, это конституционная нетерпимость, высшая степень идиосинкразии. И все же кажется, что унижение войною эстетического чувства имеет не меньшее значение для нашего отказа от войны, чем ее жестокости.

Как долго потребуется нам ждать, чтобы и другие стали пацифистами? Мне нечего сказать по этому поводу, но, возможно, это отнюдь не утопическая надежда, что влияние обоих моментов — культурной установки и оправданного страха перед последствиями будущей войны — положит конец военным действиям в обозримом времени. Можно только гадать, какими путями или тропами это придет. Одно мы можем сказать: все, что способствует культурному развитию, работает также и против войны.

Я сердечно Вас приветствую и прошу простить, если мой ответ Вас разочаровал.

Ваш Зигмунд Фрейд

Перевод с немецкою А. М. РУТКЕВИЧА

Речь при вручении Нобелевской премии в Стокгольме

Ваше величество, ваши королевские высочества, мои высокочтимые слушатели!

Летом 1939 г. моя немецкая подруга отправилась в Швецию, чтобы посетить Сельму Лагерлёф и просить у нее помощи и содействия в поисках убежища в Швеции для моей матери и для меня.

Мне посчастливилось: с юных лет я переписывалась с Сельмой Лагерлёф. Из ее произведений произросла моя любовь к ее родине.

Принц-художник Евгений и поэтесса приступили к спасительной работе.

Весной 1940 г., пережив мучительное время, мы приехали в Стокгольм. Дания и Норвегия были уже оккупированы. Мы уже не застали в живых великую поэтессу. Не понимая языка, не имея в Швеции ни одного знакомого, мы вдохнули воздух свободы.

Сегодня, через двадцать шесть лет, я вспоминаю слова моего отца, которые он произносил каждый год 10 декабря: сейчас в Стокгольме нобелевское торжество.

Благодаря решению Шведской Академии сегодня я в центре этого торжества. Мне кажется, действительностью стала сказка.

*В разгаре бегства
какое откровение дорогой -*

*Закутавшись
в платок ветров
Ноги в молитве песка
который никогда не может сказать "аминь"
потому что ему нужно
с плавника на крыло
и дальше -*

*Большой мотылек
скоро узнает вновь о море
этот камень
с инициалами мухи
в руки мне дался*

*Преображение мира -
вот моя родина.*

МОТЫЛЕК

Какой запредельный прекрасный мир
изображен в твоём прахе...
Ты пронизал
пламенное ядро земли,
ее каменную чашу,
ты — прощальный знак на грани бренности.

Мотылек
вечерний привет всего живого!
Груз жизни и смерти
на твоих крылах опустился
на розу,
что вянет вместе с лучом, спешащим домой.

Какой запредельный прекрасный мир
изображен в твоём прахе,
какой царский знак
в загадке воздуха...

* * *

Я больше не знаю,
где поют птицы,
или
рыдают ли в море
ангелы бездны
дрожа в священном страхе
что их поднимут на воздух

Я никогда не узнаю
гибнут ли
в пламенных недрах земли
грозно испепеляющие желанья
что подобно меч-рыбе
пронзают
нежное чудо души
и не угасило ли
мой черный свет

в ночном мятже
оскорбленное мирозданье

ибо я снова
слово любви проспала.

* * *

Сон сплетает сеть дыханья
как Ветхий Завет,
но его не прочтет никто,
кроме влюбленных
которые мчатся прочь
сквозь певучий круг
ночных темниц
в чарах сна пролетая
высоко
над горами мертвых

Чтобы потом
окупиться в рожденье
нового солнца
сотворенного в их гончарне.

ХОР СПАСЕННЫХ

Мы, спасенные,
Из наших пустых костей смерть уже вырезала флейты,
На наших жилах смерть играла как на струнах
Все еще стонут наши тела
Их стон как кровавая музыка
Мы, спасенные,
Еще висят петли, скрученные для нас
В голубом воздухе
Еще склянки часов полнятся нашей кровью.
Мы, спасенные,
Все еще точат нас черви страха
И в пыль мы зарылись лицом
Мы, спасенные,
Молим вас:
Не сразу покажите нам ваше солнце
Медленно ведите нас от звезды к звезде

Тихо учите нас жить заново
 Иначе от песни птицы
 От плеска ведра у колодца
 Оживет наша еле зажившая боль
 И смоег нас прочь --
 Мы просим вас:
 Уберите от нас злого пса
 Быть может быть может
 Мы рассыплемся прахом --
 Прахом - прямо у вас на глазах.
 Чем же держатся наши тела?
 Мы, бездыханные,
 Чья душа в час полночный,
 Не дождавшись, покуда тело спасут,
 Бежала в ковчег мгновенья.
 Мы, спасенные,
 Мы пожимаем вам руки,
 Мы узнаем ваши взоры,
 Но держимся мы — только прощаньем,
 Только прощанье в прахе
 Соединяет нас с вами.

* * *

Вам, строящим новый дом,
 воздвигая новые стены,
 мастера ложе, стол и очаг,
 не роняй слезы об усопших,
 о тех, кто к тебе не вернется,
 ни на камень,
 ни на доску,
 иначе плач твой сон отберет,
 недолгий, что так тебе нужен.

Не вздыхай, простыню застилая,
 иначе с предсмертным потом
 ты смешаешь свои сновиденья.

Ах, стены и утварь чутки,
 словно золоты арфы,
 плодоносны, как нива страданья,
 и чувят, что ты -- родня праху.
 Строй, покуда струятся в часах

песчинки, но пусть твой плач
не смоеет мгновения жизни
вместе с прахом,
что застит свет.

* * *

Знать бы мне только,
на чем замер последний твой взгляд?
На камне ли, вобравшем
столько прощальных взоров,
покуда ослепшие
не стали добычей слепых?

Иль то была горсть земли,
уже почерневшая
от стольких разлук
и мук предсмертных?

Или же твой последний путь,
прощанье со всеми тропами,
по которым ходил ты?

Лужа, что блестит как металл
пряжка врага твоего
или любой другой неприметный
предсказатель небес?

Или тебе подарила земля,
что всех провожает с любовью,
птичий полет в небе,
чтобы вздрогнула, вспомнив, душа
в опаленном мученьем теле?

* * *

Земля, не пытай исторгнутых у смерти,
куда они держат путь.
Путь их один — в могилу.
Мостовая чужого города
не выдержит поступи беженцев —
стекла домов, отражая земное время,
и столы-самобранки сказочного рая,

не отшлифованы для этих глаз,
испивших из истока ужаса.

Земля, их улыбку могучее выжгло железо,
как они жаждут тебя
во всей твоей красоте,
но для лишенных родины любая тропа
вянет, как срезанный цвет.

НОЧЬ

Ночь, ночь,
не распалась ли ты на осколки,
когда время с яростным солнцем
мученичества
тонет в бездонной пучине твоей,
когда луны смерти
и дрожащая кровля земли
окунулись
в густую кровь твоей немоты? —

Ночь, ночь,
прежде была ты невестою тайн
в уборе из лилий укромных —
в стекле твоём темном блистала
фата-моргана тоскующих
и любовь, чтобы ты расцвела,
розу утра дарила тебе —
была ты зеркалом и пророческим голосом
красочных снов.

Ночь, ночь,
теперь ты — кладбище
для осколков взорвавшихся звезд —
безмолвно тонет в тебе
время и все его знаки:
камень, что рушится вниз,
и знамя из дыма!

Перевод Г. Ратгауза

ИСКАТЕЛЬНИЦА

1

Из грозового танцкласса
где из черных гнезд вылетают ноты
и убивают себя
идет одержимая страданием
по магическому треугольнику поисков
где срывают огонь разрывая его
где вода достигает утопленников
влюбленные умирают друг во друге
жилами пронизывают воздух —

В солнечной тьме
проклятие зелени — пепел
страх — удавка для птиц
в приближающейся неизвестности
позади вырезанная из ночи
оттачивает светосмерть
в песке историю поисков

мореплавательница в зените
где сидит и ждет смехочайка
остужая уже свой распавшийся прах

созвездие возлюбленного
задуто палачом
лев упавший с неба

она ищет она ищет
выжигает воздух болью
стены пустыни знают любовь
юную возносит ее вечер
праздничный канун смерти

она ищет возлюбленного
не находит его
должна воссоздать мир заново

призывает ангела
 вырезать ребро из ее тела
 надувает божественным дыханием
 белый пальмовый лист во сне
 напрягая жилы в сновиденье
 искательница в своей бедности
 берет на прощанье ком земли в рот
 воскресает дальше

2

Ты прорицатель звезд
 их тайны выходят из твоей невидимости
 семицветие света из занавешенного солнца
 день и ночь уже утрачены
 Новое близится со знаменами истины
 вулканическая исповедь под моими подошвами —

3

Рассыпано ты
 семя нигде не приживающееся
 как уловить направления ветра
 или цвета и цветы
 ночь страх веры
 чайные — нить в лабиринте для тебя —

4

Нетерпение — лесной пожар потрескивает в жилах
 зовет: кто ты — эхо быть может в небе
 а другие тихо сидят за столом
 пьют молоко
 сирень снаружи печально отцветает
 маленький братец скачет на козе
 боль ее говорит ей что он мертв
 но может быть сказание водворило его под созвездие
 Южного Креста
 где ледяная принцесса встает из мерзлой могилы

ее убор клацает
 обогревая ее

лёд осыпается сверкающими тысячелетиями
некогда собирать их
время взмывает пламенем костров
догорает пока птицы пересекают ночь —

5

Они когда-то говорили друг другу далью
два заключенных
палач включил их голоса в свою коллекцию
носил туда-сюда томительным путем безумия
разносила ли смерть подарки краше —

6

Где стоит она
там конец мира
неведомое обнаруживается там где рана
но сны и видения
безумие и письма молний
все эти нездешние беженцы
ждут когда умирание родится
тогда говорят они

7

Какое направление ты выбираешь в небе
зеленеет северная сторона могильного камня
там растет будущее
твое тело мольба во вселенной: приди!
источник ищет свою влажную отчизну

во все стороны гнется жертва

Перевод В. МИКУШЕВИЧА

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА И НЕЛЛИ ЗАКС

Переписка издана Барбарой Видеманн в издательстве Зуркамп.

Перевод с немецкого и комментарий Бориса Шапиро для вестника "Ной".

[* Письмом от 2-го мая 1954 г. Пауль Целан просит издательство Deutsche Verlag-Anstalt послать Нелли Закс в Швецию экземпляр его только что вышедшей книги "Mohn und Gedachtnis" ("Мак и память"). Нелли Закс узнаёт через издательство адрес Целана и отправляет ему своё первое письмо от 10-го мая 1954 г., которым начинается их пожизненная переписка.]

24

[Стокгольм] 12. 1. 1960

Милый, милый Пауль Целан,

всего лишь привет, но из самой глубины, к Вам по соединяющему мосту. Я непрестанно думаю о Вас. Это чудо — Ваши переводы Валери¹, Ваше языковое волшебство. Оно возникло и теперь уже останется навсегда.

Ваша Нелли Закс

25

[Стокгольм] 14. 2. 1960

Милый, милый Пауль Целан,

я обеспокоена. Думать о Вас, скорбящем, в это ночное время в свете серно смердящих прожекторов^{2*} — хочу хоть слово Ваше услышать, и чтобы Вы знали, как глубоко я обязана Вам и Вашему целительному языку!

Ваша Нелли Закс

aus Paul Celan/Nelli Sachs, BRIEFWECHSEL.

Herausgegeben von Barbara Wiedemann

©Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1993

Редакция и переводчик Борис Шапиро выражают глубокую признательность издательству Зуркамп за любезное согласие на эту публикацию в вестнике "Ной".

* Звёздочкой отмечены комментарии переводчика.

26

20-го февраля 1960

Нелли Закс, милая Нелли Закс!
Спасибо Вам, спасибо от всего сердца!

Что ж мне сказать? Ежедневно приходит в мой дом
подлость, поверьте мне, ежедневно.
Что ещё предстоит нам, евреям?
У меня с Жизель³ есть ребёнок, Нелли Закс, ребёнок!
Вы даже не представляете себе, кто эти низкие,
нет, Нелли Закс, вам этого не вообразить!
Поскольку это не только хамство, это есть низость
и подлость.

Вы были поражены, если бы я назвал имена. Среди них есть такие, которые Вам известны, хорошо известны. Вы просто не знаете, сколь много дружества я оказал этим людям (людям?). Некоторые из них даже пишут *стихи*! Чего они только не пишут, изолавшись!

Ах, если бы возможно было оказаться вблизи Вас и говорить без помех!

Храни Вас Бог!

Всегда
Ваш Пауль Целан

27

[Стокгольм] 27. 2. 1960

Рот
сосущий смерть
и звёздчатые лучи
в них тайна крови
вытекает из вен
мир сбегается на водопой
и цветёт.

Смерть
в перспективе молчанья
и невидящий глаз
преодолевают порог зрения
безысходная свобода от праха

в то время как драма времени
 благословляется на дееспособность
 под своим ледящим платком св. Вероники.

В этом мире Вы, Пауль Целан, чистый, безгреховный человек!
 Поэтому в нём не может быть совсем темно.

Всегда
 Ваша
 Нелли Закс

28

[Стокгольм] 24. 3. 1960

Пауль Целан, милый мой друг, Вы нащупали самый корень языка так же, как Авраам — корень веры. "Парка"⁴ проникнута этим Вашим "Бремя дня и созиданья"⁵.

Я сомневалась, вкладывать ли это фото⁶, уж слишком оно безыскусно. Но такова моя комната с мебелью, оставленной прежними беженцами, каучуковым деревом, которое я сама вырастила, и этим сокровищем — серебристым цветом Жизели⁷. Когда я очень устаю, я думаю о Париже и Дрездене⁸ — оболочки двух моих любимейших людей.

Благословение Вам всем Тронм!
 Нелли З.

29

[Стокгольм] 30. 4. 1960

Милый Пауль Целан,

только один вопрос. 25-го мая я лечу с одной моей шведской подружкой⁹ в Цюрих, потом я 29-го в Меерсбурге¹⁰, потом назад в Цюрих и со 2-го июня одна неделя в Тессине¹¹, потом обратно в Стокгольм. В первый раз после моего тогдашнего бегства я еду из Швеции за границу. И не поехала бы, если бы врач не настаивал так непременно на Швейцарии. Так что вот, получается один день в Меерсбурге, этот прыжок в непонятно что^{12*}

А теперь осмелюсь спросить: нет ли какой-нибудь возможности встретиться с Вами, может быть, в Цюрихе? Милый Пауль Целан, может быть, эта возможность есть? Напишите мне словечко об этом — не знаю, вправе ли я вообще просить о такой сердечной услуге!

Ваша Нелли Закс

30

3-го мая 1960

Наши сердечные поздравления в связи с премией Дросте^{13*}!

Милая, милая Нелли Закс,

сколь многим я Вам обязан! И вот через несколько быстролетающих дней я смогу получить возможность благодарить Вас лично давно уже собранными и — позвольте сказать — вымолчанными и выстраданными словами!

Разумеется, я приеду в Цюрих, когда бы Вы ни пожелали, пожалуйста, назовите мне день и час!

Но! — не волнуйтесь, это *радостное* но —, но также: Госпожа Верн, которая посетила нас позавчера, думает, что я могу себе позволить вместе с моей семьёй, раз уж Вы оставляете ненадолго Вашу Швецию, просить Вас: не хотели ли бы Вы, милая Нелли Закс, приехать также и к нам в Париж — к нам и в Париж?

Хоть мы и живём не в легко доступной долине, а на шестом этаже, к сожалению, с весьма крутой лестницей — можем ли мы себе позволить просить Вас к нам? Ну, конечно же, можно было бы также — не поймите меня превратно, я говорю это только из-за пяти крутых лестничных пролётов! —, можно было бы, если Вас отпугивает, что я вполне понимаю, такого рода лестничный альпинизм, легко найти симпатичную комнату в отеле совсем близко от нас, без утомительных восхождений, — я надеюсь, Вы сможете согласиться и приехать, и побыть у нас! (Госпожа Верн думает также, что было бы несложно взять круговой авиабилет — Цюрих = Париж (или же Женева = или Лозанна = Париж), это всего один лётный час) — пожалуйста, скажите, ожидать ли нам Ваш приезд! В любом случае я также приеду в Цюрих.

От всего сердца
Ваш
Пауль Целан

31

[Стокгольм] 6. 5. 1960

Милый, милый Пауль Целан — эта радость, это счастье, когда я нашла Ваше письмо с обещанием приехать в Цюрих. Оно пришло как раз после целого ряда тяжёлых переживаний, которые подавляли меня здесь в течение месяцев — некоего рода ужасные преследования, которые я уже не могла больше выдержать. Добрые друзья старались мне помочь, но равновесие восстановилось благодаря Вашему письму сразу, как только я увидела Ваш почерк. — Число: 25-е мая, вылет из Стокгольма в 8.15, прибытие в Цюрих в 1.30, кажется, швейцарская авиакомпания. Со мной летит Ева-Лиза Леннартссон, великолепная чтица лирики. Ингеборг Бахманн¹⁴, д-р Гилти¹⁵ собираются там быть. И Вы, Пауль, — даже не могу себе представить. Теперь даже день в Германии с её Меерсбургом не так страшен. Со 2-го июня одна неделя в Тессине, а потом в Париж на пару дней? Хватило бы только сил.

До свиданья, благословенный поэт,
Ваша Нелли З.

32

Париж, седьмого мая 1960

Нелли Закс! Вот стихотворение, через которое я познакомился с Вами. Я узнал Вас через "Хор камней" и через "Хор сирот". (Оба они были напечатаны в журнале "Документы" шесть или семь лет назад. Там я нашёл их. Там я нашёл Вас, Нелли Закс).

[* Рукou Целана переписанное стихотворение:]

ХОР СИРОТ

Мы, сироты,
жалуемся миру:
обрублены наши ветви
и брошены в огонь —
охранители наши пошли на дрова —
мы сырые лежим на покинутых кладбищах.
Мы, сироты,

жалуемся миру:
 ночью играют родители с нами в прятки —
 их лица смотрят на нас
 сквозь чёрные складки ночи,
 их рты говорят:
 мёртвым деревом были мы в руке дровосека —
 но наши глаза стали глазами ангелов
 и смотрят на вас,
 сквозь чёрные складки ночи
 смотрят они —

Мы, сироты,
 жалуемся миру:
 Игрушками нашими стали камни,
 камни имеют лица, лица отцов, матерей.
 Они не вянут, словно цветы, и не кусаются, словно звери, —
 они не горят, словно дерево, когда его бросают в огонь —

Мы — сироты, мы жалуемся миру:
 мир, почему ты отнял у нас матерей с мягкими, нежными руками
 и отцов, которые говорят: "Как ты похож на меня, дитя!"
 Мы, сироты, больше ни на кого не похожи на свете.

О, мир,
 мы обвиняем тебя!^{16*}

33

[Стокгольм] 9. 5. 1960

Пауль Целан, милый, милый, Вы приедете, и вот он, дом, на каком бы песке мы ни стояли. Тогда на случай, если я ещё не написала: это самолёт швейцарской авиакомпании № 251 из Стокгольма в 8.10, в Цюрихе в 1.35 днём 25-го мая.

Может быть, Гудрун, моя спасительница, сумеет получить в Дрездене межзональный паспорт, тогда она будет 29-го в Меерсбурге. И оба моих "ближних" были бы со мной. Хочу сделать всё возможное, чтобы после недели в Тессине прилететь на несколько дней в Париж. Тогда уж поговорим — что за сказка! Со мной здесь тоже приключилось нечто ужасное. Но хочу забыть и пытаюсь верить! Вот-вот совершится прекрасное!

Всегда Ваша
 Нелли З.

[* Нелли Закс и Пауль Целан встретились в Цюрихе 25 мая 1960 г. В тот же день Нелли Закс, Ингеборг Бахманн и Пауль Целан перешли на "ты" по предложению Нелли Закс.

Из записей Пауля Целана о 3-х днях в Цюрихе:]

Из 38

26 мая: *Отель цум Шторхен*^{17*}
4 ч Нелли Закс, одна^{18*}. "Я верующая". Когда я на это сказал, что надеюсь мочь богохульствовать до самого конца, она ответила: "Не известно, что верно".

[* Нелли Закс и Пауль Целан сидели на террасе второго этажа за столом у перил над Лимматом напротив друг друга, Нелли Закс — лицом к ратуше на другом берегу над водой и спиной к Цюрихскому озеру, из которого вытекает Лиммат, Пауль Целан — лицом в сторону озера, так что его взгляд упирался в Мюнстер^{19*}, двубашенный кафедральный собор чуть дальше на той стороне.

И тут Нелли Закс увидела золотистый свет над водой на фоне ратуши, примерно над серединой реки. Этот свет напомнил ей сияние от благословляющих рук на довольно тёмной картине Рембрандта "Благословение Якова"^{20*}. Нелли сказала Паулю, что видит над водой сияние, золотистое как благословение, и что она верующая ... Пауль не обернулся, он смотрел Нелли в лицо, в говорящий рот, в глаза, смотрящие мимо него на золотистый свет, и не понимал, что она действительно видит то, о чём говорит.

Следующим письмом Целан посылает в Цюрих стихотворение, посвящённое Нелли Закс:]

39

ЦЮРИХ, ЦУМ ШТОРХЕН

Нелли Закс

О слишком многом шла речь
и о малом. О Тебе
и Всё-таки-Тебе, о
замутнении светлым,
о еврействе, о
твоём Боге.

О

Нём.

В день вознесенья, на той стороне
стоял собор и протягивал нам
немного золота через реку.

О твоём Боге шла речь, и я
говорил против Него, я
принудил сердце своё
надсяться
на
высшее Его, на задыхании хриплое,
гневное слово. —

Твои глаза смотрели на меня и как бы мимо,
твой рот
говорил им вслед, так что я слышал:
"Мы
не знаем, ты знаешь,
мы
не знаем,
что
верно..."

Париж, 30-го мая 1960

¹ Речь идёт о вышедших в 1959 г. избранных переводах из книги Поля Валери "Молодая Парка".

^{2*} В связи с присуждением Паулю Целану премии Бюхнера (высшая награда из ежегодно присуждаемых за заслуги в немецкоязычной литературе) вдова двуязычного франко-эльзасского поэта Ивана Голля, Клэр Голль, обвинила Целана в плагиате.

Сам Голль при жизни никогда не высказывал ни обид, ни претензий по отношению к более молодому Целану. Пауль Целан ценил творчество Ивана Голля, интровертные стихи которого нелегко находили свой путь к читателю. Он переводил Голля на немецкий и много способствовал его популяризации. Стихи Целана и Голля имеют только одну общую сторону: они герметичны по структуре и труднодоступны читателю, ориентированному больше на "потребление", чем на сотворчество.

Нужно совсем немного внимания, чтобы увидеть, что поэтические намерения Целана и Голля настолько различны, что ни о каком заимствовании не может быть и речи. Но такого внимания очень часто не хватает, зато хватает ревнителей истины и поборников справедливости, готовых на основании слухов громко и бестактно увековечивать свои имена в публичной борьбе за право увенчивать или развенчивать, мало понимая в том, о чём судят.

Пауль Целан тяжело принимал к сердцу эту бульварную клевету (см. его письмо 26 от 20 февраля 1960 и далее). Всю свою дальнейшую жизнь он мучился этой травмой.

Нелли Закс с самого начала не сомневалась в том, что за клеветой, инициированной бедняжкой Клэр Голль, не стоит ничего иного, кроме низменной реакции толпы на Поэта, подогреваемой новой волной антисемитизма во Франции: Париж начала 60-х сотрясали погромными походами молодых неофашистов при пассивном попустительстве полиции, еврейская община вынуждена была создать отряды самообороны, новые антисемитские и право-радикальные настроения начали проникать в интеллектуальные круги и на страницы печати. Так продолжалось, пока общественное мнение не откатнулось к концу 60-х снова влево. Тогда эта волна антисемитизма на время захлебнулась в общеевропейской "студенческой революции" 1968-70 годов.

³ Целан-Лестранж, Жизель [Celan-Lestrange, Gisele], урожд. де Лестранж (1927 – 1991), французская художница-график, с 1952 г. жена Пауля Целана. Ребёнок: сын Целан, Эрик [Celan, Eric], род. 1955 г.

⁴ Полный целановский перевод книги Поля Валери "Молодая Парка".

⁵ У Целана: "Licht- und Schöpfungsfracht" Так он перевёл из Валери: "charges de jour et de creation".

⁶ На фотографии, сделанной Анной Ривкиной [Anna Riwkin], имеется посвящение:

"Мои друзья / Паулю и Жизели Целан // в момент бытия / с глубокой привязанностью // Нелли Закс / Стокгольм, 24. 3. 60".

Ривкина, Айна (1908 – 1970), шведская художница-фотограф, часто фотографировала Нелли Закс.

7* Офорт Жизели Целан-Лестранж "Настоящее время" ["Presence – Gegenwart"] (1956), который Целаны прислали Нелли Закс осенью 1958 г. Картина представляет собой абстрактную, тонко сбалансированную, тяготеющую к центру композицию, в которой формы, как бы *ещё* не ставшие иероглифом, доминируют контуры, *ещё* не ставшие японским садом.

8 В Париже жил Пауль Целан, а в Дрездене Гудрун Дэнерт [Gudrun Dahnert]. Дэнерт, Гудрун, урожд. Гарлан [Harlan] (1907 – 1976), ближайшая подруга Нелли Закс до самой её смерти, помогла Нелли Закс и её матери летом 1939 г. выехать из нацистской Германии в Швецию и тем самым спасла их от неминуемой гибели при "решении еврейского вопроса".

9 Ева-Лиза Леннартссон (Lennartsson, Eva-Lisa 1910-), шведская чтица, подруга Нелли Закс с 1956 г.

10 Поездка в Меерсбург в связи с присуждением Нелли Закс меерсбургской премии имени Дросте для поэтов-женщин. Нелли Закс стала вторым лауреатом этой премии.

11 По приглашению Альфреда Андерша. Андерш, Альфред (Andersch, Alfred, 1914-1980), немецкий писатель, живший с 1958 г. в Швейцарии. Издатель журнала "Тексты и знаки" ("Texte und Zeichen"), в котором публиковались Пауль Целан (1955) и Нелли Закс (1957).

12* После побега из нацистской Германии летом 1939 года Нелли Закс всю жизнь страдала и мучилась приступами страха и галлюцинациями преследования. Чтобы посетить Меерсбург на немецкой стороне Боденского озера в связи с получением премии Дросте, ей пришлось сделать над собой колоссальное усилие.

13* Анетте фон Дросте-Гюльсгофф (Droste-Hulshoff, Anette, 1797-1848), замечательная немецкая поэтесса, последние годы жизни проведшая в своём замке в Меерсбурге.

14 Ингеборг Бахманн (Bachmann, Ingeborg, 1926-1973), замечательная австрийская писательница и поэтесса, с которой Пауль Целан был знаком ещё по Вене с 1948-го г. С Ингеборг Бахманн Нелли Закс встретила впервые во время её пребывания в Цюрихе и Меерсбурге в 1960 г.

15 Рудольф Гилти (Hilty, Rudolf 1925-), швейцарский писатель и публицист, издатель журнала "Гортулус" ("Hortulus", St. Gallen, 1951-1961), в котором публиковались

Нелли Закс и Пауль Целан. В собрании по случаю вручения Нелли Закс премии Дросте в Меерсбурге Гилти прочёл доклад о её творчестве и судьбе.

16* В оригинале Нелли Закс письмо не имеет ни концовки, ни подписи. В архиве Пауля Целана сохранился, однако, черновик от 6-го мая 1960, прокомментированный и частично цитированный в комментарии 3 к письму 32 на стр. 120-121 оригинала франкфуртского издания переписки Целана и Закс. Очевидно, Целан просил Нелли Закс уничтожить недостающую часть письма, поскольку он называет там имена его гонителей и приводит компрометирующие их подробности.

17* Отель "У Аистёнка", где остановилась Нелли Закс и где на втором этаже в ресторанчике беседовали Закс и Целан.

18* Без Евы-Лизы Леннартссон.

19* Ратуша, Мюнстер, да и вообще вся архитектура старого Цюриха удивительно скромны и гармоничны. Дух Цвингли жив там и сегодня. За почти пять столетий он породил формулу скромности, достоинства и благосостояния — облик города, чуждый напыщенности и показухе многих других богатых городов Европы. В Штуттгарте, например, олень, символ княжеской власти, удачи и благоденствия, над городской художественной галереей вызолочен весь, в Цюрихе же у оленя не позолочены даже рога, что было бы само собой разумеющимся во многих других городах.

Поэтому нужно внимательно присмотреться, чтобы увидеть позолоту маленьких подкрестных яблок на башнях цюрихского Мюнстера или на его куполе. Золота так мало и оно посажено так точно, что эта позолота порождает не символ славы небесной, громкой и властной, но свет лёгкий, внутренний, открывающийся лишь тому, кто его ищет.

20* В 1656 г. написанная картина Рембрандта "Благословение Яакова" изображает старого Яакова, благословляющего внуков Эфраима и Манассу, детей его сына Иосифа. По 1-ой книге Моисеевой "Исход", гл. 48, Яаков благословляет Эфраима как перворождённого, хотя он и родился после Манассы. Иосиф пытается протестовать, но Яаков настаивает на правильности этого своего деяния. На в остальном весьма тёмной картине благословение "расцветает" золотисто-светлым сиянием.

Петер ХАММ (Германия)

ЖИЗНЬ СМИЛОСТИВИЛАСЬ — И СОКРУШИЛА НАС

Нелли Закс и Пуль Целан уже при жизни отступили в легендарную даль и никогда не были тем, что упрощенчество, господствующее в культуре, называет “осязаемый поэт”. Оба жили за пределами двух стран, сливающихся немецкими, стало быть, вне немецкого языкового пространства. Оба были изгнанники, страдальцы, а страдания причинил им тот “*германский мастер*”, который для них и их сородичей не уготовил ничего, кроме “*жилищ смерти*” и “*могилы в воздухе*”. Оба принадлежали так или иначе к спасенным, но само свое спасение ощущали как вину.

“Он передвигался, как бы не доверяя почве под ногами”, — писал Герман Ленц о встрече с Паулем Целаном, и Нелли Закс вызывала впечатление, будто она движется над бездной. Поэзия была для обоих натянутым над бездной спасательным тросом из ничего, кроме слов; можно также сказать вместе с Чьораном: поэзия была для обоих отсроченным самоубийством, не резонирующей почвой для чистых настроений и эстетических игр, а в конечном счете той формой молитвы, которую Кафка определил как высшую цель писательства. Поэзия была мольбой об искуплении — или заменой искупления.

При таком родстве судеб и душ дружба Нелли Закс и Пауля Целана, казалось, была предопределена. Действительно, промежуток времени, в течение которого они обменивались письмами, длился почти шестнадцать лет. Однако воочию Нелли Закс и Пауль Целан виделись только однажды, и их свидание продолжалось всего несколько — роковых — дней. И между их письмами возникают периоды молчания, всё более затяжные, они свидетельствуют о помрачении, в которое оба снова и снова погружаются всё глубже. В конце концов обеих связывала лишь болезнь: паранойя. Но она именно не связывала. В сентябре 1960 года, узнав, что его подруга помещена в клинику для нервных больных, Пауль Целан внезапно приезжает в Стокгольм, но Нелли Закс не узнала его — или не захотела узнать. 20 апреля 1970 года Пауль Целан покончил жизнь самоубийством. Нелли Закс пережила его всего на три недели.

Кто хочет понять, почему я, двадцатилетний, послал в ноябре 1957 г. Паулю Целану в Париж сборник стихотворений Нелли Закс “И никто не знает, что же дальше”, только что вышедший в изда-

тельстве Эдельмана: тому следует принять к сведению, что до того времени Нелли Закс была совершенно неизвестна в Федеративной Республике Германии. Оба сборника её стихов “В жилищах смерти” и “Звездное затмение” вышли в 1947 г. в Восточном Берлине /Ауфбау/, а в 1949 г. в Амстердаме /Берман Фишер/ и намеренно замалчивались в Западной Германии, всецело ориентированной на реставрацию. У меня были основания предположить, что сборники эти не дошли до Пауля Целана. Его ответ на мою попытку приобщить его к поэзии Нелли Закс не заставил себя ждать и состоял из пакетика, не содержавшего ничего, кроме ее сборника “И никто не знает, что же дальше”. Это был собственный экземпляр Пауля Целана, в котором он собственноручно поставил дату приобретения “Париж, 12/XI. 1957” как доказательство своей информированности.

Месяцем позже после этого трогательного обмена книгами, 13 декабря 1957 г., Пауль Целан пишет свое первое письмо к Нелли Закс: “У меня есть Ваш новый сборник стихов: он стоит рядом с наиболее истинными книгами в моей библиотеке”. Нелли Закс, уже в 1954 году пытавшаяся вступить в контакт с Паулем Целаном, ответила не менее торжественно: “Ваше письмо стало одной из величайших радостей в моей жизни. Вы знаете мои вещи, они у вас, значит, у меня есть родина”. Хотя она присовокупила к письму стихотворения, которые Целан просил у нее для публикации в особом номере римского журнала “Botteghe Oscure”, который он редактировал совместно с Ингеборг Бахманн, Нелли Закс решительно подчеркивала, что стихотворения для нее “только способ спасти дыхание от удушья”, а не результат тех или иных художественных притязаний. И в последующих письмах мы не найдем ни слова о том, как эти стихотворения пишутся с точки зрения ремесла.

Ее поэтическое кредо, сообщенное новому другу, не включает в себе ничего эстетического, оно скорее религиозное: “Во мне всегда была, есть и пребудет с каждым вздохом вера в боль, пронизывающую и одушевляющую прах, как в деятельность, ради которой мы призваны. Я верю в невидимую вселенную, куда вписываются наши неясные свершения<...>. От моего собственного народа пришла ко мне на помощь хасидская мистика, тесно связанная со всякой другой мистикой и вынужденная создавать снова и снова свое жизненное пространство вдали от всяких догм и учреждений”.

Отношение Пауля Целана к еврейству всегда было двойственным — в свои ранние парижские годы он, женатый на католичке, происходящей из французской аристократии, по-видимому, даже

сознательно скрывал свое еврейское происхождение, и хотя впоследствии он постоянно подчеркивал, что он еврейский поэт, Пауль Целан в то же время не позволял себе сосредоточиться на еврействе, так как опасался, что еврейский аспект может бросить тень на эстетическое достоинство его стихотворений. И все-таки Пауль Целан нигде больше не отождествлял себя с еврейством так безоговорочно, как в переписке с Нелли Закс. Уже вскоре она будет обращаться к нему так: “Пауль Целан, милый Пауль Целан, благословенный Бахом и Гёльдерлином, благословенный хасидами”.

Если Целан, как вспоминает Герхард Бауманн, в свои последние годы всё сознательнее обретал свои истоки в Черновицах, снова становясь тем, чем до этого он почти перестал быть: “еврейским поэтом, родившимся среди хасидских преданий”, то этим своим развитием он в немалой степени обязан Нелли Закс с ее пламенно хасидским мировоззрением. Уже свое второе письмо к ней Целан, откровенный атеист, подписывает древнееврейским приветствием “Мир и благословение”, а как посвящение к сборнику своих переводов из Мандельштама в ноябре 1959 г. пишет ей цитату из Библии: “Если я забуду тебя, Иерусалим, да отсохнет десница моя”.

Его ключевое стихотворение “Цюрих. У Аиста”, возникшее непосредственно после первой личной встречи с Нелли Закс в Цюрихе и посвященное ей, вполне отражает невероятную напряженность его тогдашнего столкновения с религией отцов: “О твоём Боге шла речь / я говорил / против Него / я / позволил моему сердцу / надеяться / на его верховное, хрипящее, на его / строптивное слово — // твой глаз говорил мне, глядя прочь / твой рот / говорил глазу, я слышал: / Мы / не знаем, знаешь ли, / мы / не знаем, / в чем суть . . .”

Встреча Нелли Закс и Пауля Целана в мае 1960-го в Цюрихе и последовавшее за ней пятидневное пребывание в Париже — в промежутке было присуждение Меерсбургской премии Анетты фон Дросте-Гюльсгофф, ради которой Нелли Закс впервые после своего бегства в Швецию в 1940 г. вступила на немецкую землю, — вот потаенное, жгучее средоточие этой поэтической дружбы и переписки. “Между Парижем и Стокгольмом пролегает меридиан боли и утешения”, — пишет Нелли Закс 28 октября 1959 г., и на эту высокую волну настроен тон этих писем, по крайней мере, до личной встречи.

Нелли Закс была старше на двадцать девять лет, и в этом духовном союзе она выступает то как еврейская пророчица с материнским утешением, то как стыдливая юная девушка, чающая небесно-

го жениха — в каждом, кто привнес хоть немного света в ее тьму, она готова была видеть созвездие на небосводе своей тоски. Но еще отчаяннее, чем за других своих друзей — почти все они лишь друзья по переписке, — она цепляется за этого, взысканного одинаковою с ней судьбою и равным поэтическим даром; она провозглашает его чистым светоносным образом, “Гёльдерлином нашего времени”. “Сколько смертей должны мы перенести, прежде чем придет конец”, — пишет она ему в июне 1959 года. А месяцем позже она склоняет этого единственного к посещению Швеции. Но Целан не приезжает.

Как раз в то время Клэр Голль осыпает его столь же отвратительными, сколь и безосновательными обвинениями в плагиате; он буквально окружен всеобщей враждебностью, и у него одна тема: новое пробуждение антисемитизма, чье прямое следствие он усматривает в нападках, исходящих от вдовы Голля. Целан, бесконечно более злопамятный, чем безобидная Нелли Закс, втягивает ее глубоко в свой ад страха и гнева, где люди, вчера считавшиеся друзьями, внезапно превращаются во врагов, в преследователей. Причем к таковым безусловно причисляются и евреи, как, например, Адорно или Вилли Хааз; их Целан обвиняет в том, что они позволяют манипулировать собой как еврейским прикрытием Федеративной Республики. Даже пламенно почитаемый еще недавно Мартин Бубер подпадает под подозрение в приспособленчестве; даже поистине безупречный Вернер Крафт в Иерусалиме представляется Целану “жалким не только как поэт”. А почему? Потому что Крафт некогда переписывался с Гюнтером Блэкером, а тот написал критическую статью о сборнике Целана “Решетка речи”, и Целан счел эту критику антисемитской. Со спорным утверждением, будто Целан позволяет себе большую свободу в отношении немецкого языка, чем его коллеги, так как его меньше сковывает и отягощает коммуникативность, Блэкер связывает неприятный, но отнюдь не расистский вывод, согласно которому Целана часто соблазняет “функционирование в пустоте”.

Возмущение Целана блэкеровской критикой столь безгранично, что оно становится главной темой его писем к Нелли Закс, и она заражается его паникой, видит вокруг себя преследователей. При первой встрече в Цюрихе, которую Нелли Закс пылко предвкушала и даже поставила в зависимость от нее свой приезд для получения премии Дросте, Целан отравляет ей радость от этого отличия накануне торжества своим замечанием за ужином в цюрихском “Кроненхалле”, будто еврейские лауреаты должны подтвердить

алиби Германии, где демонстративным юдофильством маскируется юдофобство. При этом присутствует Ингеборг Бахманн и не пытается возразить.

Непосредственно после вручения премии недолгое пребывание в доме Альфреда Андерша, по его приглашению, становится для Нелли Закс настоящим кошмаром, так как Целан между делом и Андерша объявил антисемитом, чья похвала — похвала негодяя, даже если он хвалит стихотворения Нелли Закс. В последовавшие за этим парижские дни Целан вел себя как рыцарственный чичероне, показывающий достопримечательности на берегу Сены, но, с другой стороны, во всех личных разговорах выступал как непреклонный обвинитель, не освобождая даже общих знакомых, таких, как Мария Луиза Кашниц или Ганс Магнус Энценсбергер, от подозрений в фашизме, так что Ева-Лиза Леннартссон, шведская подруга, сопровождавшая Нелли Закс в путешествии, просила Целана, уловив момент, с глазу на глаз не говорить больше с Нелли Закс о неонацизме и антисемитизме, ибо она опасается за здоровье своей подруги.

Но когда Целан пытается в дальнейшем скрывать свои страхи в присутствии Нелли Закс и даже частично берет назад некоторые обвинения, уже высказанные, Нелли Закс чувствует, что лишилась всех надежд, связанных с этой встречей, что она вновь отрезана от жизни, начавшей было становиться более желанной.

Ее письма после цюрихской и парижской встречи напоминают крики о помощи, тогда как он или успокаивает ее, как ребенка, или, подобно гипнотизеру, старается внушить ей образ цельного светлого мира, в который он сам не верит. Как утопающие, хватаются друг за друга эти два изувеченных и при этом только глубже втягиваются в бездну своих страхов и ужасающего одиночества. В середине августа 1960 г. ей кажется, что только смерть сулит утешение: “Я так тоскую по моим дорогим покойникам”. В конце августа в Париж доносится еще один крик о помощи: “Приезжай как можно скорее!” А два дня спустя за этим письмом летит телеграмма: “Не приезжать ни в коем случае”.

Следующее письмо от нее приходит шесть недель спустя из клиники для нервных больных Бекомберга, где Паулю Целану удается увидеть ее, но не говорить с нею, а в конце ноября ее выписывают, но в следующем году она водворяется туда снова и снова. Письма в этот промежуток времени становятся все короче, часто состоят из одного стихотворения вместо приветов, паузы между письмами все длиннее и тягостнее. Инициатива все еще исходит от Нелли Закс,

что подтверждает количество писем (79 писем от нее и 40 писем от Пауля Целана), но ее упорные приглашения в Стокгольм неизменно отклоняются Целаном. Тон его немногих кратких писем — большей частью поздравлений с днем рождения или с праздниками — почти формальный.

Только однажды Целан отступает от своей обычной сдержанности и пишет: “Слишком одиноко стало вокруг нас, Нелли”, но это письмо он не отправляет. Что он развелся со своей женой Жизелью, Целан тоже не сообщает, так как Нелли Закс всегда тосковала по крепкой семье. Телеграмма по случаю присуждения Нобелевской премии звучит по сравнению с прежними письмами устрашающе холодно: “Наши сердечные поздравления”. Ни одного слова больше. Однако Нелли Закс делает последнюю попытку нового сближения и приглашает на церемонию вручения Нобелевской премии Целана с семьей, которой больше не существует. Однако Целан отказывается, ссылаясь на свою занятость в Ecole Normale. В октябре 1967 г. Нелли Закс пишет ему: “Эти дни у Вас были последним просветом в трехгодичной ночи”. Ночь далеко еще не кончилась.

Свое последнее глубочайшее слово об этой дружбе, рожденной роком, Нелли Закс произнесла в стихотворении: “Ты мое ты, которое в тюрьме, спасла бы я тебя, но ты среди загадок погребен, пока молчанье не ушло в молчанье и не нашла любовь себе могилы”.

“Жизнь смиловивилась и сокрушила нас”, — написала однажды Нелли Закс Паулю Целану, а в одном из своих стихотворений Нелли Закс заклинает: *“Неприступна / ваша воздвигнутая лишь благословением / крепость / вы мертвые”*. Оба они, Нелли Закс и Пауль Целан, так ужасающе мало могли помочь друг другу в жизни, пока не нашли убежище в этой крепости, но это слабое утешение для нас, для потомков, убеждающихся, что страхи, которыми терзались Нелли Закс и Пауль Целан, со временем находят жуткое подтверждение и нацистские, антисемитские эксцессы постепенно становятся почти повседневностью.

Когда старые соавратители Хайдеггер, Карл Шмитт и Эрнст Юнгер чествуются повсеместно как герои духа, тот, кто избран на высшую должность в государстве, лихо ратует за снятие табу с уничтожения евреев и в первом же путешествии, заставившем его покинуть Саксонию, ужасается, сколько иностранцев в Штутгарте.

Нелли Закс и Пауль Целан получили клеймо иностранцев от Гитлера и его приспешников, но иностранцами они действительно были в другом смысле, в котором все поэты, подавленные тяжестью

мира, выступают в мире как чужеземцы. Или, как выразилась Марина Цветаева, в 47 лет прибегшая к петле: “В сем христианнейшем из миров поэты — жида”.

Перевод с немецкого В.Микушевича.

Die Zeit, 8.10.1993.

КТО БОИТСЯ НЕЛЛИ ЗАКС ?

Этим вопросом я задавался почти тридцать лет, при всем желании не понимая, почему не издается книга ее стихов, давно переведенная мною. Уже в шестидесятые годы я убедился, что разрыв дипломатических отношений с Израилем был только предлогом. Нелли Закс не имела никакого отношения к этому государству. Она писала по-немецки, а жила в Швеции. Очевидно, должна была быть другая причина, по которой стихи ее столь упорно отвергались. Эту причину я постиг лишь в последнее время, и только до известной степени, так как, вообще говоря, она неисчерпаема. Нелли Закс ужаснула своих современников одной строкой, которая, впрочем, как бы охватывает всю ее поэзию: “Чтобы гонимые не стали гонителями . . .”

В этой строке Нелли Закс разгадала “тайные желания крови”, свойственные большинству, во всяком случае всем массово-политическим движениям. Гонимые ни о чем другом не мечтают, кроме как о том, чтобы поскорее стать гонителями, а гонители гонят гонимых еще яростнее, вымещая на них свое будущее неизбежное превращение в гонимых. Этот безысходный реваншизм гонимых — движущая сила новейшей истории.

Нелли Закс не обличает ни тех, ни других, но ее поэзия дает возможность читателю заглянуть в свою собственную душу, и он пугается самого себя, чувствуя себя соучастником преступлений, в которых ни за что не хочет сознаваться.

Своей строкой Нелли Закс обозначила дурную бесконечность преследования, особенно страшную, когда преследование приводит к мании преследования. Мы видим, как страдал от нее тончайший немецкий лирик двадцатого века Пауль Целан. Нелли Закс не просто открыла ему глубины еврейской мистики, она невольно разбе-

редила некую травму в его душе. Петер Хамм обозначает эту травму как злопамятность в отличие от безобидной Нелли Закс, но не таилась ли в этой безобидности пророческая мудрость, поражавшая современников обвинением, более грозным, чем все материалы Нюрнбергского процесса? Вне всякого сомнения, Пауль Целан был из гонимых гонимый, но опубликованный материал свидетельствует, как подтачивал его душу соблазн свести с гонителями счеты, а как их свести, если ты сам не гонитель? В поисках ответа Пауль Целан тянется к Нелли Закс и в то же время избегает ее. Он заражает ее своими страхами и подозрениями и в ужасе чувствует свою собственную вину, задаваясь при этом вопросом: в чем, собственно, его вина?

Время показало, что мания Пауля Целана была не беспочвенной. Неонацизм и антисемитизм, действительно, дали себя знать в конце двадцатого века. Присуждением престижных премий, действительно, маскировалось желание откупиться от преступного прошлого, вместо того чтобы искупить его. Замалчивать это прошлое значит не просто реабилитировать, но воскрешать его, насколько это возможно. А если не молчать, то куда заводит поэта злопамятство и мания преследования? Самоубийство Целана дает и не дает ответа на этот вопрос.

Петер Хамм называет “старыми совратителями” Мартина Хайдеггера, Карла Шмитта и Эрнста Юнгера, запятнавших себя принятием нацизма. Но можно ли представить себе духовную жизнь двадцатого века без Хайдеггера? Французские оккупационные власти пытались наказать его. Он был отстранен от преподавания в университете, шла речь о конфискации его дома и библиотеки. Трагическая ирония истории заключается в том, что через несколько десятилетий эти репрессии не будут в глазах потомков отличаться от нацистских репрессий, за мнимую или истинную приверженность которым Хайдеггера намеривались покарать. Лучший способ оправдать гонителя — стать гонителем самому. Когда гонимые становятся гонителями, они предают самих себя. Нелли Закс поняла это одна из первых, может быть, единственная в нашем веке. Вот почему ее боятся и те и другие: пророк страшнее обвинителя.

Владимир МИКУШЕВИЧ, действительный член
Независимой Академии Эстетики и Свободных Искусств

ПЛЯСКА НА СТРАШНОМ СУДЕ

(Мистическая традиция в поэзии Нелли Закс).

Лирика Нелли Закс поражает читателя своей необычностью, и в особенности русский читатель склонен усматривать в этой необычности связь поэтессы с крайними авангардистскими движениями двадцатого века, с экспрессионизмом или сюрреализмом. Между тем Нелли Закс формировалась вне этих течений и в своей юности, когда авангардизм входил в моду, по всей вероятности, даже не слышала о нем. Как ни странно, юная Нелли даже Рильке не читала, а чеканные строфы Стефана Георге только озадачили ее. Она росла в тепличной атмосфере буржуазного берлинского дома, играла в саду с ручной косулей (впоследствии эта косуля оживет в ее стихах, где будет воспет Израиль животных, что должно шокировать еврейскую ортодоксальность). От всякой, в том числе и от этой ортодоксальности Нелли Закс всегда была крайне далека. Именно потому она и христианство не приняла, хотя всю жизнь была подвержена его веяниям. Как пишет шведский исследователь ее творчества Бенгт Холмквист, "Христос был для нее величайшим из вестников мистического мира, прообразом страдания и преобразования. Господом и Спасителем Он для нее не был" (*Das Buch der Nelly Sachs*. Herausgegeben von Bengt Holmqvist. Suhrkamp Verlag, 1968, p. 35).

Единственным трагическим потрясением этой безмятежной юности была несчастная любовь. Вероятно, каждая кисейная барышня переживает нечто подобное, но для Нелли Закс первая сердечная рана оказалась глубокой и неизлечимой. В интимной травме впервые дало себя знать пророческое предчувствие, беспощадно подтвержденное впоследствии жуткой эпохой. Возлюбленный Нелли Закс, не принявший, по-видимому, всерьез девического порыва, через четверть века погиб в концлагере. Нелли Закс оплакала его в своих "Молитвах о мертвом женихе", уже пронизанных той необычностью, которая продолжает застигать читателя врасплох, кого восхищая, а кого и озадачивая. С ног возлюбленного перед тем, как отправить его в душегубку, срывают башмаки, как содрали кожу с теленка, чтобы сшить эти башмаки, — в гротескно-точной детали приемственность мучительства, которому подвержен Израиль жи-

вотных, то есть все живое. Впрочем, есть основания полагать, что пророческие чаянья прорывались в поэзии Нелли Закс и раньше. Захваченная лирикой Гёльдерлина, Нелли Закс уже в двадцатые годы создает цикл стихов, в которых предугадана судорожная музыкальность ее поздней лирики, все то, что позволяет ее назвать “поздней спутницей Гельдерлина”. Но мы знаем об этих стихах только со слов самой Нелли Закс. Ее круг, а вернее, интимный кружок, отверг эти стихи, маскируя филистерское неприятие новой поэзии беспокойством по поводу душевного нездоровья поэтессы. Нелли Закс поддалась доброжелательно безжалостному давлению и уничтожила свои стихи, “неприятные” как сказал Бернард Шоу о своих пьесах. Кто бы мог подумать, что и эта литературно-камерная казнь раздражающей рукописи свидетельствует о ближайшем будущем, когда уничтожение книг станет повседневностью? Очевидно, в самой реакции окружающих на эту, по всей вероятности, безобидную лирику таилось подтверждение ее пророческого смысла: от подобной доброжелательной озабоченности один шаг до безудержного бешенства, забрасывающего пророков камнями именно за то, что их пророчества сбываются.

Этот курьезно-знаменательный эпизод повторялся в жизни поэтессы, то расширяя, то суживая свой масштаб. Первые книги Нелли Закс были проигнорированы, то есть отвергнуты, как тот злосчастный лирический цикл. Ни Восток, ни Запад не хотел прислушиваться к ее предостерегающему голосу. Вторая книга стихов Нелли Закс “Звездное затмение”, изданная в Голландии, попала в макулатуру, а когда ее книги привлекли к себе внимание, опять объявились сентиментальные доброжелатели, по выражению Гизелы Дишнер, хотя круг их расширился и они как бы разделились на разные направления. Большинство из них, отдавая дань достижениям поэтессы, искусно сочетали громкие фразы о ее исключительности с психоаналитическими экскурсами в ее внутренний мир, намекая на душевное расстройство, неизбежное после таких потрясений. (Для подобных инсинуаций были основания: Нелли Закс неоднократно попадала в лечебницу для нервных больных). Такого рода исключительность давала возможность и с к л ю ч и т ь поэтессу из литературной жизни, позволяя сформулировать отдельную литературно-социологическую проблему: исключительность как изоляция в современной культуре, а изоляция уже разительно напоминает гетто. Другая линия щеголяет подчеркнуто беспристрастным академизмом. Чуть ли не каждая строка Нелли Закс возводится к тому или иному, как правило, иудайскому первоисточнику. Выстраивается более фундаментальное или даже фундаменталист-

эксге гетто. При этом допускается, что в своем гетто Нелли Закс читала также и немецких романтиков, в особенности Новалиса, обильно заимствуя у него мотивы и образы, подтверждая тем самым их каббалистическое происхождение, а подобным веяниям Новалиса, как известно, был не чужд.

Не следует усматривать в подобных построениях некое злонамеренное или, напротив, подсознательное юдофобство. “Но, может быть, поэзия сама — одна великолепная цитата”, — этот стих Анны Ахматовой завоροжил даже тех западных литературоведов, которые вряд ли читали его. Тем более превратно понят стих Ахматовой. “Великолепная цитата” делает невозможным разные цитаты или заимствования именно потому, что она одна. Такая цитата может происходить только из одного божественного первоисточника, который неисчерпаем и не может не соответствовать первым двум строкам ахматовского четверостишия: “Не повторяй — душа твоя богата — того, что было сказано когда-то”.

Таким первоисточником поэзии Нелли Закс естественно было бы счастье Священное Писание, но, как справедливо замечает Бенгт Холмквист, Священным Писанием для нее были не только Ветхий и Новый Завет, но и творение в целом, сама Вселенная, божественная книга, чьи письмена подлежат расшифровке в поэзии. Соблазнительно объявить первоисточником этой поэзии каббалистическую книгу “Зохар” (“Сияние”), о которой Нелли Закс писала: “в ней находится мистика всего мира” (там же, с. 31), но, как выясняется, поэтесса впервые прочитала одну главу из этой книги лишь в 1950 г., после смерти матери, хотя влияние книги “Зохар” усматривают уже в стихах из книги “В жилищах смерти” (1947). Это одна из загадок Нелли Закс, которые она сама называет “раскаленными”. Легко обнаружить в ее поэзии многочисленные переклички с Новалисом, но если Новалис воспевае “милое солнце ночное”, то в поэзии Нелли Закс остается “ночь плачущих детей”:

*Кусок ночи,
разглаженный руками,
всего лишь весы,
чтобы взвешивать бегство.*

Если для Новалиса ночь — торжествующая вестница вездесущего блаженства, то для Нелли Закс ночь — вездесущая стихия, но сопряжены с ней боль, смерть, уничтожение. Ночь таит в себе “крик, скрытый Садом Гефсиманским”, где сам Христос молил Бога: “Да минуе Меня чаша сия”. Этот страждущий Христос близок

Нелли Закс, ибо вместе с ним страдает вся вселенная:

*Огонь
Земля
Вода
пошли на убыль
во Христе
создавшем из воздуха
еще один крик
и свет
в загадочно черной листве
самого одинокого часа
глазами стал
и глядел*

Для того, кто пережил этот “самый одинокий час”, идиллия невозможна. Невозможно себе представить стихотворение Нелли Закс, воспевающее пейзаж, так как ее пейзаж “из криков”. Поэзия Нелли Закс в принципе безутешна. Ей чужда жалоба, ибо жалобой подразумевается, по крайней мере, возможность утешения, но поэсса неразлучна со своими дорогими покойниками, и потому отчаянье ей тоже чуждо.

Когда Нелли Закс говорит “я”, оно относится к ней самой лишь постольку, поскольку оно обозначает каждого (каждую) из тех погибших, кто с ней неразлучен. О себе она предпочитает говорить в третьем лице: “Дурочка, закрученная спешкой”. Но Нелли Закс на этом не останавливается. Она дарит или навязывает свое лирическое “я” каждому из своих читателей, чтобы он тоже почувствовал себя одной из жертв геноцида, распространяющегося на весь род человеческий. Не то что оценить, просто прочитать Нелли Закс в состоянии лишь тот, кто принимает на себя ее “я”, вместе с ним угрозу собственной гибели и одновременно свою вину, соучастие в ней. На таком приятии или приеме основывается поэзия Нелли Закс вплоть до ее формальных тонкостей. Отсюда своеобразие этой поэзии при всех параллелях, обоснованно проводимых литературоведами. И отсюда дискомфорт или, прямо скажем, жуткое чувство, которое вызывает эта поэзия у читателя. Обреченное лирическое “я” требует приятия и наталкивается на неприятие. Несостоявшийся читатель ищет себе алиби и чаще всего ссылается на непонятность. Но само по себе это желание оправдаться говорит: читатель понял больше, чем ему хотелось бы. Читатель готов посочувствовать жертве, пожалеть ее, наслаждаясь при этом собственной

безопасностью, а в таком наслаждении ему как раз и отказано: приходится не сочувствовать, а чувствовать жертвой . . . себя. Вот почему немецкий поэт Ганс Магнус Энциенсбергер писал о Нелли Закс: "Ее книга остается единственным поэтическим свидетельством, способным утвердить себя рядом с бессловесным ужасом документальных сообщений" (там же, с. 360). Это тем более справедливо, ибо документальные сообщения грозят сыграть с человечеством скверную шутку. Человек слишком легко привыкает к их "бессловесному ужасу". Статистика имеет свойство возвращать обыденностью своих цифр, даже если эти цифры обозначают число уничтоженных. Только поэзия позволяет, вернее, заставляет читателя почувствовать себя одним из этих уничтоженных. Не потому ли поэзию во всем мире перестают читать? Фридрих Гёльдерлин называл поэзию невиннейшим из всех занятий. Не берedit ли поэзия своей невинностью нечистую совесть человечества?

В то же время поэзии Нелли Закс никак нельзя отказать в традиционности. История свободного стиха в Германии насчитывает по меньшей мере двести лет. Стих Нелли Закс перекликается не только с Гёльдерлином и с его предшественником Клопштоком, он уходит вглубь веков, в библейское прошлое, сказывающееся в самом стихе, а не в поверхностной начитанности автора. Гизела Дишнер с полным основанием отмечает сильное влияние Гёльдерлина в поэзии Тракля, Рильке, Целана и Нелли Закс. Для всех этих поэтов характерно исчезновение пространства во времени, что у Нелли Закс принимает форму бегства и преобразования. В мистерии Нелли Закс "Берилл смотрит в ночи" появляется грязное солнце, черная паучиха. Грязное солнце новалисовского происхождения. В сказке Клингзора из романа "Генрих фон Офтердинген" дневное солнце, светило дурного рационализма, обречено сгореть. Перед этим оно бледнеет, покрывается пятнами, и в конце концов от него остается только черный, перегоревший шлак. О черной паучихе повествует швейцарский писатель прошлого века Иеремия Готхельф. В черную паучиху превратилась пособница дьявола, когда священник уберег от него обещанного ему некрещенного младенца. Черная паучиха сеяла смерть в долине, убивая своим укусом всех, на кого нападала. Так были наказаны люди, забывшие, что "вина перед одной-единственной душой перевешивает спасение тысяч и тысяч человеческих жизней". Благочестивая женщина спасает своих односельчан от паучихи, засунув ее в дыру, просверленную в оконном косяке, и закрыв дыру втулкой, обмокнутой в святую воду. Сама женщина умирает от укуса паучихи, но ядовитое чудовище поймано. Оно снова вырывается на белый свет, когда люди начи-

нают грешить, и в новом доме старый оконный косяк напоминает: черная паучиха тут как тут, а выпускают ее на волю человеческие грехи. Старинное предание, рассказанное христианским писателем, прочитывается в двадцатом веке как пророческое предостережение. В черной паучихе распознается зараза национал-социализма, таящаяся в новом немецком доме. У Нелли Закс есть стихотворение “Тем, кто строит новый дом”, где скорбь тоже предостерегает. Но в поздней мистерии с черной паучихой отождествляется солнце, при котором так удобно преследовать, мучить и убивать, как будто само солнце — вечный двигатель человекоубийства.

Если это традиционность, то она берет свое начало дальше, чем сама традиция, прикасаясь к ее истокам. Поэтому последняя степень безнадежности и беспросветности у Нелли Закс оборачивается своей противоположностью, когда “еще смерть празднует жизнь ...”. Опять-таки вспоминается Новалис, для которого смерть — высшее жизнеутверждение, но у Новалиса нет речи о массовом истреблении людей, и он вряд ли назвал бы свою книгу “В жилищах смерти”. Тем более невероятно, когда у Нелли Закс в жилищах смерти пляшут.

Пляска и танец глубоко внедрены в духовный опыт поэтессы. В ее творческом становлении танец предшествовал поэзии. Нелли Закс рассказывала, как в детстве и юности она импровизировала некие фантастические танцы, сопровождая этими танцами игру отца на фортепьяно. Мы можем таким образом представить себе утонченно изысканную атмосферу, в которой формировалась поэтесса, а также влияние, оказанное на нее отцом. Психоаналитик-фрейдист несомненно уловил бы в признаниях поэтессы некий скрытый подтекст, объясняющий не только ее творчество, но и длительное пребывание в лечебнице для нервных больных. Для нас также интересен образ ее отца, техника и фабриканта, сочетавшего трезвое предпринимательство с домашним музицированием, образ, весьма характерный для берлинской элиты в эпоху, когда Освальд Шпенглер советовал молодым людям предпочитать технику лирике. Очевидно и другое: танец для Нелли Закс был не просто данью девичьей экзальтации, хотя она могла бы принять на свой счет стих Рильке: “Сестры, спляшите секрет апельсина!” Нелли Закс говорит о своем раннем стремлении танцем взломать невидимую темницу. Этот мотив определит ее позднюю поэзию, где танцовщица, плясунья станет синонимом лирического “я”, подключая его к древнейшей мистической традиции.

Двойственная функция танца в истории человечества засвидетельствована Библией. В Евангелиях от Матфея и от Марка пове-

ствуется о том, как дочь Иродиады пляской вынудила царя Ирода обезглавить Иоанна Крестителя и принесла матери на блюде его отрубленную голову, что явилось как бы продолжением ее преступного танца, органически связанного с террором. Зато во второй книге Царств недвусмысленно порицается Мелхола, жена царя Давида, осудившая вдохновенную пляску царя-пророка перед ковчегом Завета. Бог покарал за это Мелхолу бесплодием. Такая кара истолковывается аллегорически: бесплодна душа, отвергающая проческий экстаз, ибо экстаз и вдохновение заведомо не вяжутся с близоруким фарисейством слишком человеческой нравственности. “Перед Господом играть и плясать буду”, — говорит царь Давид (2-я Книга Царств, 6, 21), и на эти слова ссылаются мистические секты, включающие пляску в свой ритуал, что свойственно как еврейским хасидам, так и русским хлыстам, а сам царь-псалмопевец мыслится как прообраз богоугодного художника или юродивого.

Нелли Закс неоднократно возвращается к царю Давиду. Пожалуй, пляшущий царь Давид истинное средоточие ее поэзии. При этом Нелли Закс постоянно подчеркивает его глубокую, неисправимую греховность. Давид избран “во грехе еще”:

***Умирая, больше преступного
отдал он червивой смерти,
чем сонм отцов его.***

Это вполне соответствует священному библейскому преданию, как и простонародной русской православной молитве: “Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его”. Спрашивается, при чем тут кротость, если Давид был человек воинственный и необузданный в своих страстях? Бог любил Давида как никого другого и все-таки запретил ему строить храм именно из-за его воинствующей страстности. Кротость Давида была в том, что он сознавал и признавал свою греховность как никакой другой человек, и была таинственная непостижимая связь между его греховностью и этим спасительным сознанием. Эту покаянную связь народная мудрость и называет кротостью. Пляска Давида, которую каждый мог высокомерно осмеять (еще бы! царь пляшет, как уличный фигляр!) была смиренным, кротким покаянием пред Богом, ибо в пляске человек участвует душой и телом, то есть кается всем своим существом. И у Нелли Закс царь Давид не только оправдывается, но и достигает святости в пляске и пляской, которая приобретает некий сверхличный смысл: пляской не только спасаются, но и спасают.

Нечто подобное происходит в мистерии “Магический танцов-

щик". Фигура танцовщика Давида Сильфано — не что иное, как проекция библейского Давида в современность. Давиду является магический танцовщик, его механический двойник, у которого вместо голосовых связок магнитофонная лента. У магического танцовщика зловещая грация марионетки по Клейсту (см. мою статью "Двери ночи", "Ной", №3, с. 128). О себе магический танцовщик говорит, что он весь сделан из магии, свит из меридианов, лярва, куколка, мотылек. Он предлагает Давиду Сильфано взорвать границу собственной кожи (юношеская мечта Нелли Закс: танцем взломать невидимую темницу). И Давид в пляске начинает разматывать меридианы собственного тела, а его жена Марина приговаривает: "Разматываю тебя, разматываю. . ." Она удаляет полярную звезду, удаляет экватор, падает, мертвая, пляшущий Давид отталкивает ее тело ногой, вырывает у себя сердце и тоже падает мертвый. Мистерия отдаленно напоминает самоубийство супружеской четы Цвейгов, не знавших, куда скрыться от Гитлера. Поэзией Нелли Закс запечатлена бессмысленность и безысходность бегства. Беглец бежит из меридианов, из вселенной, из самого себя: "Так я бежала из слова", но спасти его может только одно: "Преображение мира — вот моя родина". Остается открытым вопрос, достиг ли Давид вместе с Мариной преобразования, или магический танцовщик был только искусителем, склоняющим супружескую чету к самоубийству, хотя лейтмотив магического танцовщика: так оживают мертвые.

Нелли Закс сравнивает Давида, захваченного последней пляской, с разматывающейся катушкой ниток. Такую же катушку ниток мы встречаем в маленьком рассказе Франца Кафки "Озабоченный отец семейства". У этой катушки даже есть имя: *Одрадек*. Одрадека резонно сравнивали с *недотыкомкой* Федора Сологуба. Он как бы живое существо и даже отвечает на вопросы. Когда его спрашивают, где он живет, Одрадек отвечает: "Без определенного местожительства". "Бомж", — как сказали бы мы теперь. Одрадек — образ абсолютной отверженности и бесприютности, жилец чердаков и лестничных клеток, если его вообще можно назвать жильцом: отец семейства озабочен тем, что сам он умрет, а Одрадек по-прежнему будет влачить свое существование, которое нельзя назвать жизнью. Одрадек переживет его, потому что Одрадек, собственно говоря, не живет.

Возможно, в образе Одрадека Кафка запечатлел свою собственную изоляцию и отверженность, как в насекомом, в которое превращается Грегор Замза. Но главная особенность Одрадека, его метафизическая неполноценность в том, что, в отличие от Давида,

эта катушка не разматывается. Одрадек подвижен, но двигаться ему некуда. Так же некуда двигаться провинциалу, до самой смерти неподвижно сидящему у врат закона. Так обнаруживается разница между творчеством Кафки и поэзией Нелли Закс при всем родстве судеб и мироощущений. (Сам Кафка не дожил до катастрофы европейского еврейства, но три его сестры погибли в нацистском концлагере.) Творчество Кафки при всей его разветвленной, пророчески современной проблематике основывается на древней, избыточной традиции иудаического закона (мифотворческое законничество Кафки только усугубляется тем, что его герой или герои чувствуют себя приговоренными, согласно этому закону), а поэзия Нелли Закс принципиально игнорирует закон или не замечает его, вдохновенно предпочитая ему мистическое озарение, всецело определяющее ее лирическую поэзию и драматургию. Культ пляски или танца, основанный на глубоко личных, интимнейших переживаниях поэтессы, смыкается в ее творчестве со сверхличной мистической традицией, приводит ее к хасидизму, знакомому ей, вообще говоря, исключительно понаслышке. Из хасидских сказаний в поэзию Нелли Закс приходят тридцать шесть тайных праведников, которыми держится мир, хотя сами они об этом не знают: “Сгорблены тридцать шесть в скорбной работе”. По крайней мере, два этих праведника выступают в мистериях Нелли Закс. Один из них — сапожник Михаил — разыскивает немецкого солдата, убийцу пастушонка Эли, и руки убийцы распадаются при встрече с праведником. Другой из тридцати шести, по имени Берилл, слеп, но он “смотрит в ночи”, спасая убитый алфавит и восстанавливая тем самым мир, ибо мир создан из букв, а буквы порождаются дыханием, как сказано в Каббалистической Книге Творения, Сефер-Йецира: “Из Духа был создан воздух, а в воздухе Он образовал двадцать два звука — буквы” (Аум, Терра, 1990, №3, с. 144). Для Нелли Закс буква — фигура мистического танца, из которого образуется мир.

Антиподом пляшущего царя Давида в поэзии Нелли Закс выступает Иов. Он прежде всего неподвижен, он с т о и т: “Где ты стоишь, там пуп всемирной боли”. Статичное мученичество Иова вполне соответствует тому, что о нем сказано в Библии: “И отошел Сатана от лица Господня, и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел” (Иов, 2, 7-8). Иов, ни с того ни с сего утративший все свое достояние, всех своих детей, пораженный страшной болезнью, задает Богу вопросы, на которые тщетно пытаются ответить все теодицеи мира. Нелли Закс называет вопросы Иова червями, от которых его собственный голос онемел, но черви

сти подтачивают миропорядок: в этих червях Серен Киркегор увидел начало философии, и эту же прозительную ноту подхватил старший современник Нелли Закс Лев Шестов, взвешивающий все вопросы человеческого бытия “на весах Иова”. “В отчаянье, в ужасах человеческая мысль перерождается и обретает новые силы, подводящие ее к несуществующим для других людей источникам истины” (Лев Шестов. Киркегард и экзистенциальная философия. Москва, 1992, с. 28). Именно в связи с вопросами Иова Лев Шестов произносит слово “абсурд”, которое для Альбера Камю действительно станет источником истины, не существующей для других. Истина абсурдна в том, что человек при всем своем сходстве с Богом смертен. Отсюда два исторических вывода: возможно массовое истребление смертных, и возможно сопротивление истреблению. Лично для себя Камю выбирает сопротивление, но подчеркивает при этом: его выбор также абсурден, так как произволен, лишен абсолютных обоснований. Экзистенциализм Камю был воспринят интеллигенцией Запада как идеология сопротивления, и только одинокий голос Нелли Закс негромко, но отчетливо отверг философию абсурда.

В отличие от утонченных западных интеллектуалов Нелли Закс едва ли не единственная почувствовала: если бытие действительно абсурдно, а человек просто смертен, массовому истреблению людей нечего противопоставить. В самом деле, разве великий немецкий вдохновитель французских экзистенциалистов Мартин Хайдеггер не принимал идеологию национал-социализма если не безусловно, то в принципе? Альбер Камю только воспользовался возможностью сделать из философии Хайдеггера другие выводы, фактически признавая при этом: Хайдеггер ничуть не менее, если не более прав. Такая правота неприемлема для Нелли Закс, и она покидает удобренную прахом бесчисленных жертв почву философии, признавая при этом, что ее правота — лишь “звук, рожденный вместе с дыханием”.

Лев Шестов тонко подмечает: “Но Киркегард чуждается просвещенного мистицизма” (там же, с. 90). Точно так же чуждаются мистицизма Хайдеггер, Камю и Сартр. Философствующему абсурду с древних времен противостоит мистика, опровергая его не спекулятивными, абстрактными аргументами, а своим небесспорным, но зато непреложным внутренним опытом.

У Нелли Закс танцовщица танцует с тяжелой гирей. За волосы мирового моря она вытаскивает своего возлюбленного, который мертв, но для нее жив, ибо жизнь и смерть — вольноотпущенники: они равноправны, так что в жизни смерть, но и в смерти жизнь. Так мистическая мудрость Новалиса с его тоской по смерти приобретает неожидан-

ный смысл, затрагивающий буквально каждого. В другом стихотворении

*Плясунья
мучаясь родами
ты одна
влачишь на сокровенной пуповине
Божье наследство
двойное украшение
смерть с рождеством*

Смерти не то чтобы нет, но смерть временна, как жизнь, в одновременности времен. Вспоминается Чаадаев: “Иные, например, относили великие сказания Апокалипсиса к определенным временам: толкование смешное! или лучше сказать бестолковое! — Мысль Апокалипсиса есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного бытия, ко всему, что происходит около нас”. (П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. Москва, 1989, с. 165). Таков “Пейзаж из криков”, где одновременны мученичество Иова, жертвоприношение Авраама и молитва Христа в Гефсиманском саду. Сокровенная пуповина танца связывает не только близких, не только жертв, но и палачей с жертвами: “Созвучие прилива с отливом, гонителя с гонимым”. В пляске осуществляется таинственное единение человека с человеком, с миром и с Богом, сокровенная суть мистических исканий. Вот что Нелли Закс ищет и находит в каббале: “. . . добро искупает зло, зло оправдывает добро” (Аум, с. 154). Таким образом, жертва не обвиняется, а как бы оправдывает палача, ибо палач — тоже жертва именно потому, что у него есть жертва. Эта всемирная всевременная взаимосвязь и осмыслиется поэтессой как танец. Танец превращается в страшный суд, где все осуждены или осужденных нет, ибо осужденных не отличишь, не отличишь от оправданных. В этом пункте сосредоточена принципиальная непопулярность Нелли Закс, ее непонятность, а вернее, пророческая пугающая несовместимость с близорукими современниками, все еще желающими установить, кто виноват, чтобы подтвердить, на худой конец, если не свою невиновность, то хотя бы алиби. Но во всеобщем танце мистического соучастия алиби невозможно, и пророчица, смиренная сестра царя Давида, танцует со своей тяжелой гирей, “чтобы гонимые не стали гонителями”.

Хильде ДОМИН (Германия)

*из благодарственной речи по случаю
присуждения ей премии имени Нелли Закс
города Дортмунда (1984).*

*Любая империя крови — кнута
Рухнет, как холмик над норкой крота.*

*Любое рассветом рождённое слово
Пробьётся сквозь сумерки снова и снова.*

Такое “Последнее изречение” написал Лёрке в день своей смерти 24 февраля 1941 года. Возрождение немецкого языка из истерзанного нацистским временем — его нам суждено было пережить.

Нас всех вместе свела здесь вера в слово, в его долгую жизнь, а главное, в выживаемость немецкого слова в устах тех, кому было отказано в причастности к Германии и немецкому слову. Это слово было нашей родиной, когда у нас не было никакой другой.

Во-первых, и это имеет отношение к нашему делу, я хочу в конце этого памятного пятидесятого года поблагодарить (и здесь я едина с Нелли Закс) тех, кто оказал преследуемым помощь и содействие в жестокое время, и тех, кто пусть редко, жертвуя жизнью, спас, по крайней мере, человеческое достоинство. То, что наконец-то позаботились о них, и есть единственно доброе, что **осталось** нам от памятного года. Эти забытые, а речь идет о них, **начиная** с Елены Якобс, удостоенной в этом году медали имени Бубера и Розенцвейга, Гертруды Стивен, сестры Хильды Хейнеман, и **кончая** неизвестной женщиной, открывшей в Берлине конскую бойню, поскольку на конину не ставили клейма. Они были немками. Никаких почестей, ведь они должны были во времена нацизма оставаться неизвестными. И, кроме того, их деяния — с ежедневным риском для жизни — не вызвали шумного интереса. Тут были люди поинтереснее. Но то, что они, несмотря ни на что, были здесь, в Германии, придаёт нам стойкости. Ведь в эти годы многие из спасённых покончили жизнь самоубийством. Я назову только Целана, Сцонди, Амери, Вульфа.

От имени гонимых нацистским режимом и любой тоталитарной властью мы, здесь присутствующие, благодарим вас за проявленное человеколюбие.

Я останавливаюсь на этом для того, чтобы мы вспомнили тех,

кто так много сделал не только для жертв преследований, но и для тех, кому не хватило мужества для такого сопротивления.

Я благодарю тех, кто открыл свои двери, как это сказано у Нелли Закс:

*Стихает море одиночества,
Когда мы стучимся . . .
О мы, странники у дверей Земли.
Приветствуем даль,
Нацепляя на шляпы звёзды.
Дюймовыми линейками
Лежат на земле тела наши,
Измеряя горизонт —
О мы, странники,
Ползучие черви для наступающих ледов. —
Наша смерть ляжет порогом
Перед вашими запёртыми дверьми.*

Вы, открывшие двери, и вы, открывающие здесь и сейчас двери беженцам (не важно, от какого несправедливого режима они спасаются: от так называемого “правого” или так называемого “левого”), вы помогаете нам любить эту страну: “Пусть светит нам любовь, как и другим народам”. /Я цитирую вам возвратившегося на родину Брехта./ Конечно же, всё это не просто.

И уже потому, что мы не хотим быть легковесными, я не могу сейчас обойти молчанием сообщение, появившееся в печатном органе “Ди Цейт” 18 ноября, на мой взгляд чудовищное, как, вероятно, и на ваш: некоторые из тех, кто помогал гонимым — а в список “Вечные имена” в Иерусалиме внесено более двухсот немцев — так вот, некоторые из тех, кто каждый день тогда рисковал жизнью, сегодня хотят остаться неизвестными. Не из скромности — от страха. “Они опасаются скрытого антисемитизма в своём окружении” — как мне выразительно подтвердил один из спасённых — Антон Мария Кайм, бургомистр города Майнца.

“Гражданское мужество — добродетель, вышедшая из моды”, — объявила программа этого года по проведению “Недели братства”. Тогда, во времена нацизма, оно, возможно, у немногих было “само собой разумеющимся”, “само собой разумелось” вступить за угнетённого. Меня это невероятно взволновало, и кого бы я ни спрашивала, все подтверждали, что так оно и было.

Кто выжил, выжил благодаря помощи других. “Счастье — это

помощь”, — так сформулировал Брехт. Я тоже пример той помощи, которая поддерживала нас в наших скитаниях.

Как спаслась Нелли Закс, именем которой и для которой город Дортмунд в 1961 году учредил премию? Возможно, об этом я знаю больше, чем другие. Нелли Закс была бы самой маленькой из ваших лауреатов. Она уютно уместилась в любой детской кровати, когда в мае 1940 года попала в недавно эвакуированный детский дом в Стокгольме. Известно, что получением шведской визы она обязана шведской писательнице Сельме Лагерлёф /1858-1940/. Но я случайно узнала о том, что за несколько недель до этого ее арестовало гестапо на Штайнплатц в Берлине во время встречи с другом (в стихах она называет его “женихом”); они оба были подвергнуты жестоким допросам. Ужас парализовал её голосовые связки. Много дней она не могла говорить. Отсюда ассоциации с рыбой: “Повсюду рыбам надо ставить фонарь милосердия там, где заглатывается крючок удочки или практикуется удушье. Там созвездие медуз созрело для избавления”. Гестаповский подвал стал в некотором смысле её спасением. Жестокое вторжение политической реальности встревожило её друзей. Гудрун Гарлан /”спасительница моей жизни”, как пишет о ней Нелли Закс/ поехала к Сельме Лагерлёф, а та обратилась к королевской семье. В один и тот же день пришёл приказ об отправке в трудовой лагерь и шведская виза.

В нашей очень доверительной переписке, которую я сейчас вновь перечитала, об этом ни слова. Очевидно, она и в письмах могла передать кошмар только метафорически. Она не могла называть вещи своими именами.

О первом её сборнике, изданном в ФРГ (“И никто не знает, что же дальше”), я не слышала. Но второй — “Бегство и превращение” (1959) был издан почти одновременно с моим — “Опора — только роза”, — и привлёк моё внимание.

Судьбу её ранних книг я обхожу, для неё это было невероятно тяжело. Во времена благосклонного отношения к тирике, в первые годы существования “Группы 47”, она почти десять лет не могла найти издателя.

Книга “Звёздное затмение” /издательство Фишер Кверидо, Амстердам, 1949/ была уничтожена так же, как и книга Целана “Песок в урнах” /Вена, 1948/, в которую уже вошла его “Фуга смерти”. Сборник “В жилищах смерти”, самая первая книга Нелли /издательство Ауфбау, Берлин, 1947/, погиб при разделе Берлина на зоны, и пришёл к читателям лишь в 1961 году благодаря издательству Зуркамп. А вслед за ним “Молитвы мёртвому жениху”,

которые Вальтер Йенс в своей стокгольмской речи в 1966 году назвал пробным камнем: “Никакие почести и никакой престиж в обществе не смогут нам помочь, если мы отступим перед этими стихами”. Вальтер Йенс, Ваше слово с каждым днём становится полновесней.

Итак, 14 января 1960 года я получила книгу “И никто не знает, что же дальше”, книгу, которая, как и моя “Опора — только роза”, первой же строкой говорит о корнях. “Нужно уметь уйти и всё же быть деревом: будто в земле остался корень . . .”. — начинаю я. “Всё покинутое прорастает корнями в глазах беглецов” — начинает она. 20 и 21 января 1960 года я ответила письмом, где по сути уже было “Открытое письмо к Нелли Закс”, которое я написала в 1966 году для сборника издательства Зуркамп “В честь Нелли Закс”. Что мне вам прочитать вслух: из личного или открытого письма ? Они очень близки, и всё-таки я выберу первое.

“Позавчера получила Вашу книгу, но мне кажется, что она уже давно со мной. Я с ней засыпаю и просыпаюсь. И засыпая, я утопаю или растворяюсь в пенистом вихре, том, что остаётся “над водой” и что Вы называете “брызгами тоски”... Вы воздвигли этим мёртвым не то чтобы памятник, это было бы слишком каменно, слишком твёрдо. Вы сотворили из этого вихрь, который остаётся всё же мягким дуновением. Поразительным образом — может быть, этого не следовало бы высказывать — стихи Ваши избавляют меня от глубокого испуга.

Я думаю, это было после войны, когда мы в журнале “Тайм” увидели фотографию груды мертвецов из Берген-Бельгзена /бывшего фашистского концлагеря/. Это вызвало во мне что-то вроде животного страха перед неподвижно лежащим нагим человеком, как, например, перед застывшим во сне. Мне нужно было либо отвести взгляд, либо дотронуться до фотографии, чтобы она ожила. Не хочу думать об этом, но думаю всегда. Всё, что осталось, эта немощная белизна вдруг стала лёгкой и как бы превращается в парящее дуновение”.

Я бы с удовольствием прочитала вам стихотворение Нелли Закс, созвучное этой теме. Но у неё трудно отыскать отдельные избавительные стихи: они воздействуют все сразу. И всё же я попытаюсь привести несколько строк:

***... во всех глазах видна тоска по родине,
А родина для крыльев — лишь местечко.
Лист на ветру — прощальное словечко,***

**Что упадёт, оставив имя в круговерти,
Но имя взмоет соколом из смерти.**

Я ещё написала ей: *“Меня очень взволновала какая-то жуткая исступленная привязанность к палачу. Политый слезами лабиринт между палачом и жертвой”*.

Намного позднее, в декабре 1960 года, она пишет мне по этому поводу: *“Нужно было отважиться на тот шаг, где палач и жертва стираются как понятия. Там человечество не может и не должно остановиться, пока духовно не закатится такая звезда”*.

Так, как Нелли Закс, об убиенных и убийцах говорит только Пьер Эммануэль, борец французского Сопротивления. В своём очень католическом стихотворении на Троицын день 1942 года он обращается к убийцам:

**Вы не устали, палачи, обесчеловечиваться
тщетно? . . . Голубь
обыгрывает вас, он в ваших душах,
он вьёт своё гнездо в ваших пытающих руках,
вымучивающих душу из души.**

**Какую победную песнь готовите вы мищению.
Какую утреннюю зарю над кровью, любовью,
которая никому не даёт воли.
Человек, поймите же вы, человек является и его
не сдержатъ.**

**Неужто вы так застыли в своём страхе,
что этот взмах крыльев по камням,
что это мощное дыхание мёртвых, которое вас овеивает,
птица нерабской надежды не разорвёт вас
своей пугающей и сияющей зарёй,
к которой ведут только мёртвые, мёртвые, эти верные
защитники будущего в живых душах ?**

Нелли Закс не могла попасть в 1961 году в Дортмунд, ибо предыдущая встреча с Германией вывела её из душевного равновесия. За год до дортмундской премии она получила премию Дросте. *“Сказочная поездка”*, — писала она мне в Мадрид. *“В Цюрихе встречала с большой любовью, а в Меерсбурге — приличная молодёжь. Я повторяю: в Меерсбурге — приличная молодёжь”*. Она

была вне себя от счастья. Она получила новую немецкую прививку: любовью и всеми ужасами. Слишком сильную дозу. Последовала психиатрическая больница, шоковая терапия. Долгие годы она была больна, в конце концов её поместили в одиночную палату клиники, чтобы — среди душевнобольных — она чувствовала себя в безопасности от нацистов, которые, как она полагала, наблюдают за ней у двери её дома.

Всё это время и даже из клиники она посылала в издательство Зуркамп списки читателей, которым надо было послать её книги. Она не прерывала связей со своими юными немецкими читателями. В 1965 году она получила премию Мира немецкой ассоциации книгоиздателей и книготорговцев и смогла приехать во Франкфурт. И даже вновь увидела Берлин — свой родной город. А в 1966 году ей вручали Нобелевскую премию. Она приняла её “от имени Германии”, — находясь в Париже, я прочитала об этом во французских газетах. Это было поразительно: такое мужество к отождествлению, именно с её стороны.

Ни одна немецкая газета не привела этих слов Нелли Закс! Не хотели подпортить шанс “немецким авторам”, а именно Генриху Бёллю, как объяснил мне один весьма осведомленный господин. Поскольку премия редко выпадает на одну и ту же страну несколько раз. Когда же Бёлль в 1972 году стал лауреатом, все газеты написали: “Первая немецкая Нобелевская премия после Гессе”. “Первая — после Нелли Закс”, — уточнил Бёлль.

Почему это происходило именно с ней? С Целаном такое было бы невысказанным. Правда, что Нелли Закс более чтима и менее читаема. Была ли она автором “алиби”, как часто выражались? Тогда бы её забыли.

Здесь и сегодня самое время узнать, что она — сестра Новалиса и Гёльдерлина: в немецком языке она по законному праву дома. Хотя она — голос убиенных евреев. Однако преследование евреев — это только одна из моделей *conditio humana* и уже совсем типичный случай для человека нашего времени.

Нелли Закс похоронила убиенных: оставшись в живых, она предала земле целый город, целый народ мертвецов. Их погребение стало её воскрешением в слове. Будь это слова ненависти, они никого бы не спасли. Но то, что это слова любви, делает их пасхальными.

**Воскрешения
Твоих невидимых вёсен
Выкупаны в слезах.**

*На тебе
Разламывается небо.*

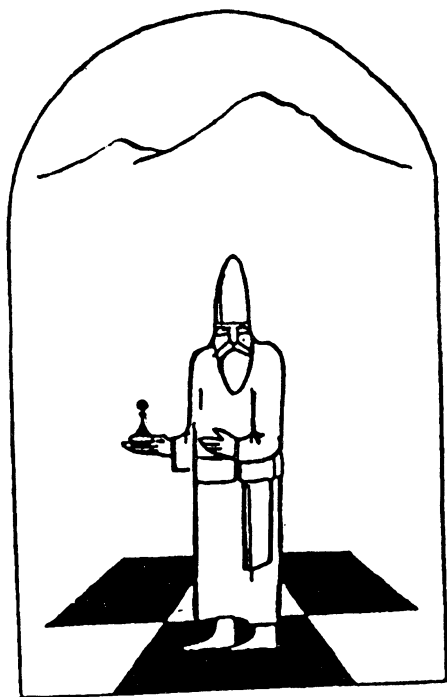
Ты в милости.

Поэт, какого бы он ни был направления, мужчина он или женщина, говорит от имени других. Того, кто из нас знает, под каким знаком и для какой власти, уже завтра сочтут **евреем**. Кроме самих евреев, испытавших роль козлов отпущения. Если предлагается идентификация — это предпосылка для восприятия поэзии.

Надобно заметить, что немецкие поэты еврейской судьбы вернулись из изгнания в родную речь как посланцы примирения, а не ненависти. Все без исключения. Страдание дало им голос. Стихи освобождают. Автора, и вслед за ним читателя. И в этом тоже — освобождение: в последней вере в человека, без которой невозможно было бы написать ни единого слова.

Пер. с немецкого Тамары Вебер.

ARMENIA
WELCOMES
WORLD CHESS
OLYMPIAD - 96

**Г-ну Флоренсио Кампоманесу,
Президенту Международной
шахматной федерации (ФИДЕ)**

**Уважаемый г-н Президент,
позвольте сообщить Вам, что я от всего сердца под-
держиваю инициативу Шахматной федерации Армении
провести Всемирную шахматную Олимпиаду 1996 г. и
конгресс Международной шахматной федерации в
Ереване, столице нашей Республики. Мы приглашаем
представителей всего мира участвовать в Олимпиаде,
независимо от их этнической принадлежности, полити-
ческих взглядов и религии.**

**Мое правительство гарантирует личную безопасность
всем участникам Олимпиады и Конгресса, а также вы-
полнение всех финансовых обязательств, связанных с
проведением этих мероприятий.**

**Я могу заверить Вас, что правительство и народ Арме-
нии сделают все возможное для того, чтобы всемирная
шахматная олимпиада стала настоящим праздником и
торжеством этой древней и интеллектуальной игры,
чтобы на ней царили благородные олимпийские идеа-
лы, идеи мира и дружбы.**

С уважением,

**Левон Тер-Петросян,
Президент Республики Армения**

ЧЕМПИОНЫ АРМЕНИИ ПО ШАХМАТАМ

- 1934 — Генрих КАСПАРЯН
1938 — Генрих КАСПАРЯН, Александр ДОЛУХАНИЯН
1939 — Александр ДОЛУХАНИЯН
1941 — Лорис КАЛАШЯН, КАРАПЕТЯН
1944 — А.КАЛАНТАР
1946 — Тигран ПЕТРОСЯН
1947 — Генрих КАСПАРЯН, Тигран ПЕТРОСЯН
1948 — Генрих КАСПАРЯН, Тигран ПЕТРОСЯН
1949 — Генрих КАСПАРЯН
1950 — Генрих КАСПАРЯН
1951 — Генрих КАСПАРЯН
1952 — ГОЛДИН
1953 — САРКИСЯН
1954 — Генрих КАСПАРЯН
1955 — Генрих КАСПАРЯН, ГОЛДИН
1956 — Генрих КАСПАРЯН
1957 — МЯСНИКОВ
1958 — Эдуард МНАЦАКАНЯН
1959 — Эдуард МНАЦАКАНЯН
1960 — Эдуард МНАЦАКАНЯН
1961 — Ваник ЗАХАРЯН, САРКИСЯН
1962 — Г. АКОПЯН, Эдуард МНАЦАКАНЯН
1963
1964 — Левон ГРИГОРЯН
1965 — Г. АКОПЯН
1966 — Левон ГРИГОРЯН
1967
1968
1969 — Карен ГРИГОРЯН
1970 — Карен ГРИГОРЯН
1971
1972
1973
1974 — А. ПЕТРОСЯН

- 1975 — Смба́т ЛПУ́ТЯН
1976 — Г.АКО́ПЯН, Ва́ник ЗАХА́РЯН, А. ПЕТРО́СЯН
1977 — Смба́т ЛПУ́ТЯН
1978 — Смба́т ЛПУ́ТЯН
1979
1980 — Смба́т ЛПУ́ТЯН
1981
1982
1983
1984 — В. ШАБО́ЯН, Ашо́т АНА́СТАСЯ́Н
1985 — Ашо́т АНА́СТАСЯ́Н
1986
1987
1988
1989 — Арме́н АМБА́РЦУМЯ́Н
1990 — Арташе́с МИНА́СЯН
1991 — Серге́й ГАЛУ́НЦ
1992 — Ашо́т АНА́СТАСЯ́Н, Арташе́с МИНА́СЯН
1993 — Арташе́с МИНА́СЯН
1994 — Ашо́т АНА́СТАСЯ́Н

Приносим читателям извинения за пробелы
нашего незнания и просим помочь исправить
ошибки и пропуски. *Редакция.*

ЧЕМПИОНЫ ИЗРАИЛЯ ПО ШАХМАТАМ

- 1936 — Моше ЧЕРНЯК
1937 — Йо́сеф ПОРА́Т
1938 — Моше ЧЕРНЯК
1940 — Йо́сеф ПОРА́Т
1945 — Ицха́к АЛО́НИ
1951 — Менахе́м ОРЕ́Н
1953 — Моше ЧЕРНЯК
1955 — Моше ЧЕРНЯК
1957 — Йо́сеф ПОРА́Т
1959 — Йо́сеф ПОРА́Т
1961 — Ицха́к АЛО́НИ
1963 — Йо́сеф ПОРА́Т
1965 — Ицха́к АЛО́НИ

- 1967 -- Шимон КАГАН
1969 -- Шимон КАГАН
1971 -- Узи ГЕЛЛЕР
1974 -- Владимир ЛИБЕРЗОН
1976 -- Натан БИРНБОЙМ
1978 -- Роман ДЖИНДЖИХАШВИЛИ
1980 -- Натан БИРНБОЙМ
1982 -- Иегуда ГРИНФЕЛЬД
1984 -- Алон ГРИНФЕЛЬД
1986 -- Натан БРИНБОЙМ
1988 -- Гади РЕХЛИС
1990 -- Иегуда ГРИНФЕЛЬД
1992 -- Илья СМИРИН
1994 -- Леонид ЮДАСИН

МАТЧ “ЗОЛОТОЙ МОСТ” СОСТОЯЛСЯ

Два года назад вестник “НОЙ” выступил с предложением провести матч “ЗОЛОТОЙ МОСТ” – соревнования сборных Армении и Израиля по футболу и шахматам. Тогда эта идея, горячо встреченная в Ереване, не нашла никакой поддержки в Тель-Авиве. Тем не менее матч, о котором мечтала редакция, состоялся – 15 декабря 1994 года на сцене московского отеля “Космос”. То, что не смогли сделать мы, свершил жребий, сведя в последний день 31-й Всемирной шахматной олимпиады команды Израиля и Армении.

Сборная Израиля (капитан команды — Яша БЛЕЙМАН):

1. Леонид ЮДАСИН /2625/ – гроссмейстер, чемпион Израиля /1994/, р.1959.
2. Илья СМИРИН /2615/ – гроссмейстер, чемпион Израиля /1992/, р.1968.
3. Лев ПСАХИС /2605/ – гроссмейстер, чемпион СССР /1980-1981, 1981/, р.1958.
4. Алон ГРИНФЕЛЬД /2600/ – гроссмейстер, чемпион Израиля /1984/, р.1964.
5. Борис АЛЬТЕРМАН /2590/ – гроссмейстер, р.1970.
6. Вадим МИЛОВ /2585/ – самый молодой израильский гроссмейстер, р.1972.

Сборная Армении (капитан команды — Армен АМБАРЦУМЯН):

1. Рафаэл ВАГАНЯН /2645/ – гроссмейстер, дважды /в составе сборной СССР/ побеждал на Олимпиадах и дважды на чемпионатах мира, чемпион СССР /1989/, р.1951.
2. Владимир АКОПЯН /2630/ – гроссмейстер, трехкратный чемпион мира среди юношей, р.1971.
3. Смбаг ЛПУТЯН /2590/ – гроссмейстер, пятикратный чемпион Армении, победитель международных турниров, р.1958.
4. Ашот АНАСТАСЯН /2540/ – гроссмейстер, двукратный чемпион Закавказья, шестикратный чемпион Армении, р.1964.
5. Артасеш МИНАСЯН /2525/ – гроссмейстер, последний чемпион СССР /1991/, чемпион Закавказья, трехкратный чемпион Армении, р.1967.

6. Арсен ЕГИАЗАРЯН /2450/ – мастер спорта, р.1970.

В последнем туре команды выставили такие составы:

ВАГАНЯН – ЮДАСИН

АКОПЯН – СМИРИН

ЛПУТЯН – АЛЬТЕРМАН

АНАСТАСЯН – МИЛОВ

Честно говоря, я думал — это первая в истории шахмат встреча армян и евреев, но оказалось, что на прошлой олимпиаде в Маниле они уже встречались, и тогда армяне победили со счетом 3: 1. Олимпиада стала для “Ноя” нелегким испытанием. Редакция все дни проводила в “Космосе”, где шахматисты и жили, и соревновались. Нам довелось побеседовать с Флоренсио КАМПОМАНЕСОМ (приятно было узнать от президента ФИДЕ, что президент Армении — “отличный шахматист”), президентом шахматной федерации Израиля Исраэлом ГЕЛЬФЕРОМ, президентом шахматной федерации Армении Ваником ЗАХАРЯНОМ, главным арбитром олимпиады Юрием АВЕРБАХОМ. Нет, с Гарри КАСПАРОВЫМ не удалось, хотя тринадцатый чемпион мира и автор первого номера армяно-еврейского весника дал нам автограф на своей фотографии.

Любители шахмат без труда назовут всех чемпионов мира. Интересно, что за сто восемь лет на шахматный трон удалось взойти представителям только пяти национальностей — евреям, русским, армянам, кубинцу и голландцу.

Но вернемся на сцену. Пока арбитр матча Армения — Израиль Авраам ФИГНЕР расставляет фигуры, сделаем блиц-опрос: как закончится сегодняшний поединок?

Начнем с А.ФИГНЕРА: “Команды равны, но армяне играют стабильнее, а израильтяне последние встречи провели неровно. Думаю, со счетом 2,5: 1,5 победит команда Армении”.

Ещё один международный арбитр — Мордехай ШОРЕК /Израиль/: “ 2: 2 “.

Президент шахматной федерации Москвы Эдуард ДУБОВ: “Силы равные, но игра будет нервной”.

Яша БЕЙЛИН, капитан сборной Израиля: “Всё может быть — можем выиграть, проиграть, сыграть вничью”.

Армен АМБАРЦУМЯН, капитан сборной Армении: “Очень надеюсь, что мы победим”.

Рафаэл ВАГАНЯН: “Борьба будет острой и равной”.

Смбат ЛПУТЯН: “Трудно придётся!”

Ашот АНАСТАСЯН: “ 2: 2 “.

Владимир АКОПЯН: “ 2,5: 1,5 в нашу пользу”.

Армен ЕГИАЗАРЯН: “Наши победят 2,5: 1,5”.

Леонид Юдасин: “Возможен любой результат — от 0:4 до 4:0”.

Илья СМИРИН: “Скорее всего, будет боевая ничья”.

Вадим МИЛОВ: “Трудный матч, силы примерно равные”.

Борис АЛЬТЕРМАН: “Даже не представляю, как может закончиться такой матч”.

Лев ПСАХИС: “Встреча закончится 3:1, только не знаю, в чью пользу”.

Лев Псахис — первый, кому я показываю призы, которые наш журнал приготовил команде Израиля — две стелы из черного обсидиана, добытого на склонах Арагаца, на одной выложен серебром армянский алфавит, на второй — еврейский. Прекрасная работа армянских ювелиров и напоминание о сегодняшнем матче. А сборной Армении подарим великолепный хачкар, вырезанный из грушевого дерева. Еще один приз армянским шахматистам — 1.000 долларов — учредило Международное объединение “Центр Российско-Армянских инициатив” /президент — известный предприниматель и благотворитель Аркадий ВАРТАНЯН/.

“Вообще с армянами играть опасно — горячий народ! — замечает Псахис. — Помню, однажды в Ереване я играл с Рафаэлом Ваганяном. Партия была его, но вы же понимаете, как бывает в игре — один ход, и всё изменилось! Короче, я выиграл. Выхожу на улицу и меня окружает толпа раздраженных мужчин, человек сто, не меньше, и намерения у них откровенно враждебные. Можете понять мое настроение. Вдруг кто-то кричит: “Ты по нации кто?” Ошеломленный таким неуместным вопросом, сознаю: “Еврей”. И слышу: “Ну, тогда можно”.

Пока мы со Львом Псахисом беседуем, партия АКОПЯН — СМИРИН закончилась вничью. Гагик ОГАНЕСЯН, генеральный секретарь шахматной федерации Армении, спрашивает: “Как вы думаете, господин ВАРТАНЯН не опоздает?” Тонкий вопрос. Печальный опыт, когда приз “опоздал”, у Гагика уже есть. В мае 1994 года армянская сборная провела четыре встречи со сборной США в Лос-Анджелесе. Если читателям интересно, вот результаты всех четырех встреч.

1. США – АРМЕНИЯ 3,5: 1,5

Григорий КАЙДАНОВ – Рафаэл ВАГАНЯН 0,5: 0,5
 Алекс ЕРМОЛИНСКИЙ – Владимир АКОПЯН 0,5: 0,5
 Борис ГУЛЬКО – Смбат ЛПУТЯН 1: 0
 Патрик ВОЛЬФ – Артшес МИНАСЯН 1: 0
 Илья ГУРЕВИЧ – Ашот АНАСТАСЯН 0,5: 0,5

2. АРМЕНИЯ – США 3,5: 1,5

Рафаэл ВАГАНЯН – Григорий КАЙДАНОВ 1: 0
 Владимир АКОПЯН – Алекс ЕРМОЛИНСКИЙ 0,5: 0,5
 Смбат ЛПУТЯН – Борис ГУЛЬКО 1: 0
 Артшес МИНАСЯН – Патрик ВОЛЬФ 1: 0
 Ашот АНАСТАСЯН – Илья ГУРЕВИЧ 0: 1

3. США – АРМЕНИЯ 2,5: 2,5

Григорий КАЙДАНОВ – Рафаэл ВАГАНЯН 0: 1
 Алекс ЕРМОЛИНСКИЙ – Владимир АКОПЯН 0,5: 0,5
 Борис ГУЛЬКО – Смбат ЛПУТЯН 0,5: 0,5
 Патрик ВОЛЬФ – Артшес МИНАСЯН 1: 0
 Илья ГУРЕВИЧ – Ашот АНАСТАСЯН 0,5: 0,5

4. АРМЕНИЯ – США 2,5: 2,5

Рафаэл ВАГАНЯН – Григорий КАЙДАНОВ 1: 0
 Владимир АКОПЯН – Алекс ЕРМОЛИНСКИЙ 0,5: 0,5
 Смбат ЛПУТЯН – Борис ГУЛЬКО 0: 1
 Артшес МИНАСЯН – Патрик ВОЛЬФ 0: 1
 Ашот АНАСТАСЯН – Илья ГУРЕВИЧ 1: 0

В самом начале турнира некий предприниматель объявил, что он вручит солидный приз самому результативному шахматисту. Лучшим стал Р.Ваганян, набрав 3,5 очка из 4. Но бизнесмен исчез, найти его, а также обещанный приз, так и не удалось. “Ну, Москва не Лос-Анджелес”, - успокоил я Гагика Амбарцумяна. И от всего сердца поздравил – на конгрессе ФИДЕ его избрали (7 голосами против 1) президентом пятой зоны ФИДЕ, куда входят Югославия, Греция, Кипр, Мальта, Албания, Турция, Грузия, Армения.

Между тем события на сцене развивались драматически. Только что на мой вопрос: "Ну, как там, на сцене?" — Яша Блейман обречённо махнул рукой: проигрываем! А через час в отчаянии уже Ваник Захарян. Наконец, лишь за одним столиком остались игроки: Смбат Лпутян и Борис Альтерман. Ничья. Общий счёт встречи тоже ничейный — 2: 2.

Рафаэл ВАГАНЯН — Леонид ЮДАСИН 1: 0
Илья СМИРИН — Владимир АКОПЯН 0,5: 0,5
Смбат ЛПУТЯН — Борис АЛЬТЕРМАН 0,5: 0,5
Вадим МИЛОВ — Ашот АНАСТАСЯН 1: 0

Призы вручены. "Приезжайте в Ереван!" "Заглядывайте в Тель-Авив!" Великая шахматная феерия завершилась. Набрав в четырнадцать турах по 33 очка, обе команды разделили 13-14 место. Прямо скажем, достижением это не назовёшь.

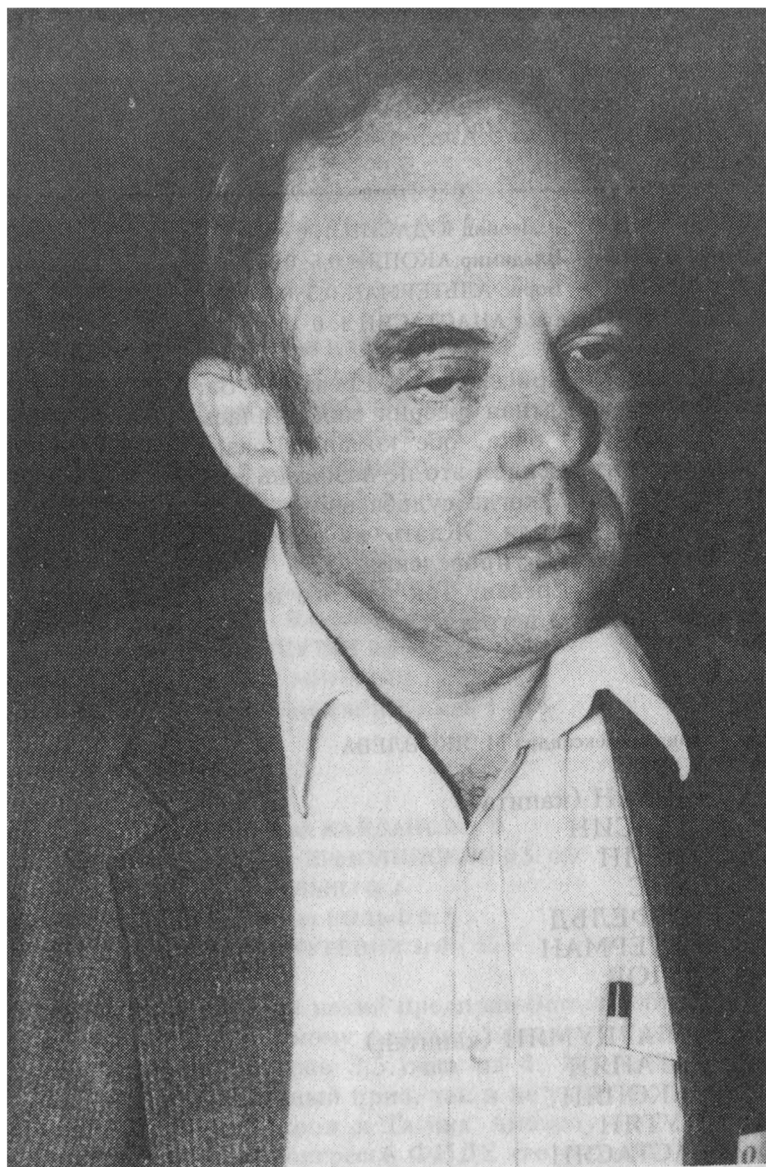
А мы будем ждать, когда судьба вновь сведет в поединке сборные Армении и Израиля. Ждать не так уж долго — конгресс ФИДЕ избрал местом проведения 32-й Всемирной шахматной олимпиады /1996/ Ереван. Так что обе команды наверняка увидятся. А может быть, и встретятся.

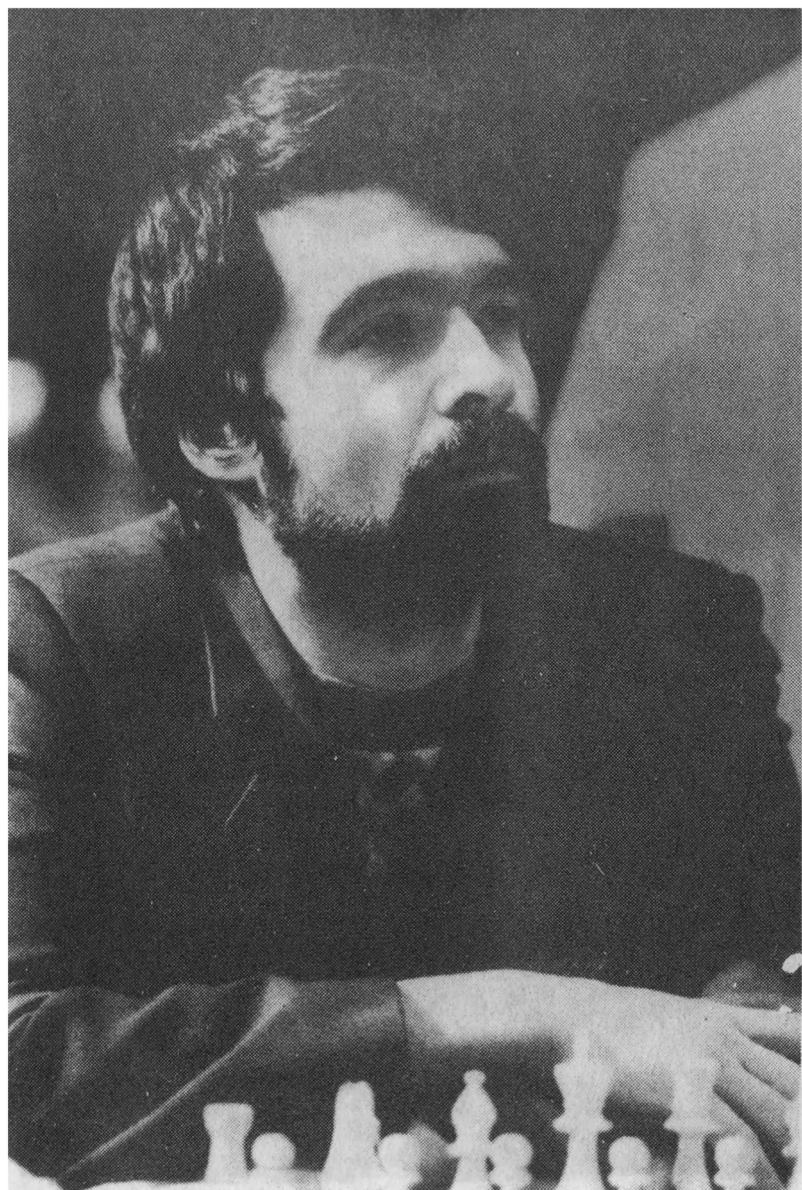
Вардван ВАРЖАПЕТЯН

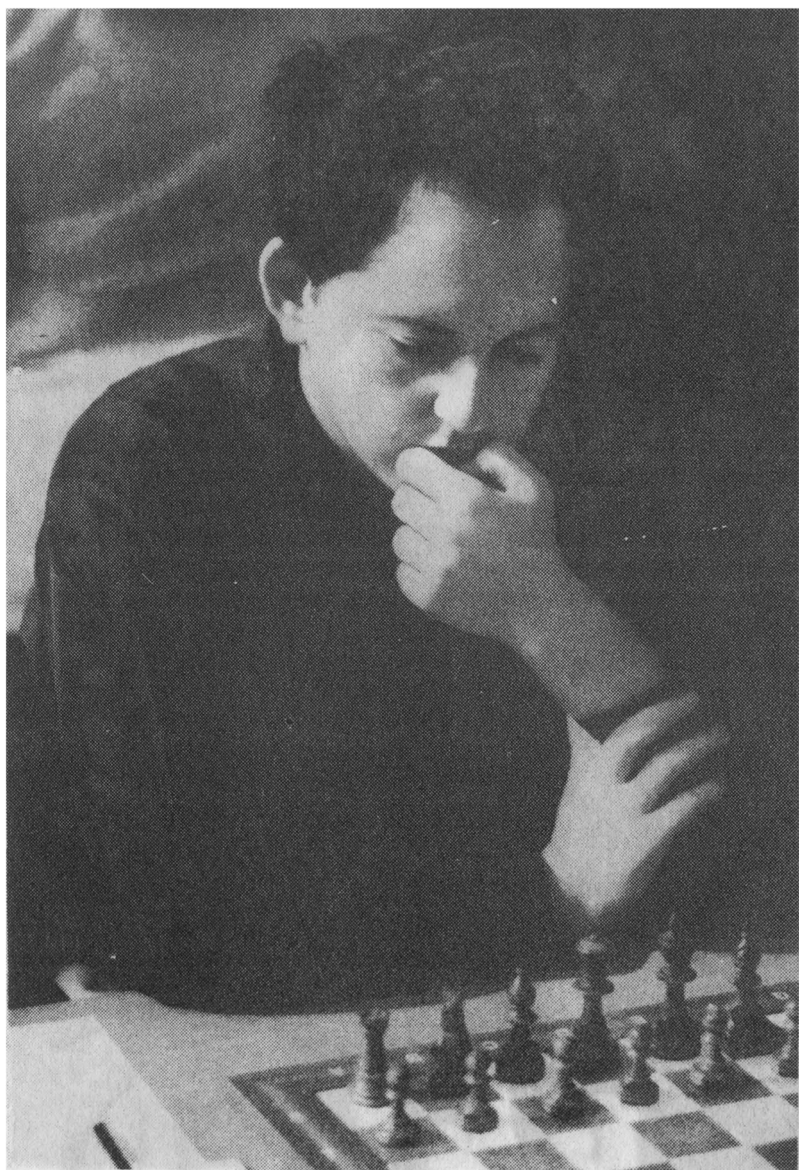
На фотографиях Александра М. ЯКОВЛЕВА:

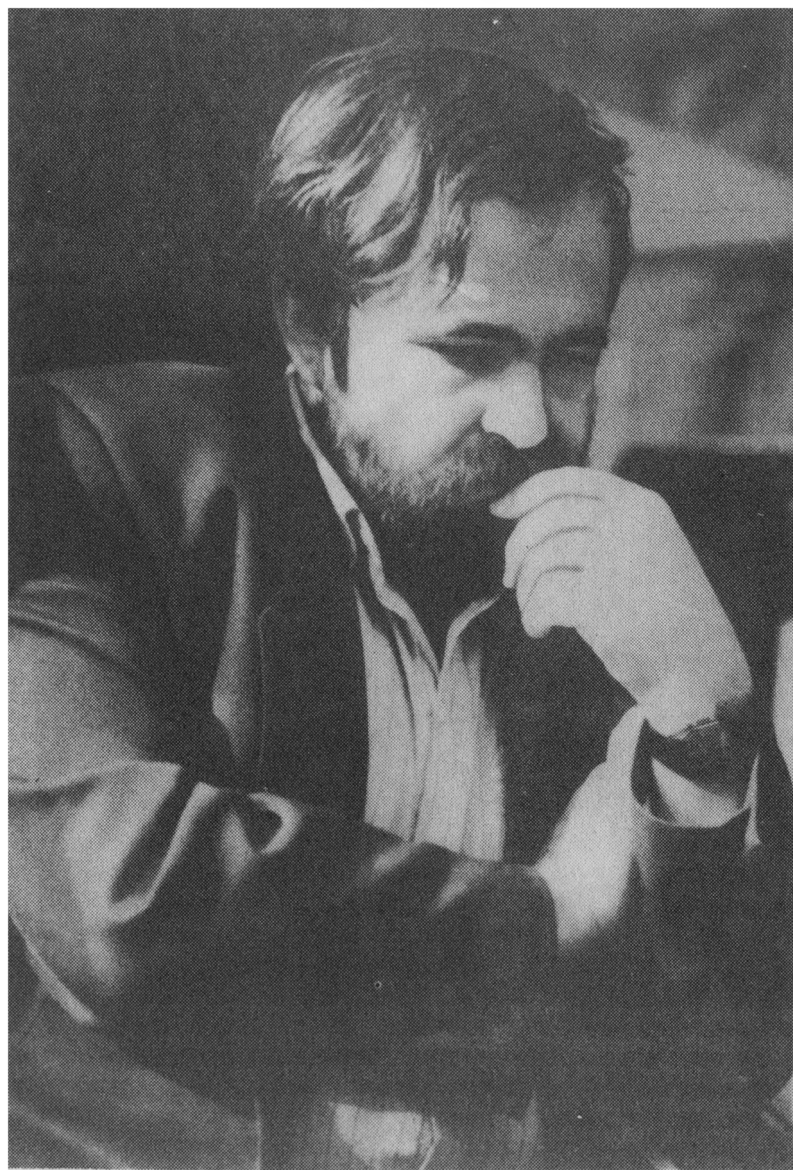
Яша БЛЕЙМАН (капитан)
Леонид ЮДАСИН
Илья СМИРИН
Лев ПСАХИС
Алон ГРИНФЕЛЬД
Борис АЛЬТЕРМАН
Вадим МИЛОВ

Армен АМБАРЦУМЯН (капитан)
Рафаэл ВАГАНЯН
Владимр АКОПЯН
Смбат ЛПУТЯН
Ашот АНАСТАСЯН
Арташес МИНАСЯН
Арсен ЕГИАЗАРЯН

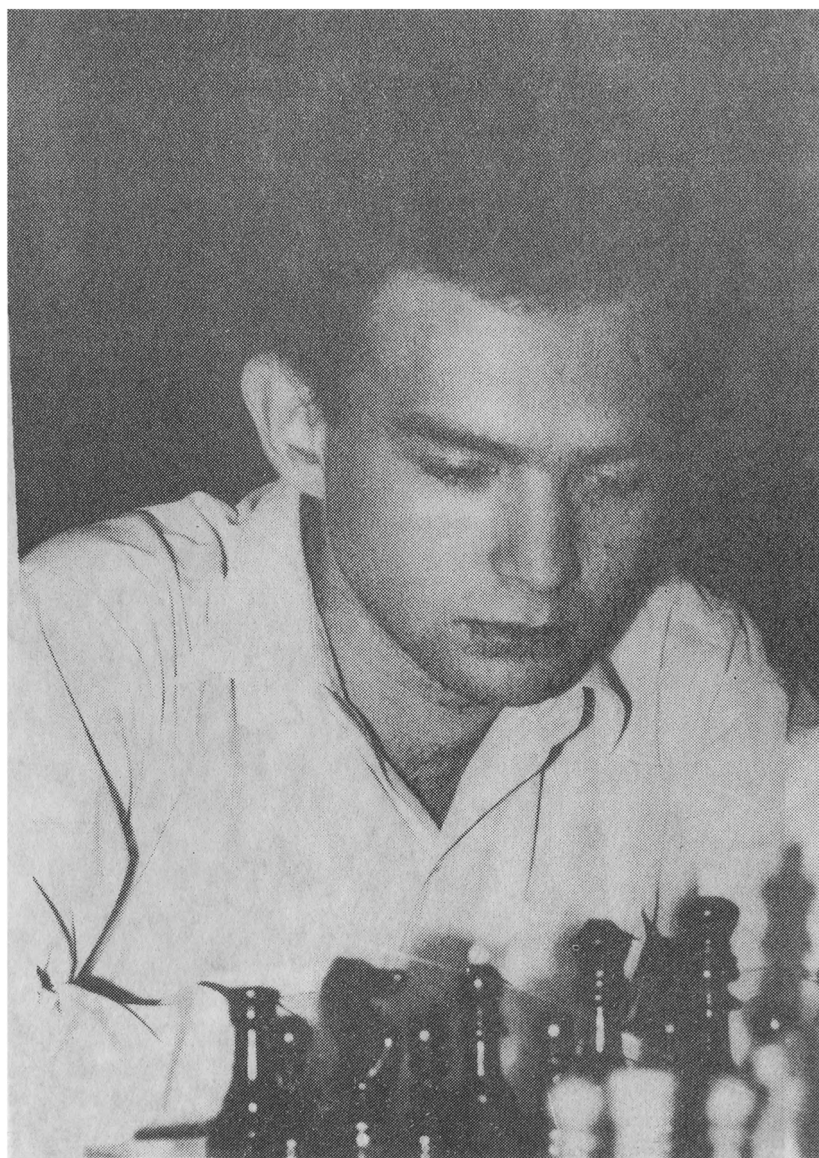

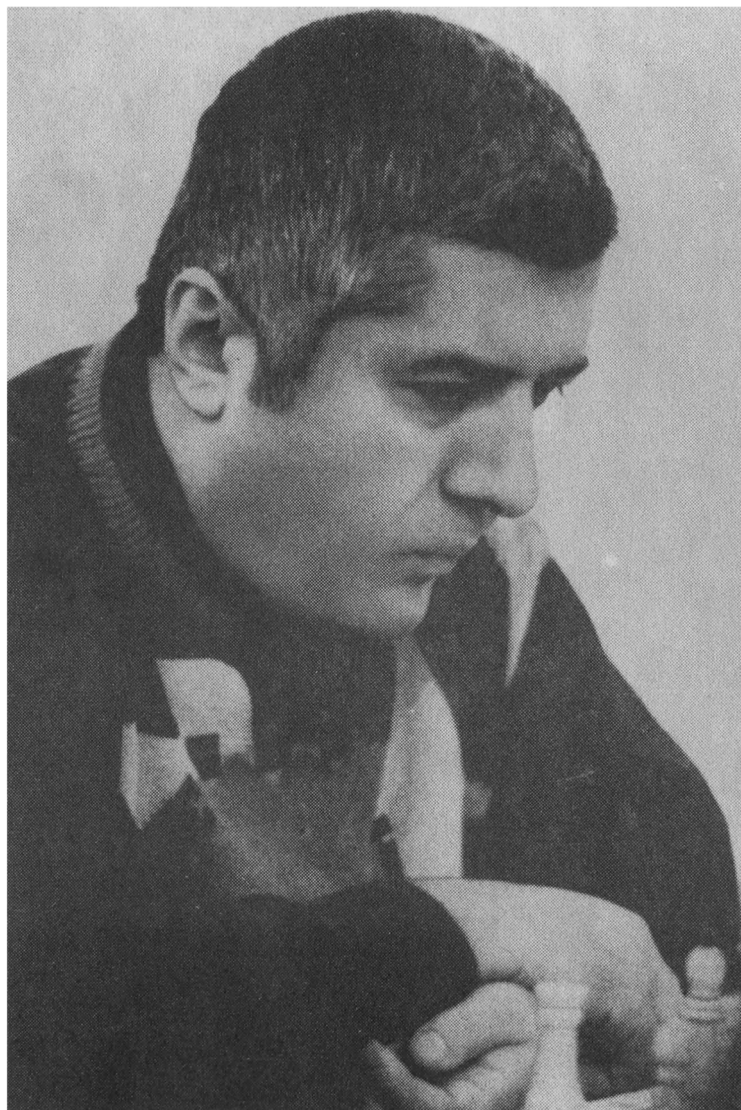

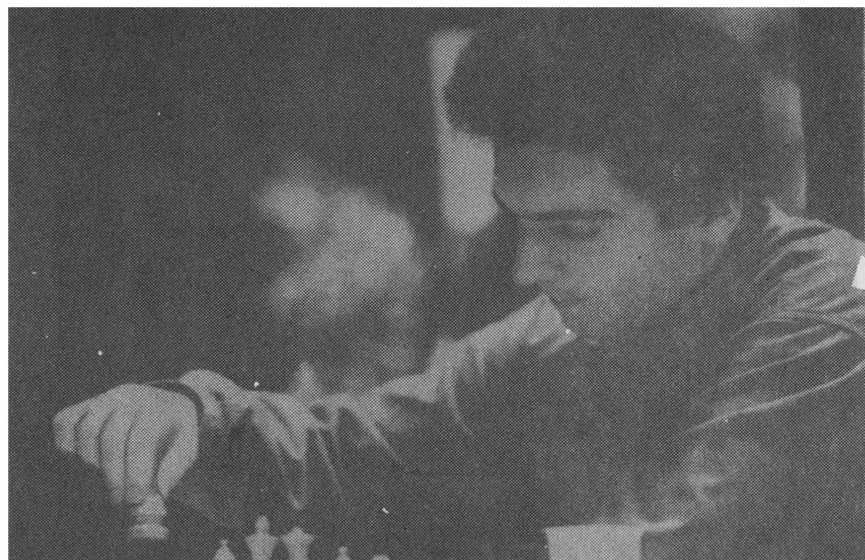

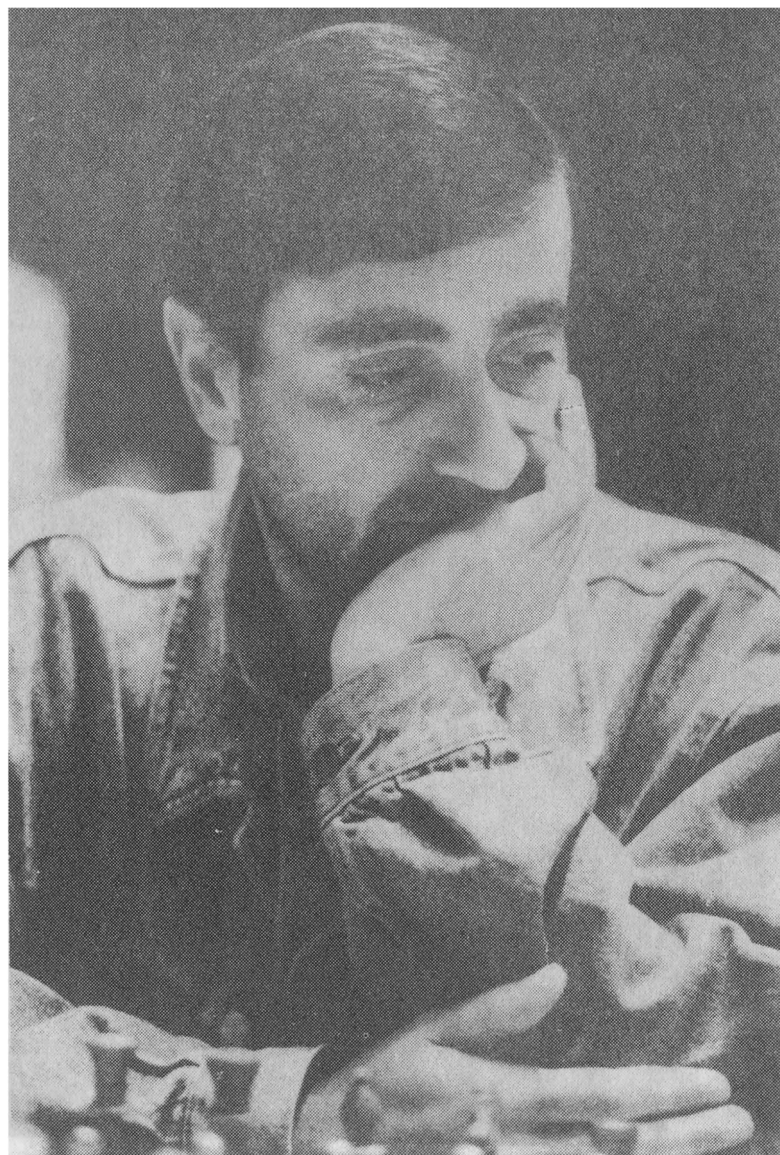

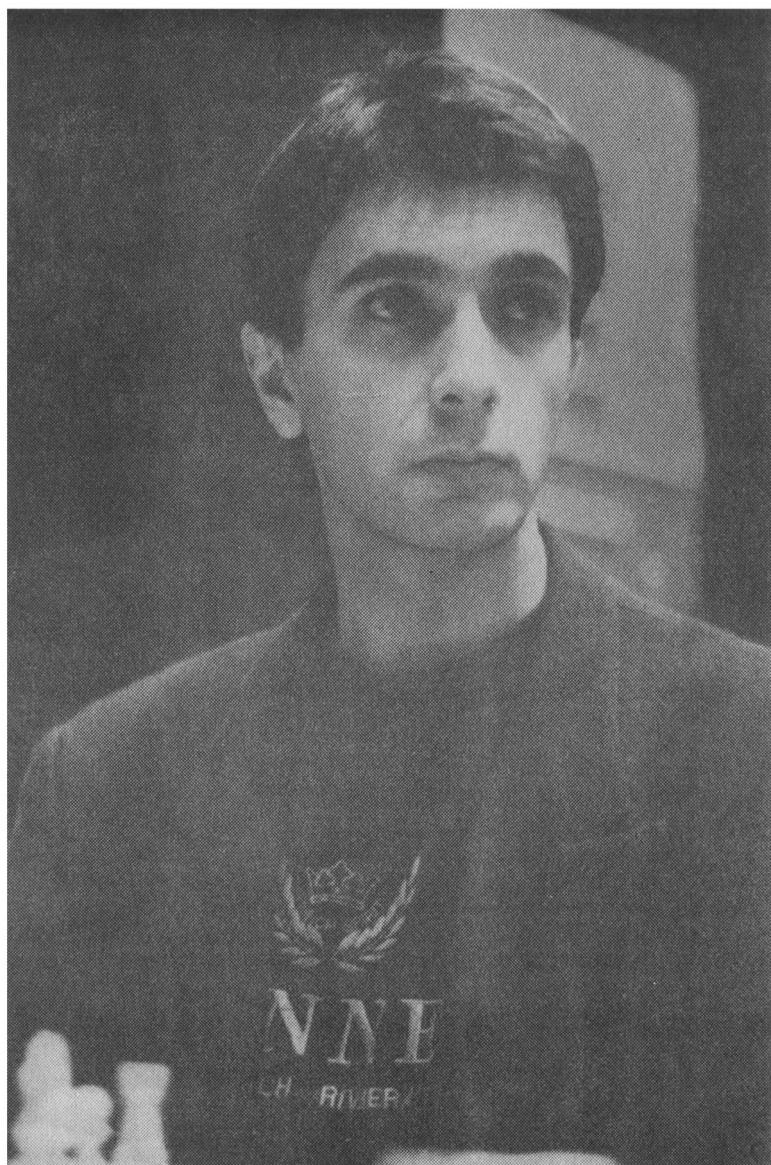

ARMENIA 2

ISRAEL 2

M14071 Vaganian – Yudasin

[A35.01.05]

1. ♭3 c5 2. c4 ♭c6 3. ♭c3 ♭d4 4. g3 ♭f3
 5. e♭3 b6 6. d4 cd4 7. ♯d4 ♯b7 8. ♯g2 ♭f6
 9. 0-0 c6 10. ♭e4 ♭e4 11. f♭4 f6 12. ♯d1
 ♯c5 13. ♯h5 g6 14. ♯h6 ♯f7 15. ♯d1
 ♯c6 16. ♯e3 ♯f8 17. ♯f4 c5 18. ♯f3 ♯e7
 19. ♯c5-bc5 20. ♯d3 ♯ab8 21. b3 ♯hd8
 22. ♯ad1 d6 23. ♯e3 ♯b6 24. ♯d2 ♯b7
 25. h4 ♯g7 26. ♯h2 ♯a8 27. a3 ♯c6 28. f3
 ♯b7 29. ♯h3 ♯h8 30. ♯a5 ♯f8 31. ♯d2
 ♯d8 32. h5 ♯g7 33. h6 ♯f8 34. b4 cb4
 35. ab4 ♯c4 36. ♯d6 ♯d4 37. ♯d4 ♯d4
 38. ♯e1 ♯c7 39. ♯c1 ♯d6 40. ♯c3 ♯a6
 41. ♯c5 ♯e8 42. ♯d6 ♯d6 43. ♯c7 ♯d2
 44. ♯g1 ♯d4 45. ♯f2 ♯d2 46. ♯e1 ♯e2
 47. ♯d1 ♯h2 48. ♯d7 ♯d8 49. ♯a7 ♯e2
 50. ♯c1 ♯f3 51. ♯c6 f5 52. b5 ♯e4
 53. ♯h7 ♯c6 54. bc6 f4 55. g♭4 e♭4 56. ♯d1
 f3 57. ♯e1 g5 58. ♯d7 ♯c8 59. h7 g4
 60. ♯g7-g3 61. ♯g8 ♯c7 62. h8 ♯ 1-0

M14072 Smirin – Akopian

[C42.13.16]

1.e4 e5 2.♖f3 ♗f6 3.♗e5 d6 4.♗f3
 ♗c4 5.d4 d5 6.♙d3 ♙d6 7.0-0-0 8.c4
 c6 9.♞e1 ♙f5 10.♗c3 ♗c3 11.bc3
 ♙d3 12.♞d3 ♗d7 13.♙g5 ♞c7
 14.♙e7 ♗b6 15.♙d6 1/2

M14073 Lputian – Alterman

[A45.07.05]

1.d4 ♗f6 2.♙g5 c5 3.d5 g6 4.♗c3 ♙g7
 5.e4 h6 6.♙d2 d6 7.h3 0-0 8.♗f3 e6
 9.♙e2 ed5 10.ed5 ♙f5 11.♞c1 g5

12.h4 g4 13.♗h2 h5 14.♙h6 ♙g6
 15.♙g7 ♞g7 16.♗f1 ♗bd7 17.♗g3
 ♞e8 18.♞d2 a6 19.0-0-0 b5 20.♙d3
 ♞e5 21.f4 gf3 22.gf3 b4 23.♗ce2 ♞a5
 24.♞b1 c4 25.♙g6 c3 26.♞d4 fg6
 27.♗f4 ♗c5 28.♞hg1 ♞f7 29.♗g6
 ♞d5 30.♞e3 ♞e8 31.♗h8 ♞h8 32.♞d5
 b3 33.ab3 ♗d5 34.♞g5 ♗b4 35.♞f5
 ♞e7 36.♞e1 ♞d8 37.♞f6 ♞c7 38.♞c3
 [... 51 moves] 1/2

Фред ВАЙТЦКИН (США)

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ

В конце сентября 1990 года мы с чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым шли вдоль широкого Южного Берега острова Марты (близ Массачусетса). Солнечное утро дарило то тепло, то прохладу — в зависимости от океанского бриза, и воздух столь чистый, что остров Номен (в девяти милях к югу) казался совсем рядом. Каспаров чуть ниже среднего роста. Мускулистый, полуголый, он стремительно шел почти у самой кромки воды. И улыбался собственным мыслям.

— На этот раз я его раздавлю! — сказал он.

Пятый матч двух шахматных гигантов должен был начаться через десять дней в Нью-Йорке и закончиться в Лионе, на Рождество. Стратегия Каспарова выглядела довольно простой:

— Я хочу убить его сразу!

За восемь месяцев до приезда на остров Каспарову, сыну еврея и армянки, пришлось бежать из Баку — города, где он родился и вырос, когда там начались армянские погромы. Для Каспарова этот кошмар означал не только потерю дома и места тренировки, но и потерю прошлого, части самого себя. Когда он вернулся в Москву, чувствуя себя, по его словам, “беженцем”, шахматы, казалось, потеряли значение. Эта игра сделала его богатым и знаменитым, была смыслом его жизни двадцать лет, он стал чемпионом мира, но внезапно она перестала его интересовать.

Каспаров очень откровенен, и если он молчит о чем-либо, это только разжигает ваше воображение. В первый год нашего знакомства он не желал говорить о своих последних днях в Баку — отмалчивался, злился, резко менял тему. Но однажды вечером в Нью-Йорке, спустя несколько месяцев после пятого матча с Карповым, он, когда я снова коснулся этой темы, посмотрел на меня с такой болью и отчаянием...

— В конце декабря восемьдесят девятого я готовился выехать в

Баку для тренировок. Но звонки оттуда шли тревожные. Мои тетки и кузины говорили, что мне не следует ехать: отношения между армянами и азербайджанцами очень напряженные, в городе опасно.

Но я уже все решил. Я говорил себе: эти проблемы никогда не затронут меня, там я герой. Плохо. Очень плохо. Иногда, став чемпионом мира, теряешь перспективу, словно обычные заботы тебя не касаются. Теперь, видя свою ограниченность, я поражаюсь.

Я оставил Москву, радуясь, что еду домой, радуясь встрече с друзьями. В прошлом году много времени провел за границей, устал и хотел вернуться в город моего детства. Вероятно, я просто не хотел слышать дурных вестей. А их было немало. Моих родственников выгнали с работы, как большинство армян. Они боялись погрома и решили уехать из Баку. Я им помогал чем мог, содействовал кузине Евгении перевестись в Московский университет. Но это были их проблемы, а не мои. Я не был в Баку в конце восьмидесят восьмого, когда азербайджанцы-фанатики распевали на улицах “смерть армянам”. Я не был там в восьмидесят девятом, когда они разрушили армянскую церковь. Конечно, слышал о зверствах в Сумгаите. Но что значит “слышать” или даже “знать”? Если ты далеко, погром — только слово. Чтобы почувствовать его, его надо пережить. Я просто не мог представить, что соседи могут причинить мне вред. Хотя моя мать армянка, азербайджанцы считали меня другом, гордились моими успехами. Во время матчей они молились за меня. Я — часть этого города, а как он — часть меня.

Впрочем, если уж быть честным, я не очень-то думал о местных проблемах. Накануне отъезда из Москвы меня вовлекли в ожесточенный спор внутри ГМА (гроссмейстерской ассоциации). В декабре участвовал во встречах духовных и политических лидеров, оппозиционных правительству Горбачева. Друзья напоминали мне, что я думаю обо всем, кроме шахмат, а Карпов готовится, не отвлекаясь, пора и мне начать подготовку к матчу.

К северу от Баку есть санаторий, в котором я тренировался с восьмидесятого года. Я снял там несколько комнат. Хотя между визитами могло пройти полгода, моя мебель, книги, одежда всегда были там, где я их оставил. Я знаю каждую кошку, каждую собаку в окрестностях. Сейчас вспоминаю, и санаторий кажется мне раем. Готовясь, я слышу ровный шум волн, чувствую свежесть и дыхание

Каспийского моря, которое подходит к самым зданиям. Воздух благоухает оливами, мандаринами, сосной. Мне там очень легко сосредоточиться. Вечером, когда нужен отдых, я гуляю вдоль пляжа.

Я предполагал, что в Баку проведу первую тренировку, точнее пролог к тренировкам, где намеревался вместе со своей командой выработать стратегию матча. Мы посмотрим партии, сыгранные Карповым за последние два года, увидим, как изменился его стиль за это время, поищем уязвимые места. Обговорим, на каких дебютах надо сосредоточиться в предстоящем матче.

Наконец, собрались в лагере. Как всегда, руководила моя мать. Она очень умна и опытна. Она установит расписание, будет поддерживать дисциплину и наблюдать за всей тренировкой. Александр Шакаров, который живет в Баку, привезет наши компьютеры. Он работает со мной пятнадцать лет. Когда бы мне ни понадобилась партия или вариант дебюта, игранный много лет назад, он быстро находит их в нашей большой библиотеке. Мой друг, Каджар Петросян, тоже бакинец, проследит за деталями, будет поваром и моим партнером на корте. Гроссмейстер Зураб Азмайпарашвили приедет из Грузии, и мы, конечно, сможем обсудить недавние партии Карпова. Но ничего из этого не удалось сделать.

Когда я приехал, Баку был городом страха. Все армяне стремились как можно скорее выбраться из него, хотя, на первый взгляд, такое стремление казалось непонятным — ничего страшного вроде бы не происходило.

В первый же день прибытия в санаторий ко мне приставили для охраны сотрудников милиции — майора и сержанта. Вооруженных. Они сказали, что неплохо бы мне научиться стрелять из пистолета. Обычно на тренировочных сборах я бегаю, плаваю, играю в теннис, но на этот раз я провел немало времени, стреляя по бутылкам с песком. Стрелок я оказался неплохой.

Из Баку поступали плохие новости: власти бессильны, транспорт не работает, газеты, радио и телевидение захвачены националистами, получить достоверную информацию невозможно. Билеты на авиарейсы не продают, самолеты ещё вылетают из Баку, они переполнены, а ехать поездом опасно.

Армяне были в панике. Им казалось, что нечто ужасное сомкнулось вокруг них. Давно уже подпольные фирмы отправляли в

Москву контейнеры с армянским имуществом. Внезапно эти операции прекратились. Армяне боялись, что это прекращение — часть мрачного заговора. Два года назад в Баку жило 240 тысяч армян, но после сумгаитской резни их осталось 40 тысяч, в основном бедняки, которым не на что было уехать, пенсионеры и члены смешанных семей, вроде моей тети, вышедшей замуж за азербайджанца. Эти люди не знали, куда деваться. Как бросить все и бежать?! Люди сходили с ума.

Тринадцатого января девяностого года был чудесный день. Над морем висела радуга. Я никогда не забуду этого. В этот день начался погром. До санатория дошли слухи, что квартиры армян в Баку громят толпы убийц. В это невозможно было поверить. Геноцид? Но ведь сейчас двадцатый век! Мы спрашивали знакомых из милиции и КГБ, они успокаивали: ничего страшного. Московские друзья настаивали, чтобы я немедленно возвращался, но я медлил...

А в Баку творились невероятные ужасы. Бандиты точно знали, где живут армяне, хозяев грабили и убивали. Девушек насиловали и сжигали заживо. Сумгаит повторялся! Женщины предлагали себя на поругание, лишь бы спасти семью. Мужчин, женщин и детей забивали во дворе палками насмерть, а соседи в ужасе глядели. В санаторий пришел один азербайджанец и рассказал мне об армянке, которую изнасиловали и выбросили с восьмого этажа. Это произошло вблизи большой площади, где стояли советские войска и наблюдали. Они видели убийства, но не вмешивались.

Многие азербайджанцы спасали своих соседей от убийц. Другие ничего не делали. Если видишь, что милиция и армия бездействуют при преступлении, как тебе поступать?

Шакаров, мой старый друг, был в отчаянии. Его мать, брат, престарелые дядя и тетя жили в центре города. Единственные армяне в большом доме. Он пытался дозвониться, но связь не работала. Шакаров не сомневался, что родных убили. Весь день он лежал и плакал.

Мы узнали, что бандиты вломились в квартиру моей тети. К счастью, ее с мужем там не было. Они жили с бабушкой в квартире родственницы, жены азербайджанца; на дверях значилась его фамилия, и это их спасло. Но в городе шел погром, и они были в ужасе. Бабушка всю жизнь прожила в Баку, здесь похоронила мужа и не хотела уезжать.

— Пусть они схватят меня, но я не уйду! -- говорила она.

Конечно, я уже решил уехать, но пытался сообразить, как спасти родных и друзей. Я заказал самолет из Москвы. Телефон звонил круглые сутки. Знакомые из Баку умоляли: “Спаси нас, спаси!”

Друзья-азербайджанцы переправляли армян в санаторий. Скоро с нами жило сорок человек. Повсюду спали или плакали. Все были смертельно напуганы. Это было очень опасно для директора санатория. Он, возможно, не допустил бы такого, но у него были свои проблемы. Его сноха была армянкой и он ломал голову, как вызвать сына и его жену из города.

В конце концов мне удалось вывезти бабушку. Я соврал, что мы потом вернемся в Баку. Оказалось, что семье Шакарова чудом удалось спастись: когда убийцы выломали дверь, они увидели в квартире факс и почему-то решили, что здесь живет американский шпион. К счастью, в этот момент подоспели двое моих друзей из КГБ, один из них мгновенно сорентировался в обстановке: “Да, да, это американские шпионы. Мы их разыскиваем”. Так мои друзья спасли семью Шакарова. Переправили ее в надежное место, а потом к нам. А вскоре и им самим пришлось уехать из города.

Самой тревожной стала ночь на пятнадцатое января. Я играл в карты с Каджаром, моим водителем и одним из шахматистов моей команды. Оба наши охранника сидели рядом, наблюдая за игрой. Примерно в половине первого по телефону сообщили, что погромщики направляются сюда. Кто-то донес, что в санатории милиция прячет армян. Но мы делали вид, что ничего не произошло, хотя в ту ночь никто не мог заснуть.

Ночью я спросил майора:

— Если они ворвутся сюда, вы будете стрелять?

Он не ответил.

— Если они придут, вы будете стрелять?

— Знаете, у меня семья. Три дочери, — ответил он тихо, отводя глаза.

— Вы дадите мне свой пистолет? — помедлив, спросил я.

Он тоже ответил не сразу.

— Если сюда придут, вы должны ударить меня по голове. Сделать вид, что отняли у меня оружие.

Не знаю, отдал бы мне он пистолет...

Толпа не добралась до санатория. И вот почему. В северной час-

ти Баку действовала хорошо организованная и вооруженная мафия, контролировавшая торговлю цветами и черной икрой. Неизвестно, почему они не хотели, чтобы в их районе убивали армян. Узнав, что погромщики движутся к нам, мафия выслала навстречу своих боевиков, и толпа попятилась, бежала. Думаю, войска могли сделать то, что сделала мафия, но у них была другая задача.

На следующий день я поехал в город. Я хотел увидеть мою квартиру и, может быть, взять кое-что. Я ехал в одном автомобиле с Каджаром и другом-азербайджанцем, а впереди нас милицейская машина, но наша охрана очень быстро исчезла.

Каджар хотел сперва зайти к себе, но оказалось, в его квартале большинство армянских жилищ разграблено. Моя квартира уцелела, одна из немногих. Возможно, ее защитила очень прочная стальная дверь, хотя было видно, что ее пытались взломать. Я сказал друзьям, что хочу взять кое-что на память. “Зачем? Подожди, когда все будет нормально.” Но я знал, что никогда не вернусь сюда. Я взял фотографии отца и матери, несколько шахматных блокнотов, пару любимых книг, шахматы, призы. Времени было мало — один час. Очень трудный час.

На следующий день, семнадцатого января, за нами прибыл самолет. Мою мать, семью и друзей должен был забрать из санатория автобус. Но я опасался, не случится ли чего по дороге, и поехал заранее — проверить. Возле аэропорта были войска, я видел, что танки выехали на дорогу после того, как я проехал, и преградили путь.

В аэропорту творилось что-то страшное. Каждый, у кого был армянин в семье, пытался отправить их, но все самолеты были переполнены. Сотни армян хотели уехать куда угодно. Никто не знал, что делать. Люди сидели в ангаре и ждали.

Вот и зафрахтованный мною самолет был на земле — маленький, всего на шестьдесят восемь мест. Но команда отказалась лететь. Испугались. Мы добились другой команды. И я убедил их. Вернее, убедили деньги, кучи денег. Теперь осталось дожидаться автобуса.

Я объяснил кэзгэбэшнику аэропорта, что жду автобус с моими родными и друзьями. Не поможет ли он пройти им заслон на дороге? “Нет, это не мое дело”.

К счастью, наш водитель вспомнил, что есть старая разбитая до-

рога в аэропорт, по которой давно уже никто не ездит. Я сразу позвонил в санаторий и посоветовал добираться этим путем. Они приехали около семи часов вечера. Потом каким-то чудом добрались еще девять родственников из Баку на маленьком автобусе. Двое из них были стариками. Эти растерянные испуганные старики больше всего опасались за свою внучку, родившуюся с болезнью Дауна. Всех их привез водитель-азербайджанец, очень мужественный человек. Ведь если бы автобус остановили погромщики, его растерзали бы вместе с пассажирами.

В самолете еще оставались места. Кого взять? Я попросил водителя пойти в ангар и выбрать самых слабых. Мои друзья и родные, более шестидесяти человек, ринулись на шаткую лесенку, предназначенную для команды. Никто не мог ждать обычного трапа. Мы взлетели! Три часа спустя аэропорт Баку был закрыт.

В Москве оказалось холодно. Мы привезли людей в гостиницы, в армянское посольство. Некоторые остановились у меня. Они потеряли не только дома, имущество, — их души были вырваны с корнем. У них отняли прошлое. Тетка Шакарова — та, которую мой друг из КГБ спас от погромщиков, — заболела и умерла через десять дней. Умерла от горя. Нам не разрешили похоронить ее в Москве — не было документов. Да не было, все отняли погромщики. Все-таки я смог получить разрешение похоронить несчастную.

Я пришел к редактору крупной газеты и сказал, что хочу на пресс-конференции рассказать об увиденном. Пришло много журналистов. Но не напечатали почти ничего. Одну маленькую заметку. Тележурналист обещал сделать со мной телепередачу о резне в Баку. Потом отказался: “Извини, Гарри, это невозможно”.

Мне удалось встретиться с Михаилом Горбачевым и несколькими его советниками. Я описал то, что видел, но Горбачев не слушал. Тогда-то я понял, что значит — *глас вопиющего в пустыне*. Понял и то, что власть решила таким чудовищным способом наказать националистов в назидание литовцам и прочим недругам центрального правительства: “Видите, что произошло в Баку? — то же случится с вами, если будете упрямяться!” Сумгант и Баку должны были устроить Прибалтику.

В одном из выступлений я предупредил:

— Сегодня Баку, завтра Вильнюс, послезавтра Москва

Но слушали далеко не все. Многие рассуждали так: “Этот парень шахматист, что он понимает в политике?” Я говорил с западными журналистами, мы смотрели видеофильмы о катастрофе в Баку.

— Гарри, на Западе это не покажут.

— Почему?

— Потому что это — мелочь. Жители южной Калифорнии не интересуются Азербайджаном. Для них это мелочь.

Но эта мелочь изменила мою жизнь. В 1988 году в Баку жили почти четверть миллиона армян. Теперь их там нет. Я видел своими глазами: лицо коммунизма — это лицо смерти. После того как в Баку не осталось армян и защищать было некого, советская армия вошла в город и стала убивать азербайджанцев. Войска заняли город, чтобы спасти коммунистическое правительство. Так было задумано с самого начала: разжечь националистическую истерию и под предлогом наведения порядка сокрушить антикоммунистов, борцов за независимость.

Из-за Баку я решил заняться политикой. Возможно, это ерунда, но что-то я могу сделать. Мои приоритеты изменились. Я увидел, что есть вещи более важные и менее важные. Когда я был в Баку, где убивали людей, шахматы показались чем-то обыденным, а ведь еще недавно в них была суть, средоточие моей жизни.

Когда я стал чемпионом мира, меня часто спрашивали:

— Гарри, не хотите уехать из Баку? Такой маленький город! Провинциальный. Вы должны жить в Москве. Ведь надо бывать в Европе и Америке.

Я отвечал:

— Нет, нет. Здесь мой дом. Уехать из Баку — значит обидеть друзей.

У меня была эта проблема. Ее решила жизнь. Теперь моя жена, моя мать и я живем в Москве. Мне здесь не очень нравится. Я — беженец, богатый беженец, конечно. Посещая Париж, я могу останавливаться в клубе Сент-Джемс, а бывая в Нью-Йорке — в Редженси-отеле. Но родной дом я потерял...

Накануне восьмой партии Каспарову позвонил адвокат-армянин. Он сказал, что старая армянка, дальняя родственница Каспарова, живущая в Нью-Йорке, хочет навестить его в Редженси-отеле.

— Мне хотелось отвлечься от тренировок и встретиться с ней, — сказал Гарри. — Ребенком я слышал чудесные рассказы о богатой родственнице из Америки.

Он с большим волнением рассказал мне об этой женщине и ее семье.

— В юности она жила в Азербайджане, в районе, опустошенном революцией. В восемнадцатом и двадцатом годах там были массовые убийства армян, миллион людей погиб, уцелевшие жили в страхе. В двадцать первом район Нагорного Карабаха, где армяне преобладали, был присоединен к Азербайджанской ССР. Новая рана, нанесенная тамошним армянам. Эта женщина, как все прочие, потеряла родных и стремилась найти место для нормальной жизни. Кое-как ей удалось набрать денег и уехать в США. А два ее брата остались. Старшего, отца четырех детей, объявили в тридцать седьмом врагом народа и арестовали. В лагере он покончил с собой. Оставшийся брат взял всех племянников к себе — трех мальчиков и девочку. Младший из них со временем женился на сестре моей матери, и я слышал о бедствиях этой семьи в основном от него и от тетки. Как бы то ни было, младший брат вырастил детей старшего. Его племянница (старшая из детей, она родилась в двадцать втором, в том самом году, когда ее тетка уехала в Америку), стала в Баку одной из лучших учительниц английского. Я немного учился у нее.

В общем, типичная история. При Хрущеве бывшего “врага народа” посмертно реабилитировали. Дочь уцелевшего брата вышла замуж и родила ребенка с болезнью Дауна. Вскоре она умерла, а муж бросил семью. Ребенка взял дедушка.

Тем временем умер муж учительницы английского. Она уже была пожилой. Конечно, то, что я описываю, не трагедия — во всех семьях люди болеют и стареют, но в этой не везло никому, здесь старились, так и не получив свою долю счастья. Но они утешались тем, что хотя бы одна их родственница избежала горя и бедности.

Несколько раз американка приезжала с подарками, и ее бакинская родня дружно решила, что она очень богата, что у нее чудесный дом и большой сверкающий автомобиль. Блеск ее жизни ослеплял, очаровывал.

В восемьдесят восьмом году ответом на требования армян о воссоединении Нагорного Карабаха с Арменией стала резня в Сумгаи-

те. Для этой несчастной семьи (и для прочих) история повторилась. Началось вытеснение армян из Баку. Их увольняли с работы. Уволили и сестру моей матери — зубного врача.

Бакинские армяне жили в страхе. Чувствовали, понимали, надо бежать из города, но очень трудно бросить родной дом. Судьба оказалась немилосердной к родным “американской дамы” — они остались без дома, без работы, без денег. В числе двухсот тысяч беженцев они оказались в Ереване, сразу после страшного Спитакского землетрясения.

Не зная, что делать, они написали богатой родственнице в Америку — ты можешь помочь нам?

И вот в Нью-Йорке вдруг узнаю, что американка придет ко мне в отель. Мы с мамой обрадовались.

Она пришла в Редженси-отель со своим адвокатом. Ее вид поразил меня — бедно одетая старушка. Она заплакала. Она плакала, потому что ее брату, воспитывающему большого ребенка, негде жить. Сказала, что в трагедии виновата коммунистическая система — зло, которое заставило ее семьдесят лет назад эмигрировать.

Потом адвокат вручил мне пухлый конверт. Там было семь тысяч долларов. Старые банкноты по десять, двадцать долларов.

— Здесь все ее сбережения, — пояснил адвокат.

Я был поражен — семь тысяч долларов за семьдесят лет!

— Мы не можем их взять, — сказал я.

— Но я должна послать деньги, — настаивала женщина.

Я попросил адвоката выйти со мной. “Скажите, есть ли у нее какие-то средства на жизнь?”

— Только пенсия. Но она решила передать все сбережения родным, страдающим в Советском Союзе. Это ее святой долг.

Я быстро переговорил с матерью.

— Знаешь, это святые деньги. Ты не можешь отказаться.

Женщина хотела разделить деньги между всеми родственниками, но большую долю дать брату, чтобы он мог купить домик, место, где можно спокойно жить и умереть.

— Тогда отдайте все деньги ему, а об остальных я позабочусь.

— Нет, пусть каждый что-то получит.

Вот рассказ, показывающий, как вращается колесо истории. Моя родственница бежала от коммунизма. А теперь ей приходится помогать родным после трагедии, вновь организованной коммунистами.

Они потеряли все и должны принять помощь бедной женщины из Нью-Йорка. Но ирония в том, что ее денег действительно хватит, чтобы произвести впечатление в Армении, а ее брат даже сможет купить дом, последний свой приют на этом свете.

Когда репортер газеты “Нью-Йорк Ньюсди” Мэнни Топол прибыл в Лион освещать вторую половину матча КАСПАРОВ — КАРПОВ, он сгорал от нетерпения. Для редакции это было исключительным событием — послать репортера на столь долгое соревнование.

Бросив вещи в номере, Мэнни поспешил во Дворец Конгрессов, где должен был проходить матч, — представиться в пресс-бюро. Тополу было пятьдесят пять лет, полноватый коротышка, он слегка волочил больную ногу. Его одежда, “растрепанные пятидесятые”, отлично шла к симпатичному, слегка озабоченному лицу.

Иностранных журналистов в Лионе оказалось немного. Объяснялось это не только нормальной усталостью от события, длившегося уже несколько месяцев, но надвигавшейся войной в Персидском заливе. Получилось так, что Мэнни стал первым, а может и единственным американским репортером на шахматном матче в Лионе. Кроме “Ньюсди” и “Лос Анджелес Ньюс”, его корреспонденции передавали еще сто пятьдесят газет США — возможность, о которой мечтает любой журналист. Для счастья Мэнни не хватало одного — понимания шахмат. Его прошибал пот при одной мысли самому анализировать каждую партию. В Нью-Йорке под рукой было полно мастеров, которые могли прокомментировать любой ход, любую позицию, но кто объяснит ему здесь суть дебютной новинки Каспарова или смысл хода карповского короля на g2, а не на h1.

Отец Мэнни, Исаак Топол, родился в городке на границе Польши с Россией. Он был заядлым шахматистом, игра была для него самым важным после семьи и религии.

В конце двадцатых здесь прошли еврейские погромы. Убили и отца Исаака, а ему самому удалось достать билет до Палестины, но он отдал его женатому другу, а второй получить было невозможно.

Тогда Исаак решил уйти из Польши пешком. Чтобы прожить, он останавливался там, где можно было сыграть с кем-нибудь в кофеине или парке — ставкой были деньги, еда, ночлег. Он стран-

ствовал из города в город, ночевал у шахматистов, или в амбаре, или просто под деревом. Так он дошел до Чехословакии, проехал на попутных машинах Австрию и Швейцарию, обогнув Германию, и наконец добрался до Страсбурга. С трудом собрал деньги на билет в Аргентину. Большинство его родственников и друзей, оставшихся в Польше, погибли, а он выжил. В Аргентине он тоже зарабатывал на жизнь игрой и мелкой торговлишкой, женился на иммигрантке из Восточной Европы и спустя несколько лет переселился в США.

Они жили в Бруклине. Исаак часто говорил с сыном о шахматах, но шахматы были для Мэнни чем-то сродни местечку и идишу, еврейскому акценту отца, его европейским привычкам.

— Он говорил, но я не слушал его, — корил себя Мэнни Топол сорок лет спустя. — А ведь в его рассказах была философия жизни, но я не слышал его. О, что бы я ни отдал сегодня, лишь бы сыграть одну партию с отцом!

...Маша, Гарри и я шли из их квартирки в соседний избирательный участок, техническое училище, где было сыро и требовался ремонт, как везде в Москве. Люди, стоящие в очереди перед нами, были празднично настроены. Почти все голосовали за Ельцина.

В Нью-Йорке я видел как, Гарри пользовался своей известностью, чтобы пройти без очереди — к примеру, когда нужно было получить визу в испанском посольстве. Но не здесь, не сегодня! Ждать своей очереди в день выборов было для него символично. Когда подошел его черед, он достал паспорт, как все прочие, удостоверяя свою личность, хотя дама из комиссии засмеялась, узнав Каспарова сразу же. Гарри был в этот день очень горд, но также осторожен, словно помнил о проигранных позициях, в которых не победил из-за самоуверенности.

— Двенадцатое июня — исторический день, так как коммунизм проиграл, но демократия еще не выиграла.

Однажды, когда я встретился с Каспаровым в Москве, Гарри задумчиво сказал:

— У меня есть для вас история. О моем отце...

Он почти никогда не говорил об отце, а если я спрашивал, он просто отмалчивался.

— Сюжет классический, — начал он.

О трех друзьях — евреях. Все они жили в Баку, рядом. Давид Заферман, Боб Корш и мой отец — Ким Вайнштейн. Они всегда были вместе. Все трое учились в Бакинском инженерном институте. Когда один решил уехать в Западную Сибирь, двое других последовали за ним. Со временем каждый женился, но они оставались друзьями, ходили в гости друг к другу, говорили о политике. Они ненавидели советскую власть, особенно мой отец — он осуждал систему публично, и из-за этого ему приходилось несколько раз менять работу. Он всем сердцем ненавидел коммунизм. И часто спорил с моим дедушкой. Его принципы чуть не разрушили нашу семью. У матери была возможность продвинуться по службе, если она вступит в партию, но отец ей сказал: "Если станешь коммунисткой, я разведусь с тобой".

В шестьдесят пятом году отец записал в своем дневнике, что через двадцать пять лет в Советском Союзе не будет коммунизма. Друзья решили, что он спятил. — Гарри мотнул головой. — Отец ошибся всего на год.

Он умер в январе семьдесят первого, когда мне было семь лет. В тот год двое друзей принесли цветы на его могилу в день его рождения, потом снова — второго мая, как заведено в нашей стране, потом в следующем январе, в годовщину его смерти. В семьдесят втором году Давид Заферман решил уехать с семьей в Израиль. Перед отъездом он просил Боба приносить на кладбище цветы и за него Боб обещал.

А после геноцида в Баку мы потеряли след друзей. Их словно развеяло ветром. Не только армян. Был и исход евреев. Мы с мамой часто думаем о могилах отца и дедушки. Кто о них позаботится? Они наверно осквернены. В Баку все испоганено.

Несколько дней назад я был у мамы, и один из телохранителей сказал:

— Тут один старикан вас ищет.

Мама почему-то сразу догадалась, что это Боб Корш. И правда, это оказался он.

— Клара, я всегда хотел жить в Баку, но теперь, когда начались погромы и убийства, я стал вычеркивать из записной книжки имена друзей и родных, — сказал он. — В апреле прошлого года я открыл книжку и не нашел ни одного знакомого имени. Все были вычеркнуты. И я тогда понял, что не могу жить в Баку.

— Вы понимаете? — спросил Гарри. — Однажды он открыл книжку, и там не было имен. А потом Боб попросил нас, если мы вернемся в Баку, поставить цветы на могилу Кима — за него и за Давида Зафермана. Но мы никогда не вернемся туда. Это будет первый год без цветов. И первый год без коммунизма.

Мы шли, и Гарри плакал.

*Пер. с английского
Ан. Фридмана*

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

А как он был любим —
От гор до парашета, —
Над Каспием седым,
Под синью минарета!

Теперь лишь дальний гром
Напоминает грохот
На берегу, где ртом
Открытым дышит город.

Теперь там -- Боже мой! —
Теперь там — Боже правый! —
След нефти за кормой,
А на песке — кровавый.

Теперь там больше нет
Ни родичей, ни крова, —
А только ржавый след
Армянского погрома.

Армянской церкви медь —
Как вырванное небо...
И мне б окаменеть,
Как некогда Ниоба.

Джейкоб НЬЮЗНЕР (США)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАЛМУДУ¹

Эта книга приглашает читателя попытаться проникнуть в мир Талмуда. В наши дни люди редко бывают в состоянии предпринять подобную попытку. Они просто не знают, откуда и как начать, да и вообще зачем это делать. Проникнуть в мир Талмуда — непростое дело даже для тех евреев, которые страстно жаждут приобрести то знание, которым некогда владели их предки. Я приглашаю вас присоединиться к сообществу изучающих Талмуд, потому что его изучение всегда происходит коллективно. Талмуд не *читают*, а *изучают*, причем желательно, чтобы в этом участвовал *хавер*, т.е. товарищ по занятиям, и обязательно — учитель. Здесь вашим учителем буду я. В традиционной йешиве Талмуд не декламируют в одиночку. Талмуд — это музыка для хора, его поют, и мелодия передает ритм дискуссии, обмена репликами в споре, т.е. как раз то, что составляет подлинный и неповторимый облик Талмуда.

Талмуд — это собрание религиозных предписаний, мудрых изречений и историй. Они в явном виде сохранили характерный язык и передают особый взгляд на мир, присущий еврейским мудрецам Вавилонии и Земли Израиля в позднеантичный период — I-VII вв. н. э. Однако талмудические предписания, афоризмы и истории, если их рассматривать порознь, не обнаруживают разительных отличий по сравнению с аналогичными литературными формами, созданными в других религиозных общинах. Все дело в том, что они особым образом соединены в одно литературное произведение, отличное от всего, что было создано в мировой литературе. Соотношение отдельных частей Талмуда таково, что образуемое им целое больше, чем просто их сумма. Это целое не только тематически связывает части, но также раскрывает лежащие в их основе принципы и закономерности, обнаруживает внутреннюю связь между далекими элементами. Специфичный для Талмуда метод состоит в скрупулезном и отвлеченном обсуждении сугубо практических и большей частью тривиальных вещей, в ходе которого тщательно

¹ Предисловие к книге известного американского ученого, исследователя иудаизма. Jakob Neusner. Invitation to the Talmud. San Francisco, 1984.

Я благодарю профессора Дж. Ньюзнера и издательство Harper Collins, которые любезно предоставили мне право на перевод и публикацию этого текста. — *Ольга БОРОВАЯ*

формулируются и рассматриваются все возможные аргументы “за” и “против”. Цель обсуждения – понять принципы, лежащие в основе всех вещей. Смысл обсуждения – подвергнуть все предметы строгому анализу. А награда за усилия – знание о том, что все вещи могут иметь и имеют смысл, что реальность упорядочена. Талмуд обещает помочь нам преодолеть хаос, прежнее неразумие и просто привычку.

Талмудическое рассуждение построено как напевный диалог открытых и рационалистических умов, которые объединяет приверженность к здравому смыслу и свободному критическому анализу, а также общая решимость применять здравый смысл к делам повседневной жизни. Иначе говоря, Талмуд представляет собой последовательную попытку опираться на вдумчивый анализ и дисциплинированное мышление при рассмотрении мирских и, как правило, тривиальных и будничных вопросов. Краеугольный камень Талмуда – замкнутый в себе анализ закона и всего, что к нему относится. Впрочем, “краеугольный камень” – неудачная метафора, так как она не передает страстный порыв Талмуда, диалектику его аргументации, гибкость анализа, иначе говоря, его мелодический строй.

Однако неверно думать, будто Талмуд – просто еще один юридический документ, лишь в деталях отличающийся от сводов римского или канонического права. Не думайте, что ваш учитель превозносит Талмуд только на том основании, что это интересный памятник истории практического мышления. Талмуд – свидетельство страстной и живой веры. Это вера в открывшуюся людям волю Бога.

Интересной эту веру делает способность наших мудрецов замечать и в обычном, и в необычном поведении людей события, имеющие отношение к Богу и к данной Богом Торе. Логическое и рациональное рассуждение учителя – не просто риторические упражнения. Это сознательная и настойчивая попытка разглядеть в банальных явлениях фундаментальные принципы открывшейся воли Бога, чтобы направлять и освящать любые конкретные и частные действия повседневной жизни. Таким образом, разум и логика служат средством перенесения Торы – божественного учения – с Небес на землю и, наоборот, средством сакрализации профанного. Они оказываются способом религиозного выражения. В других религиях талмудической эпохи благочестивые люди служили Богу и достигали святости через молитву пожертвование, безбрачие или мученичество. Подобно тому как идея мученичества принципиальна для

понимания ранних христиан и их подражания Христу, точно так же разум и логика принципиальны для понимания еврейских мудрецов и их подражания “нашему учителю” Моисею, — иначе говоря, для понимания классического, т.е. талмудического иудаизма. Как мы узнаем дальше, Бог на Небесах изучает Тору, следуя именно тем законам логики, которыми пользуются мудрецы. Он обучал Торе Моисея точно так же, как мудрец обучает Торе своего ученика. Отсюда понятно, что образ благочестия, подражание Богу и центр святости состоят в использовании разума. При этом речь идет не о философах-чудотейках, а о людях веры в их жизненной ситуации, о святых, чья святость заключается в критическом уме.

Выраженная в Талмуде вера важна не по причине своей рациональности. Сегодняшний интерес к талмудическому иудаизму вряд ли объясняется тем, что в нем видят еще одну разновидность разумного, терпимого и либерального мышления. Я вовсе не хочу изображать наших мудрецов предшественниками добродушных либеральных профессоров, способными говорить с современным человеком по одной причине: все, что они имеют сказать, мы уже слышали, по крайней мере, от здравомыслящих людей. Если бы дело обстояло так, нам вообще незачем было бы слушать мудрецов Талмуда. И тогда я не просил бы вас взять меня в учителя.

Правда, на основании идей реформистского иудаизма Х в. сложилось апологетическое мнение, согласно которому “иудаизм” библейского или талмудического периода уже сказал все, что нам сегодня необходимо услышать, — будь то суждения о политической демократии, экономическом равноправии или об открытом и справедливом обществе. Согласно этому мнению, “иудаизм” хорош тем, что более или менее соответствует лучшим чаяниям нашего времени. Пророческая традиция утверждала примат справедливости и нравственности над “ритуалом”; поэтому люди, жившие в эпоху, неспособную строить жизнь на основании ритуала или вообще им руководствоваться, были рады узнать, что эта их неспособность, а также их социальные устремления имеют почтенный прецедент.

Но если все, что нам могут сообщить пророки и мудрецы, мы уже и так знаем из политической и экономической науки и из социальной философии, которые были созданы в наше время и в “нашем кругу” (чаще всего левыми), то зачем нам вообще слушать древних пророков и мудрецов? Для чего переделывать древних святых по нашему образу? И какой у них может быть нравственный авторитет, если мы сами определяем содержание их вести и при этом искажаем, извращаем или попросту заглашаем их соб-

ственные голоса? Разве это не особо утонченный фетишизм, ставший для нас неким бесчестным ритуалом? Он лжив потому, что в глубине души мы сознаем: мы сделали пророков и мудрецов удобными для себя, хотя это нам самим следовало измениться, чтобы суметь понять, чем они были и что значат сегодня. Те, кто превращают пророков в либеральных демократов и говорят: “Это наши авторитеты”, “Мы всегда были правы,” — подобны плотнику, описанному у Второисаи (Ис 44:13-17). Он сажает кедр, растит его, а затем срубает, часть использует на топливо, а из части вырезает идола; часть употребляет, чтобы изжарить мясо, “а из остатков от того делает бога, идола своего... молится ему и говорит:”Спаси меня, ибо ты бог мой”. Такие люди превращают наших мудрецов в эталон рационального и либерального мышления и говорят: “Это наши предшественники. Здесь нет ничего таинственного, только светлый разум, “справедливость” и “милосердие”, созданные для нашего спокойствия”.

В то же время другие подходят к изучению Талмуда противоположным образом. Они справедливо рассматривают Талмуд как Тору — божественное откровение Израилю, еврейскому народу — и изучают его, потому что это Тора. Все это хорошо, но лишь пока такое изучение не превращается в обычный ритуал. Однако, когда Талмуд изучается в некоторых благочестивых кругах, этот документ перестает предъявлять к ученикам какие-либо требования, потому что становится всего лишь памятником разуму и гению человеческого ума. При этом простое повторение текста оказывается гораздо важнее его содержания. Этому соответствует и процедура изучения текста: ученики читают и переводят несколько строк, а затем переходят к свободному рассуждению вокруг текста; далее читаются и переводятся еще несколько строк, которые используются для очередного гомилетического упражнения. Такой метод чтения Талмуда утверждает его значение как божественного откровения, однако, за исключением отдельных редких случаев, пренебрегает содержанием документа. А это нельзя считать ни чтением, ни изучением Талмуда. Это такое же пренебрежение к документу, как то, которое проявляли к нему еврей-реформисты прошлого века, перетолковывавшие его по собственному образу. Невнимание и равнодушие к тому, на чем настоит сам текст, его изучение как ритуальное действие, а не как творческий акт разума, демонстрируют неуважение к Талмуду, предают и принижают документ, который якобы возвышается этим ритуалом. Изучение как ритуал не есть изучение. Раскачивание из стороны в сторону, пение, бормотание, кивание головой,

пританцовывание, размахивание кулаками, крики, восклицания и прочие ритуальные действия, призванные свидетельствовать о напряженности занятий, в действительности вовсе не обязательно говорят о работе ума, если в центре изучения не стоит смысл Талмуда. Поэтому сегодня новичкам в мире йешивы, которые пытаются проникнуть в Талмуд, не удастся достигнуть даже находящихся совсем рядом ворот во дворец разума, так как они руководствуются ложными мотивами. Я снова и снова настаиваю: мудрецы Талмуда не были ни университетскими профессорами III-IV вв., ни социальными реформаторами, ни либеральными философами-рационалистами с легким религиозным уклоном. Невнятное культовое бормотание их тоже не интересовало. Они были святыми — в эпоху, воспринимавшую святость всерьез. Но, как я уже сказал, они были непохожи на других святых своего времени, чья святость выражалась в аскезе и умерщвлении плоти: они сидели на столбах или жили в пещерах, питались только червями или носили лохмотья. Святость наших мудрецов проявлялась в их умении с помощью тонкой и практической логики анализировать тривиальные и обыденные вещи. Их главным ритуалом было рассуждение. Конечно, как и все остальные, они молились, но специфически “своим” для них было изучение Торы, а молитва оставалась прежде всего делом “других”, т.е. простых людей. Их кумирами были ученые мужи, и потому своих библейских героев начиная с Моисея они сделали учеными мужами. Внимательно читая раввинистические тексты, мы поймем, в чем именно состояла эта ученость, какую религиозную жизнь вели наши мудрецы и как они стремились достигнуть святости посредством рассуждений.

При этом обнаружится любопытная вещь. В целом мы можем следить за этими рассуждениями и даже принимать в них участие. Ведь они строятся не на какой-либо собственной или эзотерической логике. Мудрецы сосредоточены на вещах скрытых, но их дискуссии имеют всецело публичный характер и полностью открыты для нашего участия. Оказывается, способ их мышления не слишком сильно отличается от того, который сформировал наши собственные умы. Важно помнить об этом обстоятельстве. Как уже говорилось, неверно думать, будто способ мышления мудрецов хорош тем, что похож на наш собственный. Существенно другое: поскольку наш способ мышления похож на их, мы в состоянии говорить с ними об их важнейших убеждениях.

Меня поражает и внушает благоговенно незнакомая нам способность мудрецов воспринимать практическое и критическое мышле-

ние как священное. Они могли претендовать на святость в своем качестве ученых мужей, считать религиозно значимым и даже священным то, что современному интеллектуалу представляется сугубо секулярным свойством: умение критически мыслить и логически рассуждать. Тайна талмудического иудаизма — это чуждая и неизвестная нам убежденность в том, что интеллект есть средство достижения святости, а не орудие неверия и десакрализации. Эта убежденность — самая трудная для понимания особенность Талмуда, так как она легко поддается неверному истолкованию или ложному объяснению. Мы без труда принимаем веру в нашу способность ясно мыслить и запоминать. Но не столь очевидны для нас смысл этой веры, ее сущность, влияние на склад религиозного воображения и на формирование религиозной культуры и традиции еврейского народа. Ведь люди, верящие, что, используя свой разум должным образом, они уподобляются Богу, приходят не к философскому, а к теологическому выводу. Они высказывают антропологическое суждение: “Что такое человек, которому вы придаете столь большое значение?” Мы, люди, подобны Богу, потому что мы думаем подобно Богу, а думая подобно Богу, мы становимся такими, какими Он нас создал — по Своему образу и подобию. Эти суждения никак не укладываются ни в какую чисто гуманистическую или чисто секулярную философию. Их звучание нам незнакомо. Они сияют, как странные огни над далеким горизонтом, излучая нерукотворный свет. И вот Талмуд представляет собой религиозный документ, а потому нечто далекое от нашей сегодняшней повседневной жизни, пришедшее из другого мира. Талмуд выражает и утверждает все истинное в иудаизме, и, учитывая вышесказанное, мы вынуждены признать: перед нами нечто неизвестное, что едва ли принадлежит к нашему миру. Правда, Талмуд опирается на логику, которую мы можем проследить и сами использовать. Но если на этом основании вы полагаете, что имеете дело с чем-то вам известным, то, значит, вы ничего не поняли. Если же сказанное мной представляется вам набором общих мест, это значит, что вы еще не уловили истинный характер рассуждения. Я убежден, что обсуждение этой проблемы прояснит историю и характер иудаизма начиная с I в. н.э. Оно предложит ключ и ко всему остальному, в значительной мере позволит понять, что произошло с евреями за последние двести лет, с тех пор как столь многие из них отвергли классические формы еврейской духовности — интеллектуальной и в то же время принадлежащей к другому миру.

Секуляризованные евреи сохранили традиционное убеждение,

согласно которому интеллектуальная жизнь есть наиболее важный способ самовыражения человечества. Однако они утратили связь с мифологическими и религиозными источниками, которые соотносят это убеждение с фундаментальной структурой бытия и наделяют его космическим смыслом и метафизическим величием. Разум оставался для них священным, но у них больше не было веры, которая придавала священному особый смысл отделяя его от профанного. То обстоятельство, что в секулярном мире сохранилось благоговение перед разумом, объясняет прежнюю апологетику талмудизма, библейских пророчеств и вообще всего, что может быть представлено в качестве "иудаизма". Призыв, раздававшийся из религиозного лагеря (хотя и с его периферии, так как апологетам всегда необходимо убедить прежде всего самих себя), сводился к следующему: в нашем, религиозном, мире тоже имеются те ценности, которыми вы столь дорожите в своем безрелигиозном. Те, кто находились за пределами этого лагеря, долгое время либо не обращали внимания на эти призывы, либо отвергали их по вполне понятной причине. Они говорили: у нас уже и так — без всякого мифа, ритуала, веры и тайны — есть то, что вы предлагаете нам вместе с ненужным довеском.

И все-таки еврейская интеллектуальность без еврейской веры оказывается неполноценной. Почему? Лишенный талмудического духа, секулярный разум еврейских интеллектуалов оставался бесформенным и формалистичным, порождая, с одной стороны, гротеск и абсурд, а с другой — бессодержательный формализм. Еврейский интеллектуал, не укорененный в интеллектуальной традиции иудаизма, представлялся противникам пустым человеком, способным лишь произносить умные слова, до блеска отполированным сосудом, скрывающим пустоту. Однако поразительно похожие вещи говорили себе и некоторые из интеллектуалов. Они искали "веру" и "корни" повсюду, кроме того места, где их действительно можно было найти, — кроме той почвы, на которой они все время стояли. Ведь эта почва казалась им слишком каменистой, неподатливой, а то и бесплодной. Такой она действительно была и всегда остается до тех пор, пока человек не овладевает секретом ее возделывания. Вместо прочных убеждений на этой почве пышно расцветает мистицизм, а вместо надежного постоянства — преходящие увлечения. Этим объясняется новая вспышка интереса к традиционному еврейскому образу жизни среди людей, которых нисколько не интересовал традиционный еврейский образ мысли. Горячие "обновленные" евреи (т.е. возвратившиеся) убеждены, что критический разум каким-

го образом угрожает вере. Поэтому возвратившиеся считают, что, продолжая применять разум по-прежнему, они в конце концов вновь утратят веру. Так сказать, начнешь с трезвого размышления, а кончишь свининой. Вероятно, столь страстное восприятие правильно свидетельствует о положении дел в осажденном лагере веры, однако это дурное свидетельство о вере как таковой.

Собственно говоря, дело и не могло обстоять иначе, если враги талмудического мышления изображали его как сухую казуистику, а друзья видели в нем лишь вялые академические рассуждения, всем известные и ни для кого не убедительные. Но где же обитал тот дух, который сначала был утрачен, а теперь оказался столь необходим? Разумеется, в тех самых текстах, которые прежде всего и позволили ему сохраниться. Но и они казались закрытыми, потому что те, кто были в состоянии их открыть, не могли в то время объяснить, чего там следует искать. Они рассказывали (главным образом другим ученым) о значении слов и о разночтениях в рукописях, вероятно — в довольно примитивной форме — об истории и социологии. Но они редко говорили о религии, о той благочестивой и духовной жизни, которая выражалась в самом изучении древних книг. Ведь эти книги некогда были священными книгами; слова — священными словами, произносившимися, как произносятся молитвы; предложения выражали жадное стремление к святости и страстную тягу к Богу. И вот все было сведено к одному лишь синтаксису, к логическому или лингвистическому анализу. Или, как я уже говорил, эти книги были представлены в качестве весьма современных и потому “актуальных” произведений, будто таким образом можно было произвести впечатление на людей, которые стремились выйти за пределы современного и уже осознали пустоту актуальности, когда отсутствуют критерий важности и смысл. Людям, достигшим мудрости, говорили, что и Талмуд тоже богат мудростью, и это была правда.

Однако люди, богатые разумом, жили в нищете, порожденной отсутствием смысла и цели. Сокровища Талмуда оставались для них тайной. В традиционной еврейской жизни современников они могли видеть источник духовности, уверенности, надежды и смысла, которых сами они были лишены. Они даже могли ностальгически вздыхать об утраченной и благословенной традиционной жизни. Но они никогда не сталкивались с конкретными и бескомпромиссными суждениями талмудического иудаизма, с его утверждениями о том, *что* важно в жизни и *что* священо в человеке, а потому эти люди были убеждены, что для современ-

ных евреев священная традиция завершилась.

И они, конечно, были правы: ведь Талмуд, вырванный из мифологического контекста и отделенный от более широких смыслов, позволяющих конструировать реальность и интерпретировать жизнь, стал не более чем традицией. А традиция, понятая как “традиционное”, отождествляется с устаревшим. Однако Талмуд станет живой реальностью, если мы увидим в нем религиозный документ, выражение души и внутреннего мира святых. Ведь последние смыслы не связаны с определенным местом и временем, а однажды найденный путь к священному остается открытым навсегда. На мой взгляд, существует острая потребность не в том, что мы уже имеем, а в том, отсутствие чего осознаем: в мифологическом контексте для нашего бытия и в более широком мире смыслов для нашего личного и индивидуального существования. Их нашли те, кто искали мистический опыт в подавлении разума и в сознательном уклонении от неверия. Талмуд же позволяет обрести их в совершенствовании разума и в критике даже самой веры.

Тайна Талмуда заключается в его способности освящать то единственное, от чего я предлагаю не отказываться: я имею в виду готовность к сомнению, приверженность к критике, а главное — умение вести увлекательную, аргументированную и принципиально не завершующую дискуссию с другими людьми, которые хотят спорить и учиться. Чудо Талмуда — его настойчивая апология разума, причем не как орудия, позволяющего искать Бога, а как средства Ему служить. Я написал эту книгу в надежде распутать тугой узел, в котором сплелись рационализм, религиозность и мифологическое восприятие. Как можно служить Богу, живя разумом? Почему в еврейском образе жизни “учеба” стала святым делом? Как случилось, что религиозная культура еврейского народа нашла более полный способ самовыражения в дискуссии и споре, а не в молитве и аскезе? Почему еврейская традиция утверждает, что Сам Бог изучает Тору, почему эта традиция обретает Его в пафосе дискуссии? Почему священным актом считается совершенствование ума, а не отказ его применять?

Ответ на эти вопросы можно найти лишь в непосредственной встрече с текстом Талмуда. Поэтому моя книга имеет двоякую цель. Во-первых, она предлагает конкретный опыт изучения Талмуда. Во-вторых, пытается разъяснить не его сегодняшнюю актуальность, а суждение талмудической мысли о сегодняшней культуре.

Как же мы проникнем в Талмуд? Очень просто. Текст Талмуда состоит из многочисленных элементов. Поэтому мы будем рассмат-

ривать эти простейшие элементы один за другим. Таким образом мы увидим, как Талмуд “работает”, т.е. поймем, что сделали авторы текста, чтобы возник тот документ, с которым мы сейчас имеем дело. Объяснить, что именно они сделали, нелегко. Они создали комментарий к тексту, а затем этот комментарий расширили и увеличили.

Исходным текстом, на котором построен Талмуд, стала Мишна — философски-юридический документ, заверченный примерно к 200 г. н.э. Итак, Талмуд соединяет Мишну и еще один текст, расширяющий Мишну, который называется Тосефтой, что значит “дополнения”. Существует два Талмуда, так как один систематический комментарий на Мишну был написан мудрецами Земли Израиля (т.е. Палестины, отсюда названия “Палестинский Талмуд”, или “Талмуд Земли Израиля”, или “Йерушалми” как сокращение от “Иерусалимского Талмуда”), а другой составили мудрецы Вавилонии. “Йерушалми” был завершен примерно к 400 г. н.э., а “Бавли” (или “Вавилонский Талмуд”) — на столетие или два позже. Эта грубая датировка имеет предположительный характер.

Мы возьмем одну главу и проследим ее путь от документа к документу, от Мишны к Тосефте, а затем, как уже件яно, в более позднюю эпоху — к обоим Талмудам.

Я проведу вас по тексту, выделяя минимальные единицы смысла (мы будем называть их предложениями), анализируя их и демонстрируя, как посредством их сочетания строится аргументация. Ведь специфика Талмуда состоит не в констатации фактов. Принципиально неповторимый облик ему придает постоянно продолжающаяся дискуссия, от одного пункта к другому, окончательный результат которой — полностью развернутая аргументация. Для удобства работы я разделю фрагмент Мишны на минимальные элементы, обозначив их последовательно А, Б и т.д. Дальше мы увидим, как редакторы Тосефты и обоих Талмудов, несколько столетий работавшие с текстом Мишны, соединяли эти элементы, составляя из них суждения о фактах, а затем и смысловые конструкции. Рассмотрение отрывка из Мишны, а за ним фрагментов из Талмудов позволит нам проследить путь, который проделали ученые: одни — вычленили факты и идеи, другие — соединяя эти факты и идеи в более крупные конструкции, и, наконец, третьи — пытались гармонизировать результаты и создать единую целостную картину.

По моему мнению, проникнуть в книгу — значит увидеть, как она “работает”. Но для этого необходимо сначала разобрать ее на части, а потом снова собрать. В детстве, помню, меня очень интере-

совало, как устроены разные вещи. Правда, их всегда было легче разобрать, чем собрать и заставить снова работать. Но главным всегда было и остается жадное стремление понять. Я убежден, что перед нами одно из величайших достижений человеческой мысли, документ столь изощренный, насыщенный и богатый смыслами, что более пятнадцати веков он занимал умы блестящих исследователей. Конечно, многие из обсуждаемых в Талмуде тем больше не представляют интереса для повседневной жизни. Однако характерные для него способ мышления, строгость аргументации, умение с одинаковой ясностью ставить чисто логические вопросы и прикладные, практические задачи, — все это представляет собой замечательное интеллектуальное достижение.

Итак, вам может быть интересно заняться этим странным и чужим для вас текстом не просто для того, чтобы нечто узнать о древних памятниках письменности, и даже не для того, чтобы изучить “иудаизм”. На самом деле речь идет вообще о другом. Этот документ заслуживает изучения потому, что он представляет собой образец работы разума, пример того, как в свою эпоху и для своих целей великие умы искали порядок в хаосе, занимались классификацией и таким образом осмыслили мир. Подобно тому как зоологи наблюдали, что принципы классификации Линнея действуют и в Новой Гвинее, где люди ничего не знают о биологии и незнакомы с дарвинизмом, — точно так же и мы увидим, как сила человеческого разума повсюду способна управлять миром, объясняя его в соответствии с законами самого этого разума. Итак, пускай Талмуд предстанет перед судом ума и мудрости, хитроумия и проницательности, рациональности и здравого смысла. В наш век немногие документы способны уверенно предстать перед этими судьями. Но Талмуд может. И из него исходит та истина, которую евреи в состоянии предложить миру в качестве иудаизма.

Итак, я приглашаю читателя разделить нашу работу на две части: сначала мы будем подробно и внимательно читать тексты, а затем попытаемся обобщить, но не содержание, а методы и способы мышления и аргументации, которые эти тексты демонстрируют.

Вторая часть работы, связанной с проникновением в Талмуд, будет описана в основном в заключительной главе, хотя о многом я упомяну при разборе текста. Я предложу аргументированное теологическое утверждение, основанное на рассмотрении текстов, — утверждение о талмудическом способе мышления. Обращаясь к этой проблеме, я формулирую следующий вопрос: что значит для нас сегодня талмудический способ критического мышления и после-

довательная скептическая аргументация? Мой ответ не будет вчерпывающим, но, по крайней мере, я могу посоветовать желающим, как овладеть некоторыми достижениями Талмуда, а также могу показать, как талмудический метод исследования способен изменить навыки даже современного мышления. На самом деле, ответ содержится в главах, посвященных пристальному чтению, строчка за строчкой, значительного фрагмента талмудической литературы. По существу, в последней главе я просто свел воедино то, что разбросано на предшествующих страницах. Конкретный анализ, сами тексты, тонкости сложной аргументации представляются мне важнее, чем общие рассуждения о теологии Нового времени и культуре: ведь в этих текстах уже содержится все ценное, что мы находим в более поздних отвлеченных построениях. Читатели легко могут выработать собственный ответ на вопрос об актуальности задолго до того, как они узнают мое мнение. Но для этого от них потребуется немалая доля терпения, чтобы вникнуть в скрытые подробности и чуждые законы, в малозначительные на первый взгляд проблемы, которые обсуждают и решают мудрецы Талмуда. Все, что имеет высшее, непреходящее значение, скрыто в мелочах.

Моя книга — традиционное приглашение. Оно занимает скромное место в весьма длинном ряду, который начинается более тысячи лет назад. Понятно, что характер книг, ставящих своей целью познакомить читателя с Талмудом, зависит от того, к кому они обращены. Но пока ни один из авторов не обращался к среднему образованному человеку, еврею или нееврею, стремящемуся узнать, имеет ли Талмуд какое-либо отношение к сегодняшней интеллектуальной жизни, и если да, то какое. В период до формирования современного американского общества трудно вообразить ситуацию, когда бы неевреи интересовались иудаизмом, особенно тем, расцвет которого начался после I в. н.э. С другой стороны, в эпоху до Нового времени так же трудно вообразить еврейскую общину, настолько далекую от классических источников веры Израиля, как еврейская община США. Любопытно, что сегодня с евреем и неевреем можно говорить о подобных вещах на одном языке, заранее представляя себе, *что* им известно, а *что* нет: ведь в этом отношении между ними нет существенной разницы.

В том, что евреи и неевреи обнаруживают одинаковое невежество и безразличие, я вижу преимущество, которое перевешивает все очевидные невыгоды подобного положения. Мудрецам Талмуда было незнакомо “этническое самосознание” (эти слова не имели бы для них никакого смысла), так как они занимались юридическим регулирова-

нием жизни общины, состоявшей из обыкновенных людей, чья повседневная жизнь в ее важнейших проявлениях не слишком отличалась от жизни других общин. Талмуд — не этнический документ. Когда он обсуждает этические вопросы, то говорит о том, как “должны поступать люди”, а не о том как “должны поступать евреи”. Когда речь идет о социальных конфликтах, то обычно подразумевается, что все его участники — обыкновенные люди (разумеется, евреи), чьи притязания на корову или дерево должны рассматриваться на основании правовых норм, которые повсюду действительны и неизменно верны. Для Талмуда важны прежде всего просто люди, а не исключительно евреи, хотя, конечно, вопросы о милости Бога и о служении Ему ставятся и решаются в учениях Торы (божественного откровения народу Израиля) и хотя мудрецы прекрасно знают, что одни люди — евреи, а другие нет.

Просто обсуждаемые в Талмуде проблемы вовсе не имеют этнического характера. Его способы мышления и аргументации неизменно рациональны и логичны, и потому полезны для любого человека или группы, а не только для одной общины, выделенной божественным откровением. Талмуд не пользуется особым языком, эзотерической или какой-либо изоцированной логикой, собственным, специфически “еврейским” методом рассуждения. Поэтому лучше всего и с наибольшей для себя пользой воспримет Талмуд общество со слабо выраженной культурной и этнической дифференциацией: ведь он говорит в первую очередь о том, что у всех людей общее.

В XII в. Маймонид предложил способ систематического изучения Талмуда в противовес чисто эпизодическому. Новейший период изучения Талмуда, начавшийся в XIX в., поставил совершенно иные вопросы, которые породила современная филология, текстология, открытие письменных свидетельств, позволяющих восстановить точный вид документа, критический подход к историческим вопросам, а также прояснение смысла отдельных пассажей благодаря сравнительному изучению греческой и других культур, близких к еврейской.

До сих пор никто не осознавал необходимости описать литературные и логические особенности самого текста. Всякий, кто интересовался введением в Талмуд, был уже знаком со значительной частью этого документа. А тот, кто его еще не изучал, вряд ли заинтересовался бы введением. Как я уже говорил, сегодня мы оказались в другой ситуации. Поэтому я и решил сделать то, в чем раньше не было потребности.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА И СУДЬБА ЕВРЕЕВ В АРАВИИ

Существует множество гипотез о появлении евреев и распространении иудаизма на Аравийском полуострове. Некоторые ученые считают, что евреи пришли в Аравию ещё во времена царя Соломона (X в. до н. э.), другие высказывают предположение, что интенсивное заселение евреями Аравийского полуострова началось при упоминаемом в Библии последнем царе халдейской династии в Вавилоне — Набоните (555-538г.г.до н. э.), царство которого было завоевано Киром персидским в 538 г. до н.э. Однако это лишь гипотезы, серьезного фактографического подтверждения не имеющие. Высказывалось также предположение, что иудейские общины в Древней Аравии создавались не этническими евреями, а принявшими иудаизм аборигенами и впоследствии пополнились за счет беженцев, покинувших Иудею после поражения антиримских восстаний в 70 и 135 гг. н.э.

К концу эпохи Второго Храма (I в. н.э.) еврейские поселенцы уже жили общинами в Северной и Центральной Аравии. Эта область не была столь благодатной, как юг полуострова, но и она состояла не только из аравийской степи. Здесь были оазисы, благоприятные для поливного земледелия и выращивания овощей и фруктов, особенно фиников. В этих оазисах процветали и ремесла.

Ко времени рождения Мухаммада (ок.570 г.) евреев в Аравии насчитывалось довольно много, они были хорошо адаптированы в её жизнь и культуру, говорили на арабском языке с примесью еврейской лексики. Евреи, как и арабы, были организованы в кланы и племена, образовывали племенные союзы, принимали участие в арабских межплеменных войнах и усвоили систему ценностей окружавшего их арабского социума. В поэмах доисламского еврейского поэта ас-Самавала ибн Адийв, сочинявшего свои касиды в соответствии с арабской доисламской поэтической традицией, мы встречаем то же прославление "муруввы" (мужской доблести и других достоинств), что и в стихах его арабских современников.

Однако, несмотря на высокую степень ассимиляции в арабское общество, евреи считались особой общностью, в которой присущи культово-религиозные и бытовые особенности. Доисламские арабские поэты упоминают еврейскую религиозную практику, а в Коране упоминается шабат, кашрут и Тора, неоднократно говорится и о диетологических предписаниях иудаизма. Язык повседневного общения евреев с примесью древнееврейского и арамейского казался арабам одним из племенных диалектов.

Плодородная долина Ясриба была заселена еврейскими земледельцами задолго до Мухаммада, ещё в первых веках нашей эры. Арабизированное арамейское имя "Медина" (место) вероятно было дано евреям, хотя исламская традиция трактует его как "Мединат ан-Наби (Город Пророка)", однако современные ученые это объяснение отвергают. Евреи составляли в долине Ясриба большую часть населения и были организованы в племена, наиболее крупными из которых были надир, курайза, кайнука. В Медине жили также две большие конфедерации арабов-язычников — аус и хазрадж, мигрировавшие сюда в V веке из Южной Аравии. Между этими конфедерациями шла долгая борьба за господство в городе, в которой надир и курайза приняли сторону ауситов, а кайнука — хазраджитов. Обе стороны были истощены этой борьбой, что, возможно, и побуждало их впоследствии пригласить Мухаммада в Медину.

То там, то здесь в Аравии появлялись иудейские и христианские миссионеры, проповедовавшие свои конфессии. Кроме того, согласно источникам, на полуострове весьма активно действовали арабские проповедники, так называемые ханифы, не связанные четко ни с иудаизмом, ни с христианством, но излагавшие некую примитивную обобщенную версию монотеизма и часто претендовавшие на роль пророков. Они рассказывали о Едином Боге, творце неба, земли и всего сущего, который в своей милости открыл человеку его предназначение и в конце времен вознаградит праведников и покарает грешников. Их нравственные предписания в обобщенном виде повторяли библейские заповеди: не убий, не укради, не прелюбодействуй, не угнетай вдов, сирот и чужаков, а также, отражая торговые интересы, призывали к честности в торговле. По-видимому, их проповеди вызвали живой интерес аравитян, которых уже не удовлетворяли несколько окостеневшие к тому времени формы примитивного язычества и политеизма, не отвечавшие вызовам складывавшейся более сложной и утонченной городской культуры. Такова была ситуация в Центральной Аравии — Хид-

казе, когда там во втором десятилетии седьмого века возникла третья монотеистическая религия — ислам.

Основоположник новой религии Мухаммад был уроженцем Мекки, расположенной в центре караванных путей и населенной племенем курейш, державшим в своих руках всю транзитную торговлю Южной Аравии со Средиземным морем. Племенную элиту курейшистов составляло богатое купечество. Экономическая и политическая ситуация в Аравии настоятельно требовали создания какой-то надплеменной, регулирующей все связи, структуры, иначе говоря, общеаравийской государственности. Мухаммад родился в роде хашим — одном из беднейших кланов племени курейш. Он рано осиротел и воспитывался в семье своего дяди Абу Талиба. В детстве будущий пророк пас скот, а повзрослев, стал принимать участие в караванной торговле в качестве погонщика и посещал прилегавшие к Аравийскому полуострову селения Сирии. По-видимому, во время этих странствий он слушал христианских проповедников. Возможно, и некоторые купцы, с которыми встречался Мухаммад, были одновременно религиозными миссионерами, проповедавшими монотеизм. От них он узнал о существовании Книги, или Свитка, наделенного Божественным авторитетом. Эти проповедники часто держали Священное писание в руках, читали его и переводили на ломаный арабский язык. Они проповедовали не догматы веры или теологические проблемы, а главным образом нравственные основы монотеизма, часто облекая свои поучения в форму притч. Так состоялось знакомство Мухаммада с адаптированной версией иудейско-христианской традиции, побудившее его искать свой ответ на вопрос об отношении Единого Бога к пребывавшим во тьме и обреченным на гибель арабам-язычникам.

Подражая монахам-анахоретам Сирии и египетской и аравийской пустынь или праведным ханифам, Мухаммад предавался уединенным медитациям и однажды, согласно традиции, услышал повеление передать арабам слово Аллаха. Как и большинство пророков, Мухаммад изначально не был подготовлен к богоявлению, он сомневался в своей святости, но, как он об этом повествует Коран, после троекратного явления ангела Гавриила уверовал, что ему дается откровение на "чистом арабском языке".

Даже те из современников, кто не становился последователем Мухаммада, а таких на начальном этапе его пророческой деятельности было большинство, признавали его духовную силу и религиозную одаренность, отличавшую его от других, проповедовавших в Аравии, ха-

нифов. Он был красноречив, говорил рифмованной прозой и произносил страстные речи, клянясь явлениями природы, подобно кахинам (языческим заклинателям-предсказателям), получавшим, как считалось в Древней Аравии, вдохновение от джиннов (духов). Однако, когда в проповедях Мухаммада зазвучало радикальное отрицание традиционных языческих верований, они встретили твердую оппозицию мекканцев, которые дорожили положением хранителей главной аравийской святыни — Каабы и боялись с возникновением новой религии утратить свое влияние на полуострове. Мухаммада объявили безумцем, обвиняли во лжи, а проповеди его называли сказками древних, имея в виду иудейско-христианские предания. В конце концов преследуемый мекканцами Мухаммад, вместе со своими ближайшими сподвижниками, вынужден был бежать в 122 году в земельческий Ясриб (Медину). От этого события (*хиджра*) мусульмане начали свое летоисчисление, а бежавшие с Мухаммадом сподвижники стали именоваться *мухаджирами*.

Жители Медины ауситы и хазраджиты приняли Мухаммада как избавителя, способного спасти их от братоубийственных междоусобиц и установить мир. Большинство мединцев обратились в новую религию — ислам (досл. *покорность Аллаху*), таких новообращенных, в отличие от мекканских мухаджиров, стали именовать *ансаррами* (помощниками). Так из разрозненных языческих племен в Медине образовалась единая мусульманская община (*умма*). Евреи не принимали участия в переговорах с Мухаммадом перед его бегством в Медину и отказывались принять новую веру. Они оказались вне вновь образованной религиозной общности, что повлекло за собой разрыв старых связей и утрату той защищенности, которую обеспечивали межплеменные союзы.

Вскоре после прибытия в Медину Мухаммад составил некое соглашение, нечто вроде договора, призванного регулировать отношения различных групп населения Медины. Согласно этому соглашению, евреи признавались членами мединской общины с вытекающими отсюда правами и ответственностью, однако лишь в той мере, в какой правильно их поведение. Туманная формулировка этого документа оставляла Мухаммаду свободу действий и возможность пренебрегать этим договором, что он вскоре и сделал. Именно на этот договор сослался Ясир Арафат в 1994 году в своей угрожающей речи в мечети Иоханнесбурга.

Раздражение, вызванное отказом евреев признать пророческую

миссию Мухаммада, усугублялось открытой критикой иудеями его опровержения, их насмешками над его ошибками в пересказе библейских и талмудических сказаний. Не смягчало негативного отношения к Мухаммаду и включение в ислам элементов иуданстического культа — предписание молиться, обратиться в сторону Иерусалима, позднее измененное на обращение к Мекке, и введение поста, соответствующего посту Иом-Кипура (пост Ашура). Некоторые ученые полагают, что изначально Мухаммад рассчитывал, что евреи — "народ книги", как он именовал иудеев и христиан, тоже войдут в мусульманскую общину. Но евреи упорно держались веры отцов. Назревал неизбежный конфликт. Именно здесь, в Медине, разыгрался первый акт сложной, драматичной, изобилующей трагическими событиями истории отношений евреев и арабов.

Стремясь распространить свою веру, а также нуждаясь в материальных средствах для содержания мухаджиров, Мухаммад начал войну с Меккой, напав на богатый мекканский караван, и в сражении при Бадре в 624 году одержал свою первую победу над мекканцами. Укрепив этой победой свое положение, Мухаммад обратился против "внутренних врагов". Первыми его жертвами стали два языческих поэта — старик и женщина, написавшие на него сатиры. Следующими стали евреи племени кайнука, состоявшего в основном из ремесленников и безоговорочно сдавшегося после короткой осады. Однако положение Мухаммада не было еще достаточно прочным и не давало полной свободы действий. Поэтому ему пришлось удовлетворить просьбу старейшины племени хазрадж Абдаллаха ибн Убайи, именуемого из-за этого в исламской традиции "лицемером", и дать возможность его союзникам кайнукистам уйти в Сирию, забрав с собой кое-какое имущество.

Другие еврейские племена не пришли на помощь кайнукистам отчасти потому, что они были союзниками хазраджитов, а эти племена поддерживали ауситов, и также потому, что, видимо, они трактовали случившееся как обычный для аравийской реальности эпизод межплеменной борьбы. Не насторожило их и убийство вождя племени надир, писавшего поношения, в которых высмеивался ислам — оно также вписывалось в аравийские нормы социальной жизни.

В марте 625 года Мухаммад потерпел поражение в битве около горы Ухуд. К тому же бедуины убили его миссионеров. Мусульманская община испытывала материальные трудности. Нужны были новые победы, и Мухаммад решил напасть на богатое еврейское племя надир,

занимавшее земли Медины. Надириты, как и другие еврейские кланы, не пришли ему на помощь во время сражения при Ухуде, потому что оно пришлось на субботу. Неподатливы они были и при сборе дани. Арабские источники сообщают о таком их ответе на требование дани: "Мы не нуждаемся в Аллахе, это он, по-видимому, нуждается в нас. Мы богаче его!"

Объявив, что он имел откровение о заговоре надиритов, замышлявших якобы его убить, Мухаммад потребовал, чтобы они покинули Медину. Сначала надириты, рассчитывая на помощь племени курейза и их союзника Абдаллаха ибн Убайи, приняли решение сопротивляться, но, не получив помощи, сдались, при условии, что им позволено будет унести все движимое имущество, кроме оружия. Покидая Медину, надириты прошли через город внушительным караваном из 60 верблюдов, под музыку труб и тамбуринов. Еврейские женщины подняли покрывала, демонстрируя свою красоту, оттеняемую множеством украшений. Все это, судя по поэтическим памятникам того времени, произвело на арабов сильное впечатление. Земли племени надир достались мухаджирам и самому Мухаммаду, составив основу его экономической независимости.

На третье большое еврейское племя курайза Мухаммад напал в 627 году под тем предлогом, что курайзиты во время только что окончившейся кратковременной осады Медины мекканцами оставались нейтральными, в его понимании "погрешили в сердце своем" и предали его. Существует версия в мусульманских источниках, будто вождь курайзы заключил договор с Мухаммадом, но это скорее всего позднейшие измышления историков, пытавшихся оправдать жестокую расправу над курайзой. Курайзиты продержались двадцать пять дней, после чего решили сдаться на таких же условиях, как надириты. Многие из ауситов, бывшие союзники курайзитов, просили Мухаммада милостиво обойтись с побежденными. Умелый политик, Мухаммад передал решение их судьбы смертельно раненному (во время осады курайзы) вождю ауситов, который был ревностным мусульманином и, поняв желание Мухаммада, приговорил взрослых мужчин к смерти, а женщин и детей к рабству. Мухаммад объявил этот приговор волей Аллаха. Однако из арабских источников видно, что судьба курайзы была предрешена еще до осады. Мужчины были обезглавлены на центральной площади Медины; только два или три человека спаслись, приняв ислам. По понятиям аравитян, эта жестокая расправа свидетельствовала о силе Мухам-

мада и потому укрепляла его авторитет на полуострове. Медина оказалась полностью в его власти, единичные, оставшиеся в городе и не входившие в большие племена еврейские кланы через некоторое время также были вынуждены покинуть Медину.

Итак, Медина была очищена от евреев. Однако оставалось еще племя надир, сравнительно благополучно переселившееся в оазис Хайбар в начале антиеврейской "кампании" Мухаммада, и евреи, населявшие этот оазис. Мухаммад пригласил на переговоры военачальника хайбаритов, который отправился в Медину с тридцатью соплеменниками, но в дороге на безоружных евреев напали посланные Мухаммадом для их сопровождения мусульмане и всех перебили. Такая тактика, вполне соответствовала принципу, сформулированному Мухаммадом в одном из изречений: "Война — это обман".

В начале 628 года Мухаммад предпринял попытку совершить паломничество в Мекку, но потерпел неудачу, сильно разочаровавшую его сподвижников. Нужны были новые победы, и Мухаммад двинул войско против евреев Хайбара, которые, предвидя опасность, заключили союз с некоторыми бедуинскими племенами. Жители оазиса оказали Мухаммаду яростное сопротивление, отстаивая каждое укрепление. Однако их положение стало безнадежным, когда Мухаммад привлек на свою сторону их союзников-бедуинов. В конце концов осажденные сдались, но на условиях, согласно которым всем жителям Хайбара, кроме племени надир, с которыми Мухаммад жестоко расправился, разрешалось оставаться в оазисе и исповедовать свою веру, а в качестве компенсации они должны были отдавать половину того, что производили (*джизью*). Это соглашение легло в основу всех дальнейших отношений мусульман с иноверцами — евреями, христианами, зороастрийцами, которые таким образом расплачивались за право сохранять веру отцов. Одно из коранических откровений, датированное 630 годом, предписывает сражаться с "народами книги", пока они не уплатят джизью и не смирятся (Коран 9, 29). Это не помешало, однако, халифу Умару (634-644) изгнать из Хиджаза всех иноверцев. Евреи из Хайбара рассеялись по всему Ближнему Востоку, значительная их часть осела в Палестине.

Победа над иудеями укрепила положение Мухаммада. Державшиеся до этого в стороне бедуинские племена теперь примкнули к *уме*. Вскоре в Медину потянулись посланцы со всех концов Аравии, чтобы засвидетельствовать свою приверженность посланнику Аллаха.

В 632 году Мухаммад умер.

КОЭФФИЦИЕНТ ШУЛЬМАНА

Это как раз напротив клиники Склифосовского, как раз на другой стороне, где магазин телевизоров, Там и стою я, голову ветру подставив, и вам объясняю, зачем должен поэт называться собственным именем.

Если, к примеру, некто родился с фамилией ШУЛЬМАН, — расписываться ШУХМИН ему уже ни к чему.

Во-первых, с практической точки. Я говорю ШУХМИН — ко мне обращаются ШУХМАН. Я им ШУХМИН говорю — ШУХМАН они говорят. Я им кричу ШУХМИН — они отвечают ШУХМАН. Так для чего же мне имя своё менять?

А во-вторых, поймите, тот, кто читает книгу, — он ведь меня не видит. И мой псевдоним по носу сверить не может. Никак. Разве что в городе Орша укажут ему фотографию в рекламном большом окошке, где выставлен на обозренье образчик фоторабот.

Надо сказать, что в Орше дедушка мой — фотограф. И вывесил в полном составе нашу семью.

В центре — бабушка Рая. С обеих сторон — дети: Абрамчик, Арончик, Сёма, Додик и мой отец — единственный, кто остался из мальчиков этих живой. Ниже и сбоку — тётки: Софа, Эстер, Рахиль, Лия и, кажется, Фрума — мёртвые через одну.

А после — внуки и внучки, сёстры мои и братья, двоюродные и родные: Яша, Саша, Илюша, Гриша, Аркаша, Андрюша, Ольга, Олег, Владимир... И среди них — я.

Представьте себе монгола, пишущего по-русски, который отображает татаро-монгольское иго под псевдонимом Петров... Или, возьмите, Чехов, что написал про еврея рассказ под названием “Скрипка Ротшильда”. Знаете, да?

И вот — тот рассказ про еврея (мы фантазируем с вами) он поместил бы в печати под псевдонимом Чехович?.. Чехович, Чехзон, Чехновицер, Чехбурд, Чехменштейн, Чехманович... Кратко сказать — Лермонтович... Лермонтович и Пушкинзон.

Нету у нас фамилии смешней, чем фамилия Пушкин. Недаром, чуть что, поминаем: а думать кто будет — Пушкин? А делать кто будет — Пушкин? А отвечать уж тем более он!

Фамилия на обложке — не слово, не звук и не буква. Фамилия на обложке — математический знак.

То, что написано в книге — в поэме, пьесе, в романе, в статье, в дневнике, в заметке и даже в научном труде, — это нужно умножить на то, что стоит на обложке в правом верхнем углу или посередине — на имя и отчество автора.

И на его фамилию.

На папу, представьте, и маму. На дом, в котором живет. В котором родился и вырос.

И как результат умножения получите вы страну, где небо зовётся “лившиц”, облако — “рабинович”. И значит, по синему “гурничу” белый “шапиро” летит.

О ТОМ ЖЕ

У нас в классе было два Шульмана, и мы как-то заспорили, что означает наша фамилия.

Шустрый Алик самостоятельно изучал немецкий язык и сообразил так: *шуде*, — говорит, — школа, а *ман* — человек. И *Шульман* — получается — учёный человек.

Я обрадовался и вечером доложил бабушке. Она прыснула, как девчонка, опровергая Алика.

Дескать, чтоб да, так нет! *Шуде*, действительно, по-немецки школа. А на идише — родном языке наших предков — ещё и храм, синагога.

— А ман? — спросил я.

— А ман правильно — человек.

— Что ж, Шульман, выходит, поп?

— Нет! — фыркнула бабушка. — Всего лишь — церковный служака.

На другой день я снова схватился с Аликом, но был побежден — и доводами, и кулаками.

Шмыгая носом, побитый, приплёлся домой. Бабушка накормила меня, выспросив невзначай, что приключилось. Затем принесла том Пушкина и прочитала вслух “Мою родословную”

*Смеясь жестоко над братом,
Писаки русские толпой
Зовут меня аристократом...
Поди, пожалуй, вздор какой!*

Сразу же, с голоса (что звучит во мне по сей день), я усвоил эти стихи и утром орал на уроке:

*Не торговал мой дед блинами,
 Не вахсил царских сапогов,
 Не пел с придворными дьячками,
 В князя не прыгал из голов...*

Наша рыжая Марья Ивановна в обалдении уставилась на меня. Окна дрожали от моего ора:

*Я — грамотей и стихотворец!
 Я — Пушкин просто! Не Мусин!
 Я небогач, не царедворец!
 Я сам большой! Я мещанин!*

— Какая нация! — сказала Марья Ивановна, отдувая рыжую прядь. — Какая нация — жидки-то наши! В них дьявол сидит...

И Алик захохотал — единственный, кто усек, откуда что.

Потому что Марья Ивановна передавала нам “Историю моей голубятни” — рассказ Исаака Эммануиловича Бабеля.

Как мальчик поступал в гимназию, декламировал на экзамене Пушкина и учитель — из негодующих и румяных московских студентов, — учитель произнес ту самую фразу, что Марья Ивановна повторила.

Потом она возвратилась к стихотворению, с подробностью объяснив, кто именно смеется над собратом, чей дед торговал блинами, чей — наблещивал сапоги, чей — пел с дьячками...

Тут Алик поднялся с места, излагая наш спор насчет фамилии. Кто прав — он или я? Шульман — учёный человек или церковный служка?

— Не знаю. — И Марья Ивановна трянула причёской. — Разберитесь-ка меж собой...

С тех пор минуло много лет. А больше — кануло. Марья Ивановна поседела. Алик сделался крупным учёным — профессором и членкором. А я так и остался — просто Шульман.

Б Р А Т

рассказ

В. Варжапетяну

Уважаемый Вардван Варткесович!

История, которую я Вам посвящаю и в которую хочу посвятить, затеялась (как сейчас прикинул) осенью 1941 года и тянулась, возможно, до весны сорок второго. Такой приблизительно временной промежутком.

Мы жили в маленьком азиатском городе. Попали туда ещё до войны. О причинах судить не берусь. Мама не поделилась со мною, а попытаться я не посмел. Теперь же, Вардван Варткесович, и спрашивать некого.

Родители, как водится, рассорились из-за меня. Мама, к примеру, желала ребенка, а папа, допустим, нет... По косвенным смутным приметам восстанавливаю привходящие обстоятельства. Папу арестовали. К счастью, незадолго до регистрации, накануне свадьбы. И спасая себя (а я уже затеплился в пузичке), мама покинула город Смоленск, очутившись в глухой юго-восточной провинции.

Грянуло 22-е июня. Наступила война. Хлынули эвакуированные... И получилось, что судьба не так чтобы круто обошлась с нами.

Мама служила в госпитале, и кое-что (в смысле кормёжки) перепало мне. Порою начальник лично заезжал на своем фаэтоне, вручая кулёк с гостинцами. Вдобавок, Вардван Варткесович, нас посещал местный Ваш тёзка — Вардик, Вардван.

Скорее всего, побывал на фронте. Форму, по крайней мере, носил. Ту, допотопную. Допогонную. С петлицами. И шаркал по летней пыли, по зимней слякоти в солдатских ботинках с обмотками. Угощал меня пирожками и рыночными конфетами. Неутомимо катал на раме...

Велосипеды и радиоприёмники подлежали изъятию. Радиоаппараты реквизировали вчистую, а “самокаты”, как тогда ещё выражались, удавалось изредка отстоять. Сохранивши “педальный транспорт”, “двухколесного коня”, Вардик числился фельдъегерем при начальнике госпиталя, день-деньской мотался с сумкою на боку, доставляя секретные (сам похвалялся) пакеты.

Вечером приезжал к нам. В костюме и галстукке. В узеньких лаковых штиблетах. С металлическим ярким зажимом на брючине... Случалось, что по утрам отвозил меня в детский сад.

А прежде лежал в госпитале. То ли ранили, то ли сильно болел. И предоставили отсрочку, чтоб долечился, оправился... Но вызывали уже переосвидетельствовать.

Мама работала в канцелярии. Бог весть, в какой должности. Глядишь, оформляла справки, шлёпала печать, таскала на подпись к начальнику... Раненые величали её “сестрицей”. А меня, соответственно, — “сестрицын сын”. Взгромоздившись на табурет, я читал стихи:

*Смоленск, Калуга, Малоярославец!
Какие это русские места!
Ещё был молод Петербург-красавец,
Ещё Москва была полупуста...*

Но представлял (пространственно) весьма слабо, где город Смоленск, занятый немцами, где Москва, куда они подступили, а где мы с мамой и Вардиком... И потом, Вардван Варткесович, я ведь не сомневался, что папа воюет. И мы, стало быть, победим!

К Октябрьской годовщине устроили праздник. Мама принесла спирта. Вардик позаботился о закуске. Мы сидели за накрытым столом, внимая товарищу Сталину. Он выступал с докладом. Честно признаться, я так и не разобрал ни слова.

— За четыре месяца, — невнятно и глухо бубнило радио, — за четыре месяца войны мы потеряли убитыми триста пятьдесят тысяч и пропавшими без вести триста семьдесят восемь тысяч человек. А раненых имеем один миллион двадцать тысяч. — Сталин внушительно помолчал. — За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными больше четырёх с половиной миллионов.

— Всё врёт! — прошипел Вардик. — Я был под Смоленском — всё врёт! Целые полки переходят на немецкую сторону. Тысячи — в окружении, миллионы в плену... Мы даже не хороним убитых... А я не хочу, не хочу!

По детской беспечности, как растущий организм, я налегал на съестное, не слишком вникая в числительные — миллионы, тысячи... Но мама вдруг побледнела, и чёрные её косы стали ещё чернее. Алые губы, ночные сияющие глаза... Так вот о чём шушукуются соседки и отчего украдкой забредает к нам лысый начальник госпиталя!

— Тихо, глупыш, тихо. — И ладошкой прикрыла Вардику рот. — Не бойся, всё будет хорошо... Увидишь, не бойся!

Чтоб успокоить Вашего тёзку (а зачем же еще, Вардван Варткесович?), мама упомянула Ваню, который тоже болтал лишнее, почему она, мама, вдова - не вдова, а я, Ванин сын, — сирота... Не отнимая ладошку, другой рукой мама гладила Вардика, положив курчавую его голову себе на плечо.

— Не бойся! — шептала. — Никуда тебя не отправят...

Но больше мы не встретились. Наверное, медкомиссия (с лысым начальником госпиталя) сочла Вардика “годным”. Мама ходила на

станцию провожать эшелон. И начала вдруг полнеть. Выступили на теле крупные смешные веснушки...

В детском саду мне разъяснили, а на дворе подтвердили, какая. Вардван Варткесович, тут подошла. У меня, дескать, вскорости будет брат. Или сестра. Такие ж, небось, как я...

— Мама, а что значит “выблядыш”?.. Сын бляди?.. А блядь — это кто?

И мама ответила очень коротко: я. Я, сынок... Она, моя мама.

В разгар весны навестила нас грузная восточная женщина — бабушка Вардика. Принесла похоронную. Они с мамой плакали.

Бабушка сказала, что у Вардика нет родителей. Единственный внук. С ним угаснет семья. В ту войну (в первую мировую?) не то что на фронт, — в армию не забрали бы. А нынешние порядки!.. И, как медвица лапой, махнула толстой рукой.

Кряхтя осмотрела маму, точно ощупывая глазами: от жёлтых лицевых впадин до надутого живота...

— Будет мальчик! — определила бабка. — Назовём Вардик Вардван.

Согласно последнему паспорту моя мама — русская. Воронина Серафима Андроновна. На самом деле — Сарра Ароновна. А “вороная” — так будто бы окрестил маму незаконный муж Ваня, когда они любили друг друга в Смоленске.

Но папа Арон, и младший его брат Моисей (“Мовсес”, пробормотала старуха), и Лия с Рахилью, Юдифь, Эсфирь и Ревекка — все возрптали. Утрясая семейный ветхозаветный скандал, молодые обзавелись потомством (мною), не поспевши заключить брак. Папу взяли. И негодую на вековую отсталость, на дремучую фамильную заскорузлость, мама перелетела из Смоленска в Среднюю Азию.

— Что делать! — вздохнула бабка. — Если армянские или еврейские девушки сплошь выйдут за чужаков, евреи с армянами прекратятся. А нам, женщинам, заповедано продолжать род.

— Да, — согласилась мама. — А мон в Смоленске, должно быть, погибли.

Она действительно родила мальчика. И отдала бабке, которая уехала с младенцем на родину.

Так, Вардван Варткесович, лишился я брата (ахпера). Зато обрёл, как Вы уже догадались, велосипед. Счастливый, гонял по городу, просунувши ногу под раму и переваливаясь на педалях.

Нелли КЕОСЕАН (Мексика)

ПЕСНЬ ЛЮБИМОМУ

Ивану, любовной страсти

Ты разъял меня открыл в моем теле рану
 бездонную словно океанская мгла
 пустой безбрежной души.

Твой рот срастается с моим
 а мой рот расщелина где умирает
 и вновь нарождается мироздание
 мое чрево пещера желания
 бочажок где трепещет глубинная вода
 вечная подательница дыхания и пищи
 твой клинок вспарывает меня
 лучем света

наша любовь сияющее в ночи светило
 союз плоти и духа.

Ты овладел мной наделил меня пламенем
 бесконечным наслаждением и силой
 грубо и ласково извлек из моих чресел
 смерть и жизнь.

*

Потому что ты вечное наслаждение и сила.
 В твоей душе жизнь разливается рекой
 которая становится новой рекой
 и ее не выпить

ни океану ни твоему рту ни моему
 ни рту рыбы ни рту тигра
 эти рты выглядывают из темной чресел
 и пожирают нас.

Потому что твое тело не оканчивается в моем
 счастье не оканчивается в нас
 а страсть полыхающая в наших жилах
 напряженной моря выше неба
 а наше бесконечное наслаждение жарче пламени
 а наша любовь превыше людей.

Мое тело не вмещает столько счастья
столько страсти любить
столько мглы столько пустоты и обморока
столько полыхающего в жилах огня.
Радость такая что она ранит
такая что не знаю наслаждение ли это или боль
я ли все это чувствую
жива ли я в моей любви не лучше ли
в полном уме ринуться в смерть.

БЛАГОСЛОВЕННЫ ВСЕ ТЕ,
ЧТО БЕЗ НАСИЛИЯ...

Благословенны все те, что без насилия
пользуются дарами земли, —
рыбаки, которым не надо ни одежды,
ни имени, чтобы познать мир,
дети, играющие с богами и мертвыми,
пеликаны, разбивающие свою слепоту
об одинокие скалы,
и тот, что бодрствует, пока спят другие,
над смутными следами иных времен.
Ибо им принадлежит та сила,
та воля, что присутствует во всем.

ОСТУДА

Если бы я могла вырвать тебя из своей плоти,
как цветок,
как еще не рожденного ребенка,
если бы ты был точкой, тающей в синей дали,
или хворостом, сгорающим на костре,
или запахом смутного воспоминания,
оставшимся на одежде.
Если бы я могла забыть тебя.
Но я любила тебя,
любила, как обезумевшая от жажды лань,
как летящая неведомо куда птица,
которая выводит в небе ломаные линии судьбы, —
я любила, и наши тела извели наслаждение.
Соединенные любовью, мы росли вовнутрь

к свету, который пронизывает цветы
и украшает смерть,
как волшебство, источаемое душой
и наделяющее силой при вторжениях
в незавершенное таинство плоти.
Если бы я могла забыть тебя...
Но ты пронизал собой воздух, которым я дышу,
мои чувства пропитаны твоим дыханием,
бескрайним, как море
или белизна голой стены.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР В САКАТЕКАСЕ

Они входят молчаливые и спокойные...
Входят босыми, веруя, любя,
надеясь извлечь из тела страдание,
развеять глубинный мрак, — одолеть
страшного ангела с огненным копьем,
который стережет сумрак пустынной ночи
(глубочайшую мглу,
окружавшую Бога и служившую ему пропитанием).
Они входят смиренные, страстные,
чтобы очиститься в душе святого
или пресвятой Девы, которая их обживает, —
а возможно — чтобы достичь иной жизни
за пределами источенного их мольбами свода,
сулящего другое небо.
Они входят, стирая пыль предыдущих следов.
Входит горбунья, входит нищий,
входит святая, входит вдова,
входит пьяница и обобранная старуха,
палач и его жертва,
и малыш-газетчик, кропящий свои газеты
холодной святой водой.
Входят — переждать дождь,
а, может, и смерть.

*перевел с испанского
Павел ГРУШКО*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Вы боролись (и правильно!)
за то, чтобы крепкими были границы.

Наши дети будут бороться
за то, чтобы их не стало (и правильно!).

ПРОФЕССИЯ — ПОЭТ

Здесь я хотел бы выразить
признательность
за все, что для меня сделал
неведомый гений, который изобрел колесо,
и тот, кто сделал возможным прочтение
этих стихов в газете, и тот,
кто молча или ругаясь возится
с камнями, досками, словами или безмолвием
ради того, чтобы люди могли жить в мире.

Они во мне, я в них.

Я должен говорить и действовать
подобно им, чтобы другие
в будущем делали все это
так же, как я, и еще лучше.
На этот раз человек — я, теперь моя очередь
крутиться и вертеться до изнеможения,
чтобы добавить в общий мешочик немного слов,
досок или камней — в это самое время,
которое никогда не будет таким.

БЕГСТВО

Свобода,
как часто
бегут от тебя,
когда тебя ищут...

Я ПРОДАМ ВАМ ЗА БЕСЦЕНОК...

Я продам вам за бесценок
 старое перо,
 ничего им не напишешь —
 очень уж старо.
 За столетья исписало
 много-много миль
 (вместе с ним возьмите даром
 стародавний стиль).

ПОКА СТРУИТСЯ ТИХАЯ ВОДА...

В который раз ты от меня уходишь
 невесть куда, незримо оставаясь
 поблизости, похожая на влагу
 прошедшего дождя или на дым
 погасшего костра.

Я не могу
 простить тебе того, что так влюбился,
 что мне желанно быть твоей игрушкой,
 что тела твоего я домогаюсь
 так жадно и так люто ненавижу
 всем телом твое тело.

Я люблю
 не для того, чтоб нежиться в ночи, —
 люблю тебя, чтоб обмирать, дрожать,
 быть жизнью, сотворяющей живое,
 хочу в тебя вместиться каплей крови,
 дождем переплестись с тобой-дождем,
 чтоб стали мы дождем, остались им,
 чтоб стали пламенем костра и влагой,
 которой ты отныне остаешься
 в моих руках,

ушедшая во мрак.

АРМЯНСКИЕ МАТЕРИ

Армянские матери — матери слез,
 армянские дети — скорбящие дети, —
 распятые на горестных тропах столетий,
 распятые в гирляндах невидимых роз, —

те розы крылатые ветер понес
над морем, чтоб их разметать по планете, —
армянские тропы, армянские дети,
по миру летящие легче стрекоз,

чьи крылышки пепельные на рассвете
трепещут, почуяв таинственный ветер,
заряженный горем немолкнувших гроз,

которым внимают на тропах столетий
армянские дети — скорбящие дети,
армянские матери — матери слез.

Ереван, 15 декабря 1976

перевел с испанского Павел ГРУШКО

Эй, армянин!..
Как хитер ты и ловок,
Эй, торговец расчетливый,
Всех норовишь провести!..

До того ты хитер,
Что со дня приземленья ковчега,
Не страшась вековечного снега,
Меж камней араратских
Лозу заставляешь расти...
И пшеницу ты сеешь в долине
И поныне, —
Где нет и в помине
Земли плодородной, —
Лишь камень бесплодный.

Уж куда как расчетлив ты был,
Когда в келье холодной,
В монастырских стенах,
Манускрипты веками писал,
И ценой своей жизни
Те книги спасал,
Когда варвары землю твою распинали...

Уж куда как хитер,
Если веришь ты лживым
Красивым словам,
И беда ль твоя в этом, вина ли,
Что, как малый ребенок,
За друга врага принимаешь,
И за кровных врагов своих
Кровь проливаешь,
И, поддавшись обману,
Свою силу даешь справедливости той,
Что продаст тебя
Поздно иль рано...

Ах ты, хитрый торговец,
Расчетливый, ловкий!
Все пустить на продажу —
Хватило сноровки:

Век за веком торгуешь
И знаешь, как пользу извлечь
Из всего...
Да, о пользе и выгоде речь:
Умудрился ты мудрость свою
За пустяк
Обменять на тупое невежество,
Свет свой — на мрак...

Свой талант продаешь,
Свое сердце и руки,
Получая взамен
Пепелище, руины и муки...
Ты вывозишь мечту о свободе,
Ума озаренье
И взамен получаешь
Пожары, резню, разоренье...

Эй, купец расторопный,
Чего же тебе не хватало?
Места было ли мало
В твоём каменистом раю?
Как случилось,
Что чуть ли не всюду на нашей планете
Развернул ты торговлю свою?
И — пошел торговать!
Поначалу — за веру химеру
Приобрел,
За идею ты догму тупую купил,
А за клятвы пустые,
К примеру, —
Отдал столько и крови, и сил!..

Есть ли выгодней дело, чем это?..
О нет, отвечаю:
Из себя ты напрасно
Страдальца не строй:
Кровь свою проливал ты,
Взамен получая
Благодарности бледной чернила порой.

Есть ли выгодней дело?
Отвечу: не ропщут
Те, что лишь для порядка
Торгуясь с тобой,

Твое качество
Тупо количеством топчут...
Ты же, хитрый и ловкий,
За книги берешься опять
То в согласье, то в споре с судьбой.

Так ты ловок,
Что отдал священный седой Арарат,
Взяв взамен только образ его,
Только изображенье...
До того ты хитер,
Что и тут потерпел поражение...
О бессчетность утрат!

Уж куда как хитер:
Ухитрился на камень нагой
Обменять плодородное поле,
Кому-то в угоду...
И народ оказался почти без земли,
И земля — без народа...
Чем помочь? Как спасти?

Ах, делец армянин,
До чего же ты ловок, хитер, —
Всех сумел провести!

* * *

Мой гордый,
Несчастливый мой народ...

Народ мой — горстка.
Бился он веками
За горсточку земли, за этот камень,
За горстку воли, доброты и света
И по миру рассеян был за это...

Ты, что на берегах всех рек Земли
Тоскуешь по своим родимым рекам,
Которые давно уж не твои...

На склонах, на хребтах всех гор Земли
Ты по родным своим горам тоскуешь,
Которые давно уж не твои...

На землях отдаленных и недалгих

Тоскуешь по земле своей печальной,
Которая давно уж не твоя...

Жестокие законы бытия!
И ты, все это больше не увидев,
Неужто сгинешь вдруг с лица Земли?!

Неужто ты не птица из легенды,
Что только лишь одно рождение знает,
Но так и не узнала тайну смерти, —

Хотя и не одно тысячелетье
Тонула в океане слез и крови?..

О мой народ,
Скиталец, Вечный путник,
Скажи мне, неужели даже Вечность
Имеет сроки?..

* * *

Повелитель я твой — всемогущ и всевластен,
Самодур, самодержец на троне любви...
Ты безропотна, с вечным смиреньем в крови,
Я ж — то грозен, то добр,
То горяч, то бесстрастен.

Каждый миг в подчиненье своем безоглядном
Все ты сделать готова, что я повелю...
То тебя бесконечно и вечно люблю,
То готов оттолкнуть, становясь беспощадным.

Но любовь — это странные игры с судьбой:
То прилив, то отлив, то волна за волною...
Ухожу от тебя — ты стремишься за мною,
Ты захочешь уйти — побегу за тобой.

ДОЖДЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Дожди, листопад... Виденья сквозят
 В бесформенной мгле... Везде на земле
 Дожди, листопад...

Ваан Терьян

"Дожди, листопад...
 Виденья сквозят..."
 Погоди!..
 В детстве моем я запомнил другие дожди.
 Дождь в моем детстве,
 Таком бесконечно далеком,
 Не был таким мелодичным...
 Он наглым потоком
 Нас выгонял из постели в промозглую ночь —
 Этот холодный и всепроникающий дождь.
 Он нас преследовал всюду,
 Сквозь крышу он капал,
 Лился без устали
 В ведра, лохани и на пол...
 Нас он пронизывал,
 Мы до костей вымокали:
 Призрачной музыкой нам он казался едва ли...
 С места на место мы переставляли кровати,
 В адрес дождя отпуская сквозь зубы проклятья.
 Не позабуду я старую нашу лачугу:
 Как мы тазы и кастрюли таскали по кругу,
 И никому до поэзии не было дела
 И до видений,
 Сквозь ливень скользящих несмело.
 Дождь в моем детстве!..
 Ах, как он мне был не по нраву
 В Конде далеком,
 В лачуге кривой и дырявой!
 ...А "листопад и виденья в завесе тумана" —
 Позже узнал я,
 Узнал я из книги Терьяна.

*перевела с армянского
 Елена Николаевская*

ТРИНАДЦАТЬ

ПОЭМА

Requiem aeternam dona eis,

Lux perpetua luceat eis,

**Dies irae, dies illa,
Solvat saeculum in favilla,**

**Tuba, mirum spargens sonum
Per sepulcra regionum,
Coget omnes anta thronum.**

**Liber scriptus proferetur,
In quo totum continetur,
Unde mundus judicetur.**

**Qui Mariam absolvisti,
Et latronem exaudisti,
Mihi quoque spem dedisti."**

1.

Дохнул и высветил косой июнь дождем
горбатое седло солнцеворота.
Полузабытый взгляд, кивок в поборота —
и восковой огарок памяти зажжен
и теплится на алтаре гортани.
Но тучен языка молитвенный жернов,
вступая в хоровод названий
и летаргических имен,
когда всплывают в танец похорон
прямоугольный подневольный сруб
и власть небывшего ещё незримой дланью.
Летучей мышью воскресает знание
когда-то земляничных губ.

2.

Пролей сквозь палец терпкое зеро
глоток воды на восковое слово.

Запекшийся висок сосёт пчела,
и ей не мёд, а яд втекает в жвала.

Непредсказуемо — вчера,
а будущее лишь строки основа.

В чернильнице могил спит человек-перо,
закованный в глухой тюрьме пенала.

Всё сонмище гробов — пчелы сосущей жало.
Усердная игла пронизывает пальцы.

Опока времени портретам изменяться,
что женщина одна о смертном часе знала.

Но длится, длится вышивка крестом.

3.

Она сказала, что печаль
всего на свете долговечней.
И сразу высветился Млечный
в одну скорбящую скрижаль.

А те, кто в будущем найдут
остатки жизни на Планете,
какие заповеди встретят
и что о нас из них поймут?

Что человек-антропофаг
пожрал себя, закрывши вежды,
во имя всех людей, но прежде
“держа революционный шаг”..?

Не злоупотреби надеждой.

4.

Неумолимых сот игольчатый фасет —
 как будто мельница горит
 стоглавый и голодным рыбьим ртом,
 беззвучная, как половодье Стикса, —
 жир жерновов расплавлен в зрелый воск.

В литейный гроб, в оправочный корсет
 лети, спасительный левит,
 в мой грешный свет, в Гоморру и Содом,
 в глаз вездесущий Василиска
 лети, воцаренный порск,

как рифма прост и наг,
 исчадьё, арабеск,
 бочаг, описка.

5.

Фасеточный кулёк. Стежков чередованье.
 Челнок иглы. Торопится Харон.
 Хроническая спешка. Отпеванье.
 Крест вышит — ноль перевезён
 сквозь властный окоём сознанья.
 Жир жерновов, льняной обрат пелён,
 литьё и вышивка, — и приговор пронзён
 бессмысленностью врачеванья.

Неумолимых сот оптические оси —
 безликий монстр, сосущая пчела.
 Ленивый Босх ворсистые колосья
 связал в пронзительную кисть вчера
 и высветил созвездий скорбных гроздьё.

6.

Да, мельница и омут рта, и голос,
 и крыльев перепончатых леток.
 Но девяти кругов неувядаем лотос.

Стигийские чернила — шёлк,
натянутый на решето пространства,
клок ворса, кисть вчера, воды глоток.

Что высмотрел бы через призму пьянства
в пчелиной суете неторопливый Босх,
когда бы не печали постоянство?

У Чёрной Речки дозревает воск.
Морозного дыханья всходит колос,
какая разница, сквозь грудь или висок,

а на устах оттаивает логос.

7.

Черна вода... Не лепет, а полёт,
округлый взмах на воздухе неслышном.

Восстала ласточка слепой летучей мышью
и в тёмный шёлк воткнула эхолот.

Отравлена гранёная строка.
Дурманом слов повелевает случай.
В Ковчег Завета на мышах летучих
вплывает целлулярный сот стиха.

Скрижали вежд протравливает взгляд,
и в сердце стонет та большая птица.

Так Эшер вьёт по шали звукоряд,
что от пчелы безжалостной родится
слепой проворный насекомояд.

8.

Не камень — воск архитектура улья,
услужливой скрижали идеал.

Привязанный молчит на стуле.

Вот вывел на границы парадигмы
 пьяный кат,
 счастливый раб без гнева и печали.

Когда бы не пчела, а ктырь,
 хоть поводырь к харонову причалу,
 а тут живи и оглашай подвал,
 бесплотной ласточки ночную тень зови...

Наощупь ищет нетопырь, ещё бескрылый,
 как в слове 'шаль' печаль и обнаженность,
 нефритовый прозрачный жезл жун.

9.

- А я не сторож брату моему.
- Что он сказал? — продолжил голос отчий.
- Всё бред. Какие-то "пчела и кормчий, воскресшей ласточки бескрылый нетопырь", какие-то "скрижали, звукоряд по шали, огарок памяти, горящий рот и яд, обрат пелён и похорон обряд". Он был безумием объят и принял смерть свою.
- А что ещё уста его сказали?
- "Не злоупотреби надеждой, брат, дурак без гнева и печали, здесь смерть довлеет бытию".

10.

Пронизывает взгляд
 сквозь пальцы горизонта светлый нолик,
 обмылок медленной луны,
 обкатанный жемчужный циферблат.

На око скорбное натянут тёмный плат
 беззвёздной шали.

В сердце птица стонет,
и восковые веки не дрожат.

Но длится вышивка, и путается нить.
И женщины --
одна, чтобы оплакать,
другая, чтобы сохранить
глоток воды и пониманья яд.

11.

В родстве высоком взгляд и царственное слово.
Есть восковое сходство губ и век.
Нить времени петлит у основания вех,
на спицах строк в букварном зреньи зова.

Из лётки рта, торжественный разбег,
тяжёлая струя расплавленного гнева,
которой пламенеет человек!

Но сердце утолит одна лишь скорбь напева,
одна печаль, когда слезой вуали
туманится слепая пустота.

О, чёрный шёлк неосторожной шали,
окаменей летучей мышью рта!

Большая птица плакала в начале.

12.

Я льюсь дождем. В кружении пути
лишь подорожник губ закроет рану:
слепая пустота в моей груди
пульсирует дыханьем океана.

Астральный свет. Из-под Его пера
слились в начало траурную лентой
четыре — си бемоль — ля — до — си — элемента
и пятый — крестик-нолик — детская игра.

Нить времени, я льюсь косым дождём.
Душа освободила паутину тщанья.

Высокая тюрьма существования
лишь подорожник губ, горящий в горле ком
и горечь тишины, но нет прощанья.

13.

Теперь неутолима жажда света.
Дыханье, мельница, игла,
последний взмах крыла, — и флажолета
янтарная расплавлена зола.

Она светла, как тонкой льдинки пенье,
когда литой вибрирующий звук
прозрачной ереси натягивает лук
и верой укрепляет свет сомненья.

Ваятель, парадигма, демиург,
овеществляет в жарком горне зренья
стремления живительную статью.

Отливка кончена, откован светлый плуг
и в злую темь вошёл по рукоять.

* * *

В напоре зренья долины световой
Я позову звучащей тенью,
И выведет опять упрямый голос мой
Рои взрывающих видений.

И смерть моя пройдет, опустошая ад
Непостижимым притяженьем.
Перешагнут раскал глаза, перегорят
В уколы тающего тленья.

О, я отторгну мысль и облик потушу,
Уникну пеной пропаданья,
Пустое зеркало, скрывающийся путь,
Шелк изумленного молчанья.

И возвращение, как белый моря гул, —
Я не окончил состязанья.

* * *

О, темная свобода — смерть!
Лоза в осеннем водоёме,
Литые муравьи в соломе,
Свеченье теневых портьер.

В дыру срывается барьер,
Трещит стеклянное движенье.
Каких обойм освободенье!
Каскад украденных премьер.

Прикалывается пустяк,
И ткань зеркальных напряжений
Раскрыл грохочущий зигзаг

В закадровом землетрясенье,
Переливаясь и вертя,
Кричит бездонное паренье.

* * *

За то, что последнее слово
Ты дал на Земле палачу,
Не надо мне духа святого,
Гнушаюсь и знать не хочу.

За то, что река утекает
И след заливает золой,
Что делать, я даже не знаю,
И нету руки никакой.

Лишь вихри невольных движений,
Да взлёты любимых огней,
Да залпы великих сражений
За жалкие веры людей.

Прости, я напрасно тревожу
Пустоты возвратного дня.
Там жить и не жить невозможно,
Там нет ни Тебя, ни меня.

ЛОЖКА ДЕГТЯ

При диспепсии анализируют желудочный сок — в нем может быть переизбыток кислот, может быть и недостаток.

Странно подумать, что в одну и ту же эпоху, в одной и той же стране существуют Бабель и Сейфуллина, Пастернак и Орешин. Приправы, если угодно специи, диктуются не роскошью, но тем или иным состоянием организма.

Мне приходилось повторять эти тривиальные истины потому, что иные критики, не ознакомившиеся до сих пор с другой пищей, помимо молочной, искренне почитают “ладушки” за единственно допустимую форму творчества. Сколь ни соблазнительны гогот классического недоросля и новомодное сочетание маниловского оптимизма с любовью Собакевича к чужим мозолям, я принужден восстать против подобной канонизации душевного возраста.

Я не хочу работать на фабрике мозговых и сердечных консервов. Я предпочитаю ложку дегтя в бочке меда.

Конечно, скептицизм плохо вяжется с повседневными нуждами общества. Устройство городской канализации не имеет ничего общего с лирическими сомнениями. Жорж Клемансо — исправный циник, однако и он умел произносить речи, полные телячьего благоговения. Все это бесспорно. Но мир искусства территориально находится вне ведения муниципалитетов и комхозов. Пропорциональный рост в литературе различных “приправ” не следует смешивать с находящимся в области социолога общественным упадочничеством. Вместо легких, но поверхностных отгадок лучше задуматься над рядом сложных явлений: над возрастом человечества, над обогащением его внутреннего опыта, утерей свежести восприятий, над требованиями развивающихся и снашивающихся форм.

Мед бродит. Впрочем, я буду говорить сейчас о дегте, то есть о приливе еврейской крови в мировую литературу. Этим вопросом занимаются либо наивные “жидоеды”, трудолюбиво составляя проскрипционные списки, либо столь же наивные патриоты еврейства: “Чем, мол, мы хуже других? Мы заслуживаем своей земли, своего университета, даже своей полиции...” Говорить об этом вне ругани и вне бахвальства не принято. Между тем распыление иудейского духа — по меньшей мере столь же важный фактор для понимания литературы нашего времени, как механическая бодрость “американизма” или тяга на восток.

Книги еврейских писателей, которые пишут на идиш, иногда

доходят до нас. Это книги как книги, нормальная литература, вроде румынской или новогреческой. Там идет хозяйственное обзаведение молодого языка, насаждаются универсальные формы, закрепляется вдоволь шаткий быт, проповедуются не бог весть какие идеи. Может быть, этот язык слишком беспомощен, слишком свеж и наивен для далеко не младенческого народа. Или же концентрация известных, самих по себе живительных свойств неминуемо ведет к смерти? Ведь без соли человеку и дня не прожить, но соль едка, жестка, ее скопление — солончаки, где нет ни птицы, ни былинки, где мыслимы только умелая эксплуатация или угрюмая сухая смерть.

Я не хочу сейчас говорить о солончаках — я хочу говорить о соли, о шепотке соли в супе. Если суп пересолен, вините струю, а не соль.

Критицизм не программа. Это состояние. Народ, фабрикующий истины вот уже третье тысячелетие всяческие истины — религиозные, социальные, философские, фабрикующий их миролюбиво, добросовестно, не покладая рук, истины оптом, истины сериями, этот народ отнюдь не склонен верить в спасительность своих фабрикантов. Что делать, может быть, покойная вдова Клико предпочитала шампанскому ром или липовый чай. Одно дело — изготовлять истины, другое — потреблять их.

Шестьсот лет тому назад поэт ребе Сем Тоб преподнес испанскому королю Педро Жестокому книгу, озаглавленную : “Советы”. Стихи докучливого еврея должны были утешать короля в часы бессонницы. Книга начиналась следующим утешением: “Нет ничего на свете, чтобы вечно росло. Когда луна становится полной, она начинает убывать”. Конечно, трудно утешить короля подобными истинами. Однако Педро Жестокий, будучи светским кастильцем, ответил поэту не менее мудрой пословицей: “Как хорошее вино иногда скрыто в плохой бочке, так из уст иудея порой исходит истина”. Это показывает, что король не дошел до девятой страницы “Советов” — там он прочел бы нечто весьма подозрительное об устах и о вине: “Что лучше? Вино Андалусии или уста, которые жаждут? Глупец! Самое прекрасное вино забывается, а жажда, ничем не утоленная, остается”.

Мир был поделён. На долю евреев выпала жажда. Лучшие виноделы, поставляющие человечеству романтиков, безумцев и юридивых, они сами не особенно-то ценят столь расхвальные ими лозы. Они предпочитают сухие губы и ясную голову.

При виде ребяческого фанатизма, начального благоговения еще не приглядевшихся к жизни племён, усмешка кривит еврейские губы. Что касается глаз, то элегические глаза, классические глаза иудея, съеденные трахомой и фантазией, поднимаются к жидкой лазури. Так рождается “романтическая ирония”. Это не школа и не

мировоззрение. Это самозащита, это вставные когти. Настоящих когтей давно нет, евреи стёрли их, блуждая по всем шоссе мира.

Если сейчас нужны главным образом боксёры и мотоциклисты, то это всё же не отстраняет необходимости кому-нибудь да думать. Теперь в моде хорошие бицепсы и хорошая дисциплина. Говорят, что машина учит подчинению. Винтик должен знать своё дело. (Впрочем, так думали задолго до наших дней отцы церкви и татарские ханы.) Однако чтоб изобрести ту же машину, надо было послушаться, отойти от данных правил, восстать на них. Когда усовершенствование приходит на смену изобретению, начинается эра буколических “олимпиад” и прекрасного единомыслия. Мёд готов. Дёготь же остаётся дёгтем.

Художник Менжицкий, польский еврей, рассказал мне как-то о своём первом учителе. Это был обыкновенный еврей, из тех, что знают в жизни одно — пощипывая чахлую бородку, думать, думать с утра до ночи, думать, чтобы думать. Урок начался с того, что ребёнок предложил мальчику прочесть первую фразу Библии: “Вначале был Бог...” Дальше дело не пошло. Учитель спросил: “Ты понимаешь, что такое начало?..” Мальчик обиделся, — помилуйте, он ведь умел хорошо читать. “Начало — это есть начало”. — “Но что такое начало?.. Ты не знаешь? Я тоже не знаю... Давай с тобой вместе подумаем об этом...” И он принялся щипать свою бородку. Следующий урок был посвящен тому же занятию. Вскоре учителя отправили в сумасшедший дом; но это простая случайность. Если бы за подобные дела заточали в клинику, пришлось бы построить гигантский сумасшедший дом для всех евреев мира, ибо все евреи похожи на учителя Менжицкого, даже те, что аккуратно бреются и никогда не читают духовной литературы.

Всем известно, что евреи, несмотря на тщедушие, любят много ходить и даже бегать. Происходит это не от стремления к какой-либо цели, а от глубокой уверенности, что цели вовсе нет. Хороший моцион — и только. Как больные сыпняком, они хотят умереть на ходу. В конечном счёте знаменитая легенда о Вечном жиде создана не христианской фантазией, а еврейскими икрами.

Французский поэт Андре Спир в одной поэме рассказывает о беседе своей с землёй. Еврей на минуту соблазняется: не осесть ли?.. Какого же бродягу не соблазняли сельский домик, цветник, лейка, запах навоза и душистого табака? Но здесь земля великодушно отказывается — она боится прикреплять такие ноги. Поэма озаглавлена “Непостоянство”. Впрочем, это можно назвать и по-другому, хотя бы “Свободой”. Увы, не скоро поймут заправские классификаторы человеческих сердец, что между бестолковым лётным птиц и великолепнейшим построением муравейника различие не идей, а физиологии.

На складах (только для экспорта!) найдется немало идей — от

Мессии до образцового коммунального хозяйства. Только почему мы все улыбаемся — сумасшедший учитель Менжицкого, поэт Андре Спир, подслеповатый портной из Балты, я и с нами столько же миллионов?.. Скажите, что бы делал вот этот “мужеский портной” в идеальном мире? Он слишком умен, чтобы нянчиться с машиной. На это были способны его прадеды в те незапамятные времена, когда они из золота делали не валюту черной биржи, а боготворимую статую. Что касается рая в стиле Руссо, то наш портной недолголюбит квартиры, из которой его так преглупо выгнали. У него хилое тельце и забракованные американским консулом глаза. При этом он боится гусениц.

Все это, конечно, вдоволь печально и ничего положительного бочке меда не сулит, кроме разве нескольких гениев, беспорядка и хлопот. А между тем мед можно было бы сварить, разлить по бутылкам и, “блюдя обычай старины”, подавать взамен кислятины типа “Шабли”. Утешимся, вспомнив “Советы” ребе Сем Тоба. Мед ведь забывается ещё скорее, нежели вино. После него не бывает даже назидательного похмелья. А жажда остается.

1925

Впервые в сб. И.Эренбурга “Белый уголь, или Слезы Вертера” (1928).

Андре СПИР (1868 -1966)

НЕПОСТОЯНСТВО

Земля легкая, рыхлая и свежая,
Я видел тебя,
Когда ехал из моей страны соли и железа,
Где река отравлена селитрой,
Сжата камнями, грязная и жалкая,
Меж серых пыльных ив.

Я видел твои тополя и вязы;
Я плыл по твоей реке,
На её берегах я варил свой суп бродяги,
Я спал на лесистых островах.
Теперь я думаю только о тебе, Земля,
И ты меня тянешь к себе.

Довольно блужданий! Я остаюсь здесь,
 Я хочу понять твои поместья,
 Очертанья лесов
 И скрытую гордость твоих темных вод;
 Я не хочу больше, как прохожий,
 Облокотившись, любоваться минутой и дальше идти.
 Я хочу быть твоим хозяином и говорить о деревьях,
 О плодах и о корнях, о семенах и о травах
 И даже о тонкой паутине,
 Что блестит под тяжестью утра:
 “Это моё!”

Но тысячи голосов раздаются в ответ:
 “Погляди на эти пугливые дома, столпившиеся, как стадо,
 На согбенные плечи этих покорных людей.
 Можешь ли ты мне служить, как они?
 Хочешь ли ты думать о том, как проводить межи,
 Ставить изгороди и трамбовать дороги?
 Хочешь ли ты, чтоб разделить свои мелкие заботы,
 Взять жадную жену, которая будет жить надеждой
 Раздвинуть шире крышу твоего дома?
 Хочешь ли ты сыновей, мечтающих об урожае соседа,
 Слуг, которых ты презираешь и которые тебя ненавидят,
 Гостей, приживалок и родных?
 Я люблю прикреплять людей,
 Но мне страшно упреков твоей бродячей души.
 Иди! Блуждай, гребь и пой!
 Погляди другие поля, другие сады и другие страны,
 Уходи скорее от той, что полюбишь,
 И блуждай, и блуждай... пока,
 Одним вечером ты не умрешь в гостинице,
 Не оплаканный даже для виду
 Ни хозяйкой, ни доброй служанкой!”

**“Тень деревьев”. Стихи зарубежных поэтов
 в переводе Ильи Эренбурга.
 М.1969.**

ТРАГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЕПИСЬ ФРАНЦА КАФКИ

Франц Кафка — величайший трагический поэт XX столетия, бард бездных драм, прорицатель бездонных катастроф души и духа... Он прозаик-пророк, потому как знал про рок и про порок человечий такое и столько, что страшил своими откровениями и открытиями, прореченьями добропорядочного обывателя, забыто-вешего на земном, погрязшего в частностях и неспособного увидеть то порочное целое, в чём участвует (и что Кафка показывает участникам с пугающей наглядностью).

Долгие годы это кинжальное, ковокое имя, эти огнедышащие два звука, две рокиальные ноты разлада, разрывающих душу своим трагизвучием — бесили, дразнили и раздражали наше порядком раздобрешшее на казёнщине, одобрпорядоченное начальство, давно отлучившееся от сильных чувств, видевшее в нём лишь кошмарно-болезненную фантазмагорию зарвавшегося буржуа...

Между тем, случилось, что иные ортодоксальные марксисты и несгибаемые реалисты в искусстве, видевшие в Кафке лишь фантастическую агонию уходящего сознания, ортодоксы, с которыми жизнь ломала одну и ту же трагедию, что учинял над своими героями Франц Кафка, сочиняла схожие мизансцены — вдруг прозревали в странном абсурдистском писателе тончайшего реалиста...

Такая именно история приключилась, например, с известным философом-эстетиком, академиком-марксистом Дьердем Лукачем, ярым противником Ф. Кафки до тех пор, пока он сам — подобно К. — не оказался заточённым в *замке*... Волшебные метафоры трагического поэта пали на его глазах, осыпались и обнажили беспощадную правдивость этого невероятного сознания... Страдающий теоретик признал, что кисть художника, писавшего фантазмагорию, черпала краски не в фонтане фантазий, а в мрачных закоулках реальности...

Но кто же в здравом рассудке сможет доказать, что искусство Франца Кафки не является невероятным, что оно обыденно, как вся вокруг жизнь?.. Меж тем вся странность, экстравагантность, изрядавонвыходимость эстетики его заключается лишь в том, что, будучи пронзительным наблюдателем за капризами, зигзагами собственной души, строгим и въедливым фиксатором всех её переживаний и движений, постигаемых сознанием и дознанием, будучи беспощадным исследователем житий окружавших его человеческих особей, он ваял свою прозу исключительно на этом — самом надёжном — эстетическом источнике, не могущем солгать...

И абсолютно пренебрегал всей той литтехникой и литстилистикой, что была наработана до него и последовательно наследовалась,

исследовалась, преследовалась, но равнодушно не сверялась с камертоном духа наследующих, исследующих, преследующих...

Мы безнадежно развращены привычкой, знакомясь с новым искусством, соотносить его со старым, с предыдущим, и искать соответствие с ним, а не с бесконечно изменённым миром, меж тем как достаточно было бы порой вокруг себя оборотиться и в собственные бездны заглянуть, чтобы понять, что иные инакие миры модерна и экспериментального искусства написаны с жизни дословно, а не условно сочинены празднующимися никчемописцем...

Так и с Кафкой, который мало интересовался своей последовательной похожестью на предшественников в литературе, скорее опирался на современников и на организованно-деорганизованную ими жизнь.

Главный филологический труд, толкующий Франца Кафку исчерпывающе (в той степени, как только можно исчерпать поэта) и адекватно, и, одновременно, его манифест, трактующий его искусство с немислимой точностью, — это его жизнь как целостное произведение (от звука имени до бремени завещания и мук умирания) её самые тайные мотивы и думы, аккуратно исследованные и с максималистичностью зафиксированные терзающимся поэтом в его дневниках...

Своим невероятным завещаньем, где жестом Творца своей жизни, Сочинителя Судьбы он учинил свое грядущее изничтоженье, где перстом Поэта он повелел своему ближайшему Другу дьявольское (нечеловечье!): сжечь свои шедевры... Чем оставил человечество в вечном недоуменье, в неразрешимости пред клубком жгучих противоречий... А свою Судьбу — в явной недомолвленности предподтвердившей пресвятое Булгаково ясновиденье: *рукописи не горят*.

Почему, завещая себя сжечь — он не самосжегся для надежности? Не мог поднять руки на себя? Не желал исполненья собственной воли, провидя, что рука Друга дрогнет и отступит и сие предательство — преступление чрез завещание — обессмертит обоих?..

Или?.. Безответно...

Как нам относиться к Максусу Броду?.. Предать анафеме за измену?.. В Абсолюте б — было б так... Но живем-то в сплошном несовершенстве... И потому соблазн еще в истоках века прозреть уже исследованные Гением его кровавости и тем предостеречься и многих от бездн тех отворотить — быть может, превыше будет явно-го греха предательства.

И что двигало Максом Бродом? То ли, о чем речь? Иль жалкое желанье войти в Историю ценой любой, хотя бы имиджем друга-предателя Гения?.. И так ли уж это важно (что двигало? если даже двигало бесовство...), если налицо кафкианное вложение в мировую цивилизацию вклада бесценного?.. Или — все же — пред Смертию виновно все живое — и Кафке — вечная слава, а Броду — проклятья?..

Неразрешимо...

ПОЭТ ПЕРЕВОДИТ ПОЭТА

*Осип Мандельштам в переводе Пауля Целана**

Поэт, принимаясь за перевод чужой поэзии, делает попытку уйти от самого себя, прекрасно осознавая при этом, что наступает момент, когда он будет все-таки достигнут самим собой. Мы всегда вернемся к своим собственным литературным достоинствам и недостаткам.

Карл Кролов

I. ВВЕДЕНИЕ

Оставим в стороне вопрос, в какой мере для поэта мирового значения “попытка уйти от самого себя” является толчком к переводу не менее известного собрата по перу. Нас будет интересовать другой момент: в какой степени в переводах заметно присутствие самого поэта-переводчика, иными словами — сколько Целана в немецком Мандельштаме?

Ценность всякого истинно поэтического творчества заключается в его неповторимости. Это наводит на мысль, что некоторые элементы неповторимости не могут не сохраниться и при языковом пересоздании творчества другого поэта, тем более, когда это творчество оказывается не слишком уж инородным.

Можно, конечно, с криминалистическим усердием доказывать, где Целан отклонился от оригинала. Но это было бы слишком просто. И это не сказало бы ничего существенного об эстетической ценности переводов. Куда целесообразнее, на наш взгляд, обобщить и систематизировать “ошибки” и затем проверить, не поддаются ли они интегрированию в поэтический канон самостоя-

* Настоящая статья является сжатым изложением результатов дипломной работы, защищенной автором в 1992 г. Автор приносит благодарность А.В.Карельскому за оказанную помощь при переводе немецкоязычных цитат.

тельного творчества поэта-переводчика. В центре нашего внимания, таким образом, вопрос не о том, как переводил Целан, а о том, почему именно так он переводил. При этом влияние поэта Целана на переводчика Целана будет считаться доказанным, если удастся выявить внутренний параллелизм между поэтикой Целана и данным отклонением от оригинала, иными словами — если отклонение оправдывается самими поэтологическими ориентирами поэта-переводчика.

II. ФОРМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ

Синтаксическая структура переводов характеризуется в первую очередь вряд ли соответствующим мандельштамовской риторике приемом *инверсии*, т.е. всякого рода нарушениями синтаксического порядка, предусмотренного нормативной речью. Целан часто пренебрегает обычным порядком слов и строит фразы в последовательности “существительное — запятая — прилагательное” (вместо “прилагательное — существительное”). На первый взгляд безобидное это изменение имеет серьезные последствия для стиха. Во многих случаях синтаксические отношения так “перепутаны”, что одни запятые уже не могут обеспечить правильного понимания фразы. Целан прибегает тогда к нагнетанию двоеточий и тире. Стих изобилует знаками препинания, что, бесспорно, влияет на его ритм: *Wandrung? einsam: leichtes Kreuz — / ja, ich trag es, willig, abermals.*(GW V, 65/3-4)* — [Легкий крест одиноких прогулок / Я покорно опять понесу.]; *ein Turm steht, steinern, oben: ein Kuckuck, und er klagt* (GW V, 119/5) — [И плачет кукушка на каменной башне своей].

Чтобы выявить сквозную тенденцию, мы произвели статистический подсчет употребления запятых, двоеточий и тире в переведенных Целаном 45 стихотворениях и получили следующие результаты (в соответствии с оригиналами): по запятым — 1 : 1,9 (в конкретных числах 523 : 993), по двоеточиям — 1 : 3,9 (36 : 118), по тире — 1 : 1,8 (76 : 139).

Инверсия часто встречается и в собственных стихах Целана. Такова анастрофа, осуществляемая перемещением относительного местоимения — *Der uns die Stunden zahlte, / er zahlt weiter* (GW

* Все цитаты Целана из: *Paul Celan. Gesammelte Werke in fünf Bänden. Hg.v. Bodo Allemann und Stefan Reichert unter Mitwirkung v. Rolf Bucher, Frankfurt a.M., 1983* (GW I-V).

I,107; GW I,137) — и личного местоимения (GW I, 110; 229; 270), чему соответствуют в переводах стихи типа *Sie ist Tier und Dunkelheit, / sie, die Seele, gramgestillt* (GW V, 55/ 3-4) — [И печальна так и хороша / Темная звериная душа]; см. также GW V, 67/7-8; 89/4-5; 121/17; 145/18; 151/11; 157/9-10; 159/7/24/31. Далее бросаются в глаза инверсии в виде гипербатона с дополнительным артиклем между прилагательным и существительным: *Immer dies Aug, dessen Blick/die eine, die Pappel umspinnt* (GW I, 120; еще у Целана, напр. в GW I, 106; 136; — в переводах: GW V, 101/1-2/10-11; 111/16; 127/19-20; 154/55-56).

Своеобразна та риторическая фигура, с помощью которой Целан усиливает эмфазу стиха указательным местоимением: *du liest, / dies hier, dies: / Dis- / parates* (GW I, 275; см. также GW I, 114). Вот примеры из переводов: *O Himmel, Himmel, du kommst wieder, wieder / im Traum! Dies kann nicht sein: dass du erblindet bist* (GW V, 69/1-2)- [О Небо, Небо, ты мне будешь сниться! / Не может быть, чтоб ты совсем ослепло]; также см. GW V, 77/11; 101/11-12; 117/7/12; 151/17-18.

Язык переводов отличается явной тенденцией к эллиптическим предложениям. Целан достигает этой цели тем, что он либо субстантивирует глаголы — *Der Schritt der Pferde, sacht, gemessen* (GW V, 63/1; см. также GW V, 51/1-2) —, либо устраняет их вовсе: *Keine Worte, keinerlei* (GW V, 55/1; а также GW V, 59/1; 65/1/5-6; 89/1-2; 115/8/21-22; 125/4). Многим стихотворениям свойственно то, что они вопреки синтаксической структуре оригинала, начинаются с имени существительного — *Bett, aus schwülen Finsternissen* (GW V, 61/1; дальше см. GW V, 83/1; 85/1; 93/1; 99/1; 101/1; 103/1).

Фигуры повтора встречаются в переводах прежде всего в виде *geminatio* (повтор в начале, внутри или в конце синтаксической или метрической единицы), *reduplicatio* (повтор последнего члена таких единиц в начале следующей единицы) или их вариантов. Однако, оценивая их значение в переводах, следует не упускать из виду, что они могут быть обусловлены метрикой. Вообще, какой бы необходимостью они ни были вызваны, отклонения очень часто осуществляются в виде повтора. Переводчик таким образом не допускает потери информации. Однако подобное решение чревато опасностью создания новых смысловых акцентов, тем более когда повторяется сказуемое: *Ihr Schwestern Schwer und Zart, ich seh euch — seh dasselbe* (GW V, 109/1) [Сестры — тяжесть и нежность — одинаковы ваши приметы]; также GW V, 109/9; 115/9; 117/15;

121/19; 139/43-43; 145/7; 155/3). Привести параллельные отрывки из лирики Целана трудно потому, что нельзя однозначно определить функцию фигур повтора в переводах (вынужденные или преднамеренные). Наглядным примером, однако, может служить известная *Фуга смерти* (GW I, 39), в которой обнаруживаются сразу несколько разновидностей повтора.

На уровне лексики ярким целановским приемом является *субстантивация*, тем более когда она распространяется на имена прилагательные и даже наречия: *auf / dem Staubkissen Einst* (GW I, 245). Свою языкотворческую оригинальность Целан обнаруживает при создании *новых слов*, прежде всего сложных, в которых сплавлены слова, семантические значения которых либо противоречат друг другу, либо вовсе не сочетаемы: *Wieviel Vonsammengeschiedenes* (GW I, 265). Принципиальное расширение этого своеобразного метода словосочетания наблюдается в конструкциях, состоящих из двух и даже трех слов, соединенных между собой через дефис. В таких формах уже нельзя однозначно решить, какая часть сочетания определяет другую. Как будет видно из последующего рассмотрения основных аспектов лирики Целана, подобная семантическая неопределенность призвана усугубить открытость текста. В переводах примеры по всему вышеизложенному см. GW V, 65/12; 71/3; 77/7; 87/5; 103/6; 121/9/10/15; 131/23; 145/17 и 153/10: (...) *das Rad mit den Blutknochen-Naben* - [Ни кровавых костей в колесе].

Анализ используемой системы тропов показывает явную склонность переводчика к *превращению сравнений в метафоры*. Целан не доверяет слову "как", которое, по его мнению, устанавливает обманчивую связь между сравниваемыми предметами. Этого недоверия Целан придерживался не только в более позднем своем творчестве, но и в переводах Мандельштама — об этом свидетельствуют примеры: *Gross, ein Vogel, flog der Name Gottes* (GW V, 73/5) — [Божье имя, как большая птица], GW V, 67/3; 139/40; 145/26; 153/7/8.

III. МАКРОСТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИРИКИ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

III. 1. ДИНАМИЧНОСТЬ

В стихах Целана царит принцип движения. *Динамичность* эта расположена на трех плоскостях. Во-первых, на уровне употреб-

ляемого словесного материала. Целан пользуется богатой палитрой “суффиксов направленности”, с которыми он соединяет слова иногда очень незаурядным способом. В смягченном виде это отражается и в переводах (*himmelhin* — GW V, 145/3; или GW V, 99/9; 145/50; 153/14). Причину этого следует искать в целановской экономии глаголов. Претворяя принцип уплотнения текста за счет глаголов (эллиптические конструкции), поэт передает момент динамичности, выражение которой обычно положено глаголам, другим словам в стихе. Несмотря на устранение глаголов, стих не лишен динамичности: *Das gedunkelte Splitterecho, / hinstrom- / hin* (GW II, 414). Сочленя “динамические суффиксы” отчасти и со статичными глаголами, Целан создает дополнительный “эффект ускорения”: *Da sah ich einen, der log nicht, / heimstehn in seine Verzweiflung* (GW II, 400; 293; 413).

Во-вторых, движется и сам язык. Целан говорит о том, что (свой) язык должен был пройти кошмар нацизма, сквозь тьму смертоносных речей, и о том, как он пользовался этим языком, чтобы ориентироваться в постоянно меняющемся мире, чтобы “набрасывать действительность” (см. GW III, 185-186).

В-третьих, языковые продукты этих набросков сопровождают поэта в его хождениях. Итак, стихи сами, наконец-то, в движении, становясь то ли вехами, которыми поэт отмечает уже преодоленные этапы поиска, то ли посланцами в будущее, с поручением разведать проходимые пути. Недаром Целан заимствовал мандельштамовскую (!) метафору брошенной в океан бутылки, выражая надежду, что она когда-нибудь доплывет до берега, может быть, до “берега-сердца” (см. GW III, 186).

Одни из главных составных элементов метафоры в лирике Целана — *движение и поиск*. Отсюда можно и понять фигуры повтора. Они придают риторике Целана своеобразный облик, в котором находит свое отражение метаязыковая информация. В общем, эта информация сказывается во всей синтаксической структуре. Вытекающая из раздутой пунктуации и “перепутанных” синтаксических отношений “нескладность” целановского слога — *формальный эквивалент* его “поиска действительности” (ср. GW III, 186) художественными средствами выражения. Стихи Целана написаны в ритме его разведывающей работы. Поэтому традиционно структурированное стихотворение подорвало бы собственную, поддающуюся просодической маркировке способность к самовыражению.

III. 2. ДИАЛОГИЧНОСТЬ.

Поэтика Целана предусматривает живое общение стихотворения с различными формами “ты”, будь то с объектом лирического изображения, будь то со слушателями или читателями текста. Подтверждая *открытость* своего творчества к диалогу, Целан возражает всякого рода поэзии, устремляющейся только на саму себя, упускающей возможность вступать в контакт с окружающей средой. По художественной концепции Целана стихотворение должно стать местом индивидуализации индивида и впоследствии средой встречи с другим. Когда Целан хотел подчеркнуть нередко наблюдаемую и в русских стихах готовность к диалогу, переводы обращаются к определенному адресату : *Du Himmel, weissestes der Hemden, / du Mond , entseelt, ich sehe dich* (GW V,59/9/10; 103/23/24; 139/25/26; 145/41/42; 153/1/2). К тому же, в переводах Целан часто пользуется возможностью разместить лирическое действие вокруг *мотива языка* : *Der Chor der mitternächtgen Vögel, / durchs Schweigen schwimmend, ungehört* (GW V,59/3/4) — [И тишину переплывает/ полночных птиц незвучный хор]. Правда, мотив языка часто реализуется словами или оборотами из семантического поля “*молчание*” (напр. GW V, 49/4; 57/9/10; 115/1/5). Однако нельзя упускать из виду, что имеется тонкая связь между полями “говорить” и “молчать”. Иначе целановское “молчание” слишком упрощенно понималось бы как нечто пустое. Следующая глава проверит такую мысль.

III. 3. ЯЗЫК — МОЛЧАНИЕ.

Для Целана немецкий был не только язык богатейших литературной и философской традиций, но и язык губителей его родителей, язык, который предоставил фашистским палачам безобидную вокабулу “*Endlösung*” для наименования геноцида, язык, который, с другой стороны, “не дал слов для описания того, что произошло” (GW III,196), и которому позже, наконец, был вынесен вердикт о невозможности поэзии после Освенцима.

Это лишь самые яркие штрихи, изображающие сложное отношение Пауля Анчеля (он же Целан) к своему “*Muttersprache*”. Но как бы ни были тяжелы эти внешние обстоятельства, они не могут

исчерпывающе объяснить языковой скептицизм поэта. Если назвать главную черту скептицизма, то это, пожалуй, отраженное в различных формах реализации сомнение в однозначной определяемости денотата лирического слова. Целан специально открывает свой язык принципу “sic et non”, “да и нет”, делает его двойственным. Применительно к своему стилю Целан употребил формулу “многозначность без маски”, которая ничего не хочет завуалировать, а представить сложность мира в многослойном переплетении явлений его : *Sprich-/Doch scheide das Nein nicht vom Ja/ Gib deinem Spruch auch den Sinn:/ gib ihm den Schatten./[...] Wahr spricht, wer Schatten spricht.* (GW I, 135).

Такой элементарный языковой скепсис влечет за собой отказ поэта от эстетики отражения — вспоминаем недоверие Целана к словечку “как”. Последовательно, поэт не позволяет себе занятие целым поэтическим жанром — всякого рода лирикой (поверхностно-) автобиографического характера. Тем не менее этот скептицизм полон созидательного потенциала. В его стараниях передать хоть некоторые аспекты многостороннего мира, поэт вынужден опираться на не изношенный традицией словник. Безо всякого сомнения, стих Целана жив именно благодаря магии употребляемых слов. Они наделены способностью возбудить сущность описуемого. Настоящий поэт называет явления мира их именами. *Имя — название* — центральный термин поэтики Целана. В нем сосредоточена принципиальная возможность художественного общения, оно должно сплавить в себя, а не отождествлять друг с другом, слово и предмет, устранив их прежнюю оппозицию: *Fahlstimmig, aus/ der Tiefe geschunden:/ kein Wort, kein Ding, /und beider einziger Name* (GW II, 307).

С довольно ранних пор, однако, в творчестве Целана присутствует момент унывания ввиду негодности языка как *средства адекватной передачи живых мыслей*. В одном стихотворении речь идет о словах, “которые отказываются” (GW I, 216), нередко встречается и идея, что слова представляют собой мертворожденную мысль, окаменевшую при артикуляции, т.е. при получении определенной словесной формы: *mein Mund/ spie seinen Schotter* (GW I, 171), и более радикально — *Ein Wort — du weisst:/eine Leiche* (GW I, 125). Парадоксальный оборот “erschwiegenes Wort” (GW I, 138), “вымолченное слово”, предвещает возможность выхода поэта из его апории. Поиск истины он перемещает внутрь, в “морскую глубину” (GW III, 155). Его стихотворения лишь свиде-

тельствуют об этом поиске, но уже не могут быть средством познания. Итак, постепенное распространение молчания отражается и в формальной структуре текста — ритм стиха становится отрывистым, все более напоминающим выдавленное из молчания звание поэта.

Именно оборот о “вымолченном” слове указывает на то, что “молчание” нельзя свести к значению “ничего”, что подразумевало бы лишенную связи с языком пустоту. Наоборот, в безмолвии язык сохраняется в качестве потенциальной энергии, только она не разряжается конкретным разговором (см. в этой связи программное стихотворение “*Argumentum e Silentio*” — (GW I, 138).

Философским обоснованием неизбежности молчания поэта могут служить теоретические начала учения Мартина Бубера. В своих размышлениях о диалогическом принципе Бубер разделяет две основные возможности человека вступить в контакт с окружающей средой. Противостоящий мир человек может воспринимать как объект узнаваемости, общаясь с ним в режиме “Я — Оно”. Но когда это Я старается воспринимать противостоящее чистым созерцанием, ему открывается сущность последнего. Человек относится к нему как Я к Ты, вступив в настоящее отношение с ним. “Отношение есть взаимность”. Но как только человек/поэт в его желании сообщить о встрече с Ты воспользуется языком как средством общения, он выпадет из отношения с Ты, словно отошедши несколько от субъекта, который из-за увеличенной перспективы тут же станет поддающимся аналитическому описанию объектом. Нет ни одного средства общения, применение которого не вызвало бы *метаморфозу Ты в Оно*. Из всего этого следует, что “только молчание с Ты, молчание всех языков, безмолвное ожидание в неоформленном, в нерасчленном, в доязыковом слове оставляет Ты свободным, позволяет пребывать с ним в той застенности, где дух не проявляет себя, но присутствует. Всякий ответ стягивает Ты в мир Оно”.

Целан признал эту последовательность и до некоторой степени в переводах приспособил к ней те стихи, в которых уже Мандельштамом заложена схожая тенденция. (Ярким примером является целановская версия стихотворения “Я слово позабыл”, которая представляет проблематику художественного выражения. Отделив забвение, т.е. несостояние, слова от лирического субъекта и переакцентировав образ ласточки, Целан заметно старался придать стихотворению более принципиальную ноту. Нельзя не заме-

чать подчеркнутую таким образом связь с собственным стихотворением “*Argumentum e Silentio*”.) “Вымолченное” слово Целана — это и есть буберовское доязыковое!

IV. ДИАЛОГ С МАНДЕЛЬШТАМОМ.

По словам Г. Бауманна, автора современной биографии Пауля Целана, поэт состоял в переписке с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Согласно этому, Целан в письмах “прослеживал крестный путь” Мандельштама, чтобы выполнить главную задачу своей жизни: “спасти творчество Мандельштама от “гибели”.

Не превосходит ли такой подход обыкновенный интерес переводчика к биографии коллеги? Не исключено, что Целан воспринимал биографический параллелизм (оба они евреи, оба оказались в тоталитарной системе, оба испытали — прямо или косвенно — лагерь) как внутреннее родство с Мандельштамом. Но совершенно очевидно, что интерес Целана к лирике Мандельштама нельзя объяснить одним только сходством их судеб. Итак, попытаемся вкратце обрисовать главные черты творчества Мандельштама, причем будем ограничиваться тем, что нашло свое отражение в переведенных стихотворениях, среди которых явно преобладают стихи раннего периода.

Самой общей чертой поэтических систем Мандельштама и Целана предстает прекрасно осознанная обоими поэтами необходимость обратиться стихотворение к адресату. В опубликованной уже в 1913 году статье “О собеседнике” Мандельштам отграничил свою поэзию от преобладающего в тогдашней литературной жизни символизма, от его “потусторонности” и оккультизма. Тема статьи — “юридическое, так сказать, взаимоотношение, которым сопровождается акт речи” (CW II, 234)*.

Сердцевиной размышлений является знаменитая метафора бутылочной почты. Поэту важно возбудить в “нашедшем” стихотворение читателе “чувство провиденциального” (CW II, 235). Читатель понимает, что ему отведена роль собеседника и он “вздрагнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени” (CW II, 235). Исходя из того, что обращение к известному может породить только известное, Мандельштам от-

* Все цитаты Мандельштама из : Osip Mandel'stam. Collected Works in Three Volumes. Edited by Prof. G.P.Struve and B.A.Filipoff.(CW I-III).

мечает разницу между поэтом и литератором. Литератор в позе проповедника обращается к своей публике с высокого пьедестала, ему важно, чтобы нравочение дошло до каждого слушателя. Поэтому он может опираться только на традиционные средства общения. В отличие от этой позиции, ориентация на “провиденциального” собеседника включает в себя главный фактор постоянного обновления словесности: восхищенный возможностью “удивиться своим собственным словам, плениться их новизной и неожиданностью” (CW II, 239), поэт играет все новыми формами художественной артикуляции. Мандельштам обобщил эту мысль в аксиоматической формуле о том, что “вкус общительности обратно пропорционален нашему реальному знанию о собеседнике и прямо пропорционален стремлению заинтересовать собой” (CW II, 239). Итак, лирика мандельштамовского толкования отличается тройным преимуществом: обращенная ко всем потенциальным читателям, поэзия Мандельштама не стеснена снисходительностью к конкретному адресату, она предоставляет поэту возможность испытания новых средств выражения и сохраняет тем самым свою привлекательность и для “читателя в потомстве” (Боратынский).

Спустя 45 лет, в 1958 году, Пауль Целан воспользовался, как было уже сказано, той же метафорой брошенной в море бутылки. Целан иллюстрировал ею свои возражения против определенной литературной концепции — т.н. абсолютной поэзии. Немного варьируя строение метафоры, Целан тем не менее учитывает позицию читателя. В обороте “берег-сердце” кроется имплицитное требование к читателю — не уклоняться, открыть свое сердце, чтобы выслушать чужую весть.

На фоне размежевания Мандельштама с символизмом четко вырисовывается и его представление о языке. Слово — конкретная единица с поэтической, так сказать, валентностью, реализация которой зависит от того, насколько поэт готов мотором своего творения признать чувственность узнавания мира. “Для акмеистов сознательный смысл слова, Логос, такая же прекрасная форма, как музыка для символистов” (CW II, 321).

Поэт-акмеист похож на зодчего, вводя “готику в отношения слов” (CW II, 321). Поэтическим символом акмеистического стремления к предметности, ясности стал собор из стихотворения “Notre Dame” (CW I, 24). Ясность эта пленит наблюдателя именно потому, что она проявляется в хотя сложной, но лишенной всякого

пустого украшения форме. Целан не перевел “Notre Dame”. Почему — неизвестно. Но это отнюдь не свидетельствует о каком-либо разногласии с Мандельштамом. Не менее программным для периода “Камня” можно считать одно из переведенных Целаном стихотворений — “Я ненавижу свет” (CW I, 17) :

*Кружевом, камень, будь,
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.*

В теории это звучит так : “Строить — значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство. Хорошая стрела готической колокольни — злая, — потому что весь ее смысл уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пусто” (CW II, 323).

Предметность акмеистического языка, однако, не предполагает тождества между словом и обозначаемым им предметом. Подобно целановской, поэтика Мандельштама не допускает отождествления signifiant с signifie. Соотношение между языком и миром заключается лишь в том, что первое — средство для узнавания последнего. “[...] зачем отождествлять слово с вещью, с травой, с предметом, который оно обозначает? Разве вещь хозяин слова? Слово Психея” (CW II, 226). Близость языковых концепций Мандельштама и Целана (kein Wort, kein Ding, /und beider einziger Name — CW II, 307) очевидна. И требуемая Мандельштамом вещьность поэзии тоже не чужда эстетике Целана. Достаточно сослаться на изречение поэта, согласно которому его поэзия не претендует на “сверхъестественное”. Целан: “Я против того, чтобы воспринимать поэта как пророка, “vates”, ясновидца и прорицателя”.

Основным звеном своего рода истории культуры можно считать отказ Мандельштама от принципа каузальности как единственной структуры отношения между явлениями мира. Отвергая теорию эволюции, понимаемую как хронологическую последовательность причин и следствий, Мандельштам придерживается философии Бергсона, который рассматривает явления “в порядке их пространственной протяженности” (CW II, 242), интересуясь только их внутренней связью.

Равно как язык единственный критерий, обеспечивающий преемственность (русской) литературы, только человек способен соединить явления мира, наделив их значением. Мандельштам весь

антропоцентрист. Свое поэтическое мирозерцание он называет эллинизмом. “Эллинизм — это сознательное окружение человека утварью, [...] очеловечение окружающего мира”(СW II.253).

Явления мира освобождаются от их “временности”, лица и события прошедшего больше не обусловлены их историческим контекстом, а заново приобретают право существования в акте эвокации, который имеет место в каждом подлинном произведении искусства. Если в творчестве Манделъштама так широко представляются элементы прошлого, то это делается не ради тщеславного ревью музейных знаменитостей. Это не пустая демонстрация начитанности поэта, а непринужденное общение с протогонистами прошлого с позиции поэтической правоты (ср.СW II,236). Желание Манделъштама общаться со своими предшественниками сквозь время и пространство пропитано его “тоск[ой] по мировой культуре”.

Несомненно, Целан осознал родство своей поэтики с лирикой Манделъштама. То, что он в предисловии к переводам сказал о русском поэте, в некоторой степени может применяться и к нему самому :”[...] у Осипа Манделъштама стихотворение — это то место, где воспринимаемое языком и доступное языку собирается вокруг того центра, где оно приобретает форму и правдивость: вокруг индивида, исследующего время собственное и время мира, биение сердца и вечность. Отсюда становится понятным, в какой мере манделъштамовское стихотворение — восставшее после своей гибели стихотворение погибшего — касается нас, сегодняшних” (G-W V, 623).

V. ВЫВОДЫ

Целан сосредоточивался на тех поэтологических ориентирах Манделъштама, которые близки своему собственному творчеству — это отражается в самом отборе переведенных стихотворений. Основные механизмы, на которые Целан опирался в работе над переводами, — *уплотнение* художественной информации, *укрепление* ее взаимосвязи с формальной стороной выражения и *усиление* сходных позиций испытанными в собственном творчестве средствами.

Если согласиться с мыслью Целана о том, что написавший стихотворение поэт продолжает присутствовать в нем (см. СW III, 198), то занятие чужим стихотворением *per definitionem* подразу-

меваает и встречу с его автором. Бесспорно, такая встреча предшествует самому акту перевода, является, пожалуй, и его условием. Перевод осуществляется под впечатлением этой встречи. По мере того как встреча реализуется в беседе-диалоге (через стихотворение!), отклонение переводчика от оригинала можно понимать и как выражение активного участия в такой беседе.

Окончательно судить о переводах — задача каждого отдельно-го читателя. Но хочется напомнить о том, что ситуация *поэт переводит поэта* требует нового подхода к вопросу оценки переводов. Уравновешенный анализ должен развернуть традиционную оппозицию “оригинал — перевод” в тройную модель, учитывающую, помимо этих двух членов оппозиции, еще и самостоятельное творчество поэта-переводчика. В такой модели скрупулезное измерение внешнего расстояния между оригиналом и переводом уже не может быть единственной целевой установкой критики.

Какие бы названия ни предлагались традиционной понятийной номенклатурой (перевод, вольный перевод и т.д.), они не годятся для обозначения результатов перевода поэта поэтом. Ввиду этого назовем переводческие усилия Пауля Целана *актом соотношения* двух самостоятельных, в известной степени близких поэтических систем.

Фридрих ГЕЛЬДЕРЛИН (1770-1843)

СЕРЕДИНА ЖИЗНИ

Висит, весь в желтых грушах
и диких розах, берег,
в озеро опрокинут,
и вы, о лебеди,
хмельны от лобзаний,
и вы окунаете головы
в священно трезвые воды.

Горе мне, где возьму я когда
наступит зима, цветы и где —
свет солнца
и тени земли?
Стены безмолвны
и хладны. И флюгер
скрипит на ветру.

1802

ЛЕТО

Пока еще возможно видеть время года
И ниву в нежном блеске лета и восхода;
роскошно распростёрлась зелень поля,
По коему ручей скользит на воле.

Так проступает день между горой и долом,
Неудержим в своём сиянии весёлом,
Плывут спокойно облака и мнятся, право,
Что год запаздывает величаво.

9 марта 1940

ЗИМА

Когда год изменился и пропало
цветенье, столь роскошное сначала,
перед глазами дни проходят живо,
хоть и влекутся так неторопливо.

Дух жизни связан с временами года
и жаждет перемен, как вся природа;
и обновленье новое уже нам
разумным кажется и совершенным.

24 января 1676

К ДЕРЕВУ

...и по вечным орбитам
в свете улыбок своих плыли над нами владыки
мира — солнце, луна и звёзды, и с облаками играли
молнии — огненные дети мгновений, резвясь;
но в глубине наших душ образ правителей неба
богом любви нашей стал — и не завидовал им,
и ароматы смешал, чистые кроткие души,
светом весенних часов так упоённые, что
переливались они в море сияющих дней,
в пламя вечерней зари, в тихие волны ночей, —
ах! — как жилось нам легко внутри нескончаемой жизни,
то забывшись в себе, то высоко воспаря,
но в сокровенном своём неразделимым навек.
Древо счастья! Как долго, как долго я мог бы
петь, на вершину твою в шелесте ветра любуюсь,
но, смотри — там, вдали, кружатся девы в тумане,
и может быть, может быть, с ними подруга моя;
Дай мне, дай мне, — прощай! — в жизни моей разорваться,
чтобы бежать как дитя, ах, за любимой вослед.
Ты — сама доброта, я тебя никогда не забуду,
вечно ты, как и он — образ любимой моей.
Будет день и она станет моею, я верю,
и под сенью твоей будем мы с нею бродить,

и с приязнью тогда тенью своей нас укроешь,
и над счастливыми песнь прошелестишь в вышине.

ЗАХОД СОЛНЦА

О, где ты? Душу ты опьянил мою
своим восторгом; только что слышал я,
как с жаром золотые звуки
солнечный мальчик исторг, играя.

ах, на небесной лире — вечерний гимн;
и вторят дружно лес и холмы ему.
Но скрылся он, спеша к народам,
где почитают его поныне.

ПРОСЬБА О ПРОЩЕНИИ

О святая душа! Твой золотой покой
Часто я нарушал, — и познавала ты
Жизни скрытые скорби,
Сострадая моим слезам.

Всё забудь и прости! — и, как облако, ах! —
От высокой луны, я от тебя уйду,
Чтобы вновь безмятежно
Ты сияла, — о чудный свет!

*перевёл с немецкого
Вл. Летучий*

* * *

Душа сама изберёт себе Общество,
И — захлопнет Дверь.
В это святое Содружество
Не попадёшь ты теперь.

Откажет — и храброму Воину
И самому Царю,
Молящему на коленях,
Скажет: “Не отворю”.

Изберёт Одного — из тысячи,
Ей не нужен другой.
И закроет входные шлюзы —
Скалой.

* * *

Когда идут другие в храм,
Я — дома остаюсь. И хор
Малиновка заменит мне,
А сад — собор.

Кому-то по сердцу стихарь,
А мне бы — два крыла,
И клавишин заменят мне
Колокола.

Священник проповедь прочтёт —
Не заскучал бы Бог!
Чтоб не спешить со всеми в рай —
Приду сама — в свой срок.

* * *

Когда б ты осенью пришёл,
Смахнула б лето я,
Как муху на пол со стола —

И морщась, и смеясь.
Скатала б месяцы в клубки,
Коль ждать пришлось мне год,
И рассовала по углам —
Пока их час пробыёт.

На пальцах стала б вычитать —
Коль ждать пришлось века,
Пока Ван-Демена земли
Не ощутит рука.

Коль верно, что за смертью жизнь
Нам вместе провести,
Как шелуху стряхнула б жизнь
Навстречу вечности.

Не знать разлуки точный срок —
Терзает и томит —
Оса кружится надо мной,
А жалить не спешит.

* * *

Рассказать о Воде тому,
Кто к жажде приговорён,
Жестоко — разве не так? —
Сам догадается он.

Подвести к Колодцу — и дать
Заглянуть в чернеющий сруб
Значит напомнить ему — разве не так? —
Про участь губ.

* * *

Поздней победы плоды
Не радуют смёрзшихся губ.
Скованы холодом —
Не ощущают вкус.
Какой бы сладкой казалась

Капля одна!
Или Господь такой скряга?
Не слишком ли высоко накрыт для нас его Стол?
Чтоб пообедать, придётся на цыпочки встать.
Эти крохи — для маленьких ртов:
Вишни насытят Дроздов,
Золотой завтрак Орла их удушит!
Бог сдержит клятву Воробьям!
Мелкой Любви их под стать — знают, как голодать.

*Перевод с английского
Изабеллы МИЗРАХИ*

Эрик ГУД

АНОНИМНОЕ ПИСЬМО МИСТЕРУ БРОДСКОМУ

Вот ваша тайна, мистер Бродский:
Дождь русский не способен таять.
Шестьюдесятью этажами
Прошел он, мне запачкав память.

С цветами, с выпивкой, с друзьями
Весна была подругой вашей.
Там были Анна, Толя, Дима,
Просачивался дождь на даче.

Приятели вы с Джоном Донном.
В окно петровское часами
Вы на Британию смотрели...
Окно открыто. Где вы сами?

Часы в Соединенных Штатах
Спешить себе не позволяют;
Вы всё ещё поэт придворный.
Вас ваши лавры вдохновляют,

Но вам за пятьдесят. Вы старше,
Чем Гумилев и даже Троцкий,
Дождь русский таять не способен.
Вот ваша тайна, мистер Бродский.

ЕВГЕНИЮ РЕЙНУ

Еврей на свет родился в тридцать пятом
Году, в двадцатом веке, современник
Её, король возможный тунеядцев.
Он в юности блистал на рынке мыслей,
Где персонажи Диккенса-Дюма
У англичан и у поляков крали.
Один из этих рыцарей увёл
Его жену. Слияли остальные,
Искатели религиозной почвы,
Аэрофлотом не пренебрегая
Еврей в Москву приехал, то есть в Рим,
Где организовал он рынок мыслей
Для римских мальчиков. Он после смерти
Пребудет на серебряных монетах.

*перевод с английского
Владимира МИКУШЕВИЧА*

Первый в мире справочник, содержащий тысячи данных по истории, демографии, политике, науке, культуре, спорту Армении и Израиля.

Эта книга предназначена прежде всего библиотекам, университетам, редакциям. Замечания и пожелания читателей будут учтены при подготовке второго издания.

АРМЯНЕ И ЕВРЕИ ЦИФРЫ. ДАТЫ. ИМЕНА.

МОСКВА. "НОЙ", 1995. — 272 с.

Такой книги еще не было.

Однако, судя по тому, что почти одновременно в Москве вышел первый номер армяно-еврейского вестника "НОЙ", а Институт Европы полным ходом готовил коллективную монографию "ОТ АРАРАТА ДО СИОНА. Армяне и евреи перед лицом истории" — идея диалога носилась в воздухе. И не одно тысячелетие. Еще с тех пор, когда на самых древних картах мира были Армения и Израиль, и когда сама история, казалось, стерла их с земли, и во все века

безгосударственного бытия, рассеяния, геноцида, исхода и восхождения к новой государственности.

Отношения между двумя государствами тем более важны, что Израиль стал как бы задачником, примеры из которого жизнь задает Армении: как строить государственность, как защитить себя, как накормить себя?

Опыт Израиля бесценен для армян, но никаких попыток освоить его не заметно. Нельзя сказать, чтобы и интерес Израиля к Армении был велик. Похоже, обе страны

ждут, что строительство моста, способного соединить Ереван с Иерусалимом, начнет кто-то другой. Что ж, начнем строить мост с середины. Эта книга — одна из его опор.

Такой книги еще не было. Теперь она есть. Её выпустило издательство "НОЙ".

ВТОРОЙ ТОМ "МЕРТВЫХ ДУШ" ИЗДАН!

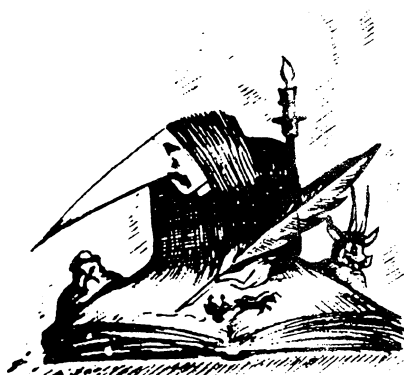
В ночь с 11 на 12 февраля 1852 года огонь уничтожил рукопись второго тома "Мертвых душ", обратив листы в пепел, а продолженные поэмы -- в тайну, почти полтора столетия будоражащую умы читателей и исследователей творчества Николая Васильевича Гоголя.

Московский прозаик Юрий АВАКЯН решил воссоздать второй том "Мертвых душ", используя уцелевшие главы и фрагменты и заново написав девять глав. Кошунство? Безумие? Кто знает... Мы можем лишь свидетельствовать, что писатель осуществил то, что не давало ему покоя очень давно. Он не отрекся от мечты. Не отшатнулся от безумной идеи, а ринулся ей навстречу.

Второй том закончен. Павел Иванович Чичиков вновь колесит по Руси на своей бричке. Он спешит и к тебе, читатель.

Редакция вестника "Ной" поздравляет нашего давнего автора и друга с выходом в свет долгожданной книги.

Адрес для справок: 113534, Москва, а/я 11

К ВТОРОЙ
"Мертвые души"

07.11.93

Юрий Авакян

ГАРРИ КАСПАРОВ В ИЗРАИЛЕ

О приезде тринадцатого чемпиона мира в Израиль стало известно заранее, приблизительно за месяц. Понятный интерес к визиту Каспарова усиливало то обстоятельство, что он, исколесив весь мир, до сих пор не побывал на Святой Земле. Как и положено, визит шахматного короля носил официальный характер - Гарри принял участие в торжественной церемонии закладки здания Шахматной Академии Израиля. Но об этом чуть дальше...

Что касается меня, я был безмерно рад. Ведь я бывший бакинец, хорошо помню Кима Вайнштейна - отца Гарри, знаком с его замечательной мамой. Гарик был еще мальчиком, когда гроссмейстер Владимир Багиров, ныне тоже бывший бакинец, сказал мне: "Этот пацан - какое-то чудо! Он непременно станет чемпионом мира." Зная Володю, как человека строгого, скупко раздающего авансы, я ошарашенно спросил: "Среди юношей?" - "Среди мужчин!" Прогноз сбылся на все сто: Гарри стал лучшим шахматистом планеты, и стал настоящим мужчиной, а это тоже достойно уважения.

Словом, я мысленно готовился к встрече с Гариком и даже подумывал об интервью для "Ноя". Увы, надежды мои не сбылись. Но это меня, как ни странно, только обрадовало, и вот почему...

Каспарова встретили поистине с королевскими почестями. Программа была расписана по минутам: приемы у президента и премьер-министра... Зато те, кто рангом пониже, могли сразиться с чемпионом мира в сеансе одновременной игры. Обычно в таких случаях маэстро делает две-три ничьих с наиболее уважаемыми или старейшими участниками, но Каспаров продемонстрировал, что за шахматной доской он предельно агрессивен, нацелен только на победу. Двадцать четыре участника сеанса были разгромлены, а встреча с Натаном Щаранским закончилась миром - бывший диссидент, а ныне президент Сионистского Форума оказался сильным игроком, к тому же человеком весьма остроумным. Вот так он сам прокомментировал эту партию: "Я очень благодарен Гарри Каспарову за то, что благодаря ему, я вновь обрел некоторую популярность. Сажусь в такси, шофер оборачивается и спрашивает: скажи честно, русский чемпион сделал с тобой ничью законно или по протекции?" Штрих характерный для страны, где протекция ("витамин Пи", как здесь говорят) является одним из важных факторов общественной жизни.

Во втором сеансе Каспарову противостояли соперники серьезнее - пятнадцать сильнейших молодых шахматистов Израиля, среди

них гроссмейстеры, международные мастера и даже чемпион мира /среди мальчиков до 14 лет/ Алик Гершон; по признанию Гарри, такого сильного состава в сеансах одновременной игры он еще не встречал. Тем не менее “молодые львы” были повержены со счетом 13:2. 11 побед и 4 ничьи – результат, прекрасный даже для чемпиона мира!

После этого сеанса Каспаров, видимо, окончательно убедился, что Израиль – лучшее место для создания шахматной Академии, где на основе оригинальных методик, максимально используя обучающие компьютеры, будут растить будущих гроссмейстеров и чемпионов. Одно из самых красивых зданий в Культурном центре, строящемся в Тель-Авиве, станет “штабом” новой Академии. Но Тель-Авивом дело не ограничится, филиалы и отделения Академии возникнут во многих городах Израиля. Внушительную сумму на это пожертвовал один бельгийский миллионер.

Приятно, что на торжественной церемонии присутствовал президент Российской шахматной федерации Андрей Макаров, заверивший, что контакты между шахматистами двух стран будут крепнуть. И в самом деле, если Высоцкий пел когда-то: “А там на четверть бывший наш народ”, то среди шахматистов *наших* куда больше!

Не удовлетворившись набором достопримечательностей для туристов, Каспаров осмотрел Голанские высоты, из-за которых население Израиля раскололось на две части. Без сомнения, все израильтяне хотят мира с арабами, но одни считают, что на прочный мир можно надеяться, лишь отдав Голаны; другие, наоборот, убеждены, что это только спровоцирует воинственных соседей на агрессию. Впрочем, Гарри – не гражданин Израиля и участвовать в референдуме о будущем Голанских высот (если таковой состоится) ему не придется, зато он своими глазами увидел нависшие над страной горные вершины и плато, и, видимо, понял, что они – не просто территория, а нечто гораздо большее для еврейского народа.

Несмотря на расписанный по минутам график встреч и поездок, Каспаров решил встретиться со своими бывшими земляками – шахматистами из Союза. Его поддержал Сохнут. Хотя эта организация особого восторга у новых репатриантов не вызывает, на сей раз грех Бога гневить: специальные автобусы за символическую плату везли людей из Иерусалима, Хайфы, Беэр-Шевы и других мест. Конечно, не все желающие могли попасть в автобусы и в переполненный зал. Стояла небывалая даже для Израиля жара, от которой не спасали работающие на пределе кондиционеры. Чемпион жадно пил минеральную воду, с презрением отвергнув “пепси”.

На встречу пришло немало бывших бакинцев. Рядом со мной сидел (точнее – стоял) первый тренер Гарика мастер Олег Приво-

ротеекий. Неподалеку пристроился профессор Азер Зейналлы, ныне израильтянин, а в свое время он возглавлял советскую делегацию на памятном лондонском матче Каспаров - Корчной.

Гарри напомнил, что когда-то обещал ни за какие блага не покидать родной город. Невольно нарушив этот обет, он, по его словам, выработал "оправдательную формулу": это не он покинул Баку, но прекрасный, неповторимый, многоязычный город, где все говорили по-русски не по приказу "старшего брата", а из чувства взаимного уважения – тот Баку исчез. Вместе со страной, где мы все родились, вместе с неправедным миром, в котором мы жили.

О многом Гарри рассказал в тот вечер, Потом отвечал на вопросы. Среди них были весьма любопытные. "Вы увидели историческую родину вашего отца, а когда же вы посетите историческую родину вашей матери – Армению?" Гарри ответил, что он мог приехать в Израиль и раньше, но оказаться на Святой Земле просто туристом он считал для себя непремлемым. Так же он относится и к поездке в Армению. "И не забудьте, – решительно подчеркнул Гарри, – я должен посетить не только Ереван, но и Степанакерт!"

По словам Каспарова, он оказывает серьезную помощь карабахскому движению, хотя у него были некоторые разногласия с его лидерами. Признавая требования карабахцев справедливыми и легитимными, Гарри опасался большой крови и его опасения сбылись. Но, когда кровь пролилась, выбора уже не оставалось...

Признаюсь, я уже много лет являюсь болельщиком Каспарова, хотя, в принципе, не люблю ставить на фаворита. Несмотря на внушительную разницу в возрасте, у нас много общих друзей, знакомых, и, возможно, даже родственников. А как забыть моего лучшего друга Юрия Гургеновича Сагияна – известного в Баку рентгенолога и совершенно изумительного человека? Вот кто был неистовым болельщиком Гарри! Близкий друг дома Каспаровых-Вайнштейнов, он всегда рассчитывал время отпусков и командировок так, чтобы успеть на все матчи с участием Каспарова. Юра слишком рано ушел из жизни, еще в том Баку, где Каспарова все называли Гарриком.

Я внимательно слежу за публикациями о чемпионе в российской прессе. Многие статьи перепечатывают израильские газеты, так что мы здесь в курсе всех основных шахматных событий. Думаю, российская печать все-таки заразилась от советской прессы скрытой неприязнью к этому слишком талантливому, удачливому и независимому инородцу. Хотя и у нас появляются свои доморожденные "сенсации": так, один израильский гроссмейстер, новый репатриант из России, вполне серьезно заявил, что Гарри Каспаров... энергетический вампир, – в одной из встреч он, воспользовавшись насморком/?!/? соперника, высосал у того всю энергию, что, видимо, и

должно объяснить, почему во встречах с имяреком чемпион мира ведет со счетом 4:0, хотя в других партиях израильтянин, кажется, носом не шмыгал. Нет, Гарри не прав, утверждая, что умение играть в шахматы и интеллектуальность суть синонимы.

За последние годы Каспаров стал серьезнее, спокойнее, мудрее. Но в главном не изменился. Он никогда не принадлежал к тем, кому, по словам Булата Окуджавы, “правду прокричать мешает кашель”. Когда-то журналисты объясняли это кавказским темпераментом, да и молодостью: мол, подождите, жизнь обломает. Однако оказалось, что независимость, решительность, откровенность – не поза, а жизненная позиция Каспарова. Он честен даже в политике, хотя при этом вовсе не лопух, и когда нужно, умеет быть жестким, или, говоря слова другого поэта – “с врагами незастенчивым”

Я мог бы написать еще многое, но пора завершать эти совершенно необъективные и пристрастные заметки. Скажу только одно: уверен, что теперь Гарри будет чаще навещать Святую Землю. Он – деловой человек, но и дела у него будут находиться здесь все чаще. На чем основана моя уверенность? Просто я живу в Израиле и просто я знаю Гарри много лет.

Безр-Шева

Эти заметки Юрия Арустамова, давнего друга и автора вестника, добрались до Москвы, когда номер был уже сверстан. Все-таки их удалось втиснуть, чему я очень рад. Тем более, что этот номер – юбилейный (№ 1 вышел 24 апреля 1992), венчающий трехлетний труд авторов, переводчиков, художников, корректора, верстальщиков, наборщиков и тех, кто жертвуя средствами на журнал, помогает нам... нет, не выжить, а жить, дыша полной грудью, считая себя самым счастливым изданием на свете. Поздравляю и от всего сердца благодарю вас всех!

Вардан ВАРЖАПЕТЯН

СОДЕРЖАНИЕ

Нелли ЗАКС. “Вы, созерцающие...” Стихи. Пер. В. Микушевича.....	5
“Почему война?” Письма Альберта ЭЙНШТЕЙНА и Зигмунда ФРЕЙДА. Пер. А. Руткевича	6
Нелли ЗАКС. Нобелевская речь. Пер. В. Микушевича	20
Нелли ЗАКС. Стихи. Пер. Г. Ратгауза и В. Микушевича	21
Из переписки Нелли ЗАКС и Пауля ЦЕЛАНА. Пер. и комментарий Б. Шапиро	29
Петер ХАММ. Жизнь смилостивилась - и сокрушила нас. Пер. В. Микушевича	40
Владимир МИКУШЕВИЧ. Кто боится Нелли Закс?	46
Владимир МИКУШЕВИЧ. Пляска на Страшном суде	48
Хильде ДОМИН. Из благодарственной речи по случаю присуждения ей премии имени Нелли Закс. Пер. Т. Вебер	59
ШАХМАТЫ, АРМЯНЕ И ЕВРЕИ	66
Матч “Золотой мост” состоялся!	71
Фред ВАЙТЦКИН. Смертельные игры. Главы из книги. Пер. Ан. Фридмана	93
Инна ЛИСНЯНСКАЯ. “А как он был любим...” Стихи	106
Джейкоб НЬЮЗНЕР. Приглашение к Талмуду. Пер. О. Боровой ..	107
Исаак ФИЛЬШТИНСКИЙ. Возникновение ислама и судьба евреев в Аравии	120
Эдуард ШУЛЬМАН. Коэффициент Шульмана. Брат. Рассказы ..	127
Нелли КЕОСЕЯН. Песнь любимому. Стихи. Пер. П. Грушко	133
Давид ЧЕРИСЬЯН. Обстоятельства. Стихи. Пер. П. Грушко	136
Геворг ЭМИН. Дождь моего детства. Пер. Е. Николаевской	139
Борис ШАПИРО. Тринадцать. Поэма	144
Владимир ГЕРЦИК. “О, темная свобода - смерть!” Стихи	151
Илья ЭРЕНБУРГ. Ложка дёгтя	153
Андре СПИР. Непостоянство. Пер. И. Эренбурга	156
Владимир КЛИМОВ. Трагическая жизнепись Франца Кафки	158
Эрнст ТРУММЕР. Поэт переводит поэта	160
Фридрих ГЁЛЬДЕРЛИН. Стихи. Пер. Вл. Летучий	173
Эмили ДИКИНСОН. Стихи. Пер. И. Мизрахи	176
Эрик ГУД. Пер. В. Микушевича	178
Юрий АРУСТАМОВ. Гарри Каспаров в Израиле.	182

Главный художник Владимир Петров
Обложка художника Марка Ибшмана
Набор и верстка выполнена в издательстве "НОИ"

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020338 от 26.12.1991 г.

Подписано в печать
Формат 84×108/32
Бумага офсетная
Заказ 40
Цена свободная
Тираж 999 экз.

113534 Москва А/Я 11
Телефон 386-25-63

באת
למה
לב

